

АДМИНИСТРАЦИЯ ГУБЕРНАТОРА ПЕРМСКОГО КРАЯ
АССОЦИАЦИЯ АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ РОССИИ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ УРО РАН
ПЕРМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР УРО РАН
ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

XVI Конгресс антропологов и этнологов России

Материалы пленарного заседания

издательство
МАМАТОВ®
www.mamatov.ru

С.-ПЕТЕРБУРГ
2025

УДК 572.9(063)(470+571)

ББК 28.71я43

К64

Рецензенты:

ГОЛОВНЕВ Андрей Владимирович,
академик РАН, доктор исторических наук, директор Музея антропологии
и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
(г. Санкт-Петербург);

СМИРНОВА Татьяна Борисовна,
доктор исторических наук, профессор Омского государственного
университета им. Ф. М. Достоевского
(г. Омск)

Перевод на русский язык: *Е. И. Соболева, М. С. Каменских*

*Рекомендовано к печати Объединенным Ученым советом
Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН*

*Издание осуществлено при поддержке Федерального агентства
по делам национальностей*

К64 XVI Конгресс антропологов и этнологов России. Материалы пленарного заседания. Пермь, 2–6 июля 2025 г./ Ред.: А. В. Черных, М. С. Каменских. Пермь:
Изд-во «Маматов», 2025. – 168 с.

В сборник включены доклады участников пленарного заседания XVI Конгресса антропологов и этнологов России, состоявшегося в г. Перми 2–6 июля 2025 г. На Конгрессе были обсуждены основные направления и достижения в области отечественной и мировой социально-культурной антропологии и этнологии, реализация государственной национальной политики, обеспечение гражданского и межнационального согласия, деятельность по сохранению нематериального этнокультурного достояния в России и мире и др.

В сборник включены доклады, отражающие наиболее актуальные темы и вопросы, представленные отечественными и зарубежными исследователями (Россия, Китай, Индия, Словакия, Казахстан, Кыргызстан). Материалы, представленные на Конгрессе на иностранных языках, для сборника переведены на русский язык. Издание адресовано специалистам в области современной этнологии и антропологии.

ISBN 978-5-91076-298-9

Содержание

<i>Предисловие.....</i>	4
<i>A. B. Черных (г. Пермь, Россия)</i>	
Нематериальное этнокультурное достояние России: основные подходы к сохранению и презентации.....	6
<i>C. С. Алымов, A. E. Загребин, M. M. Керимова (г. Москва, Россия)</i>	
Российская этнология: 300 лет исследований, поисков и служения.....	25
<i>B. A. Тишков (г. Москва, Россия)</i>	
Онтологический поворот и этнологический суверенитет.....	40
<i>O. E. Казьмина (г. Москва, Россия)</i>	
Этнология и социально-культурная антропология в Московском государственном университете: традиции и перспективы.....	53
<i>Гуань Кай (г. Пекин, КНР)</i>	
Исторический контекст формирования этнологических знаний в ценностях новой эпохи.....	60
<i>E. A. Марушиакова, B. Попов (г. Братислава, Словакия)</i>	
Сервисный номадизм цыган в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе.....	85
<i>Анинхалли Васави (г. Бангалур, Индия)</i>	
Эрозия агрокультур и вопросы антропологических последствий.....	109
<i>A. A. Асанканов (г. Бишкек, Кыргызстан)</i>	
Этногенетические и этнокультурные связи кыргызов с народами Алтая.....	120
<i>M. C. Каменских (г. Пермь, Россия), A. B. Плотников (г. Кудымкар, Россия)</i>	
Коми-Пермяцкий округ в истории российского федерализма и нациестроительства: XX–XXI вв. (к 100-летию Коми-Пермяцкого округа Пермского края).....	129
<i>C. B. Васильев (г. Москва, Россия)</i>	
Население Древней Руси.....	144

Предисловие

Настоящее издание представляет сборник материалов пленарного заседания XVI Конгресса антропологов и этнологов России, который проходил в городе Перми со 2 по 6 июля 2025 года. Конгресс ведет свою историю с 1995 года, и мероприятие традиционно является крупнейшим событием в жизни отечественной этнологии. Его проведение, как правило, задает вектор дальнейших дискуссий по основным направлениям развития этой области знания в нашей стране. Тематика докладов и дискуссий Конгресса связана с решением важных задач современного общества, среди которых – сохранение межнационального согласия, популяризация историко-культурного наследия народов Российской Федерации и мира в целом, презентация опыта ученых в области изучения и популяризации межкультурного и межнационального взаимодействия. Данное мероприятие в целях реализации государственной национальной и миграционной политики направлено на развитие взаимодействия академических коллективов и отдельных ученых с институтами гражданского общества и органами местного самоуправления. Конгресс имеет большую значимость для обеспечения стабильности и согласия в многонациональном российском обществе, утверждения российской идентичности, сохранения и развития историко-культурного наследия народов Российской Федерации. В академическом плане важной задачей Конгресса является обсуждение основных направлений и достижений в области отечественной и мировой антропологии и этнологии.

Основные целевые аудитории – профессиональные историки, этнографы, антропологи, преподаватели университетов, сотрудники академических институтов и центров, сотрудники федеральных, муниципальных, частных архивов, музеев и библиотек. В качестве приглашенных участников выступают представители зарубежных научных центров антропологии и этнологии.

Решением правления Ассоциации антропологов и этнологов России местом проведения Конгресса в 2025 году определен город Пермь. Правление Ассоциации подчеркивало значимость Перми для современной российской этнологии. Открытие нового академического института в 2022 году – Института гуманитарных исследований УрО РАН, наличие собственной этнологической школы, опыт региона во взаимодействии ученого сообщества, органов власти и учреждений культуры в решении прикладных задач – стали важными факторами в выборе площадки Конгресса. Проведение Конгресса именно в Пермском крае в 2025 году особенно символично и в связи с тем, что в этот год празднуется юбилей создания Коми-Пермяцкого национального округа – первой автономии такого уровня в истории СССР.

В 2025 году организаторами мероприятия выступают Администрация губернатора Пермского края, Ассоциация этнологов и антропологов России, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Федеральное агентство по делам национальностей, Институт гуманитарных исследований УрО РАН – филиал ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН», Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Заявки на участие в Конгрессе в 2025 году подали свыше 2700 ученых и экспертов из России, стран дальнего и ближнего зарубежья. Из них руководителями секций было отобрано более 1500 докладов для работы Конгресса. Особенностью XVI Конгресса стало существенное расширение географии участников. Свои доклады направили представители ряда крупнейших стран, где имеется собственная исследовательская традиция (Китай, Индия, Словакия, Израиль, Кыргызстан, Казахстан, Республика Беларусь, США, Мали, Армения, Таджикистан, Узбекистан и др.). Ряд докладов зарубежных коллег представлены на пленарной сессии и включены в содержание данного сборника.

В рамках Конгресса организована работа 62 секций и 7 круглых столов. Отдельной строкой в программе Конгресса обозначен круглый стол «Великая Победа в исторической памяти народов России», приуроченный к 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Тематика секций и круглых столов затрагивает самые разные аспекты этнологии и антропологии. В программу Конгресса включены как традиционные этнографические темы (этноистория, этнография отдельных народов), так и современные междисциплинарные направления развития антропологии (медицинская антропология, антропология спорта, когнитивный поворот, гендерные исследования и др.). Отдельная площадка посвящена опыту проведения этнологических исследований в России и Китае на современном этапе, что также отражено в рамках данного сборника.

Проведение Конгресса всегда способствует популяризации этнографических знаний и этнокультурного просвещения населения Российской Федерации и территорий сопредельных стран во взаимодействии со СМИ, общественными организациями и издателями. С целью популяризации этнологического знания в рамках работы Конгресса организованы книжные выставки, кинопоказы, презентации книг и научных журналов, встречи с известными учеными.

Материалы Конгресса публикуются на русском языке и включают десять докладов. Тематика представленных материалов весьма разнообразна: от рассуждений о становлении академической традиции отдельных стран и влияния глобализации на разрушение традиционных экономик – до конкретных полевых исследований, проводимых нашими коллегами. Статьи участников из России посвящены таким важным темам, как нематериальное этнокультурное достояние народов России, развитие отечественной этнологии, особенности советской национальной политики, физическая антропология на примере исследования населения Древней Руси. Специальный материал посвящен истории этнологии на профильной кафедре в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, которая в этом году празднует юбилей.

А. В. Черных, М. С. Каменских

А. В. Черных

Институт гуманитарных исследований УрО РАН (г. Пермь, Россия)

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К СОХРАНЕНИЮ И ПРЕЗЕНТАЦИИ

Нематериальное этнокультурное достояние – этот термин в последние годы чрезвычайно широко стал использоваться в научном дискурсе и в практиках работы учреждений культуры в нашей стране. Выявление, изучение, сохранение и актуализация объектов нематериального этнокультурного достояния (далее также – НЭД) становятся одними из значимых задач культурной политики, стоящих перед Российской Федерацией.

Концепт «нематериальное культурное наследие» (далее также – НКН) стал активно использоваться в мире и в России после принятия Конвенции о нематериальном культурном наследии ЮНЕСКО 17 октября 2003 г. (Конвенция 2003). Сегодня более 200 стран мира ратифицировало Конвенцию. Определение, опубликованное и провозглашенное Конвенцией, стало основным, которым пользовались при обсуждении проблематики нематериального культурного наследия. С 2008 г. в список шедевров нематериального культурного наследия ЮНЕСКО от России входят два объекта: якутский героический эпос «Олонхо» и «Культурное пространство и устное творчество семейских Забайкалья» (Russian Federation). В настоящее время в Список шедевров нематериального культурного наследия ЮНЕСКО объекты от России не включаются, так как Россия не ратифицировала Конвенцию ЮНЕСКО (Нематериальное культурное наследие 2020: 8).

В итоге, опираясь на тот факт, что в Российской Федерации сложились свои особенности охраны нематериального культурного наследия, было принято решение не ратифицировать документ, а принять комплекс мер по сохранению культурного достояния народов нашей страны (Добровольская 2021: 25).

В то же время следует отметить, что публикация Конвенции и актуализация данной тематики в международном контексте стали основой для начала введения понятия «нематериального культурного наследия» в общественную сферу Российской Федерации, а также придали импульс деятельности по его сохранению.

Организационно-правовые основы деятельности в сфере НЭД

В октябре 2003 г. был создан Российский комитет по сохранению нематериального культурного наследия народов России (Нематериальное культурное наследие 2020: 8). Важным шагом на пути сохранения НКН и организационного оформления стало заседание Государственного Совета Российской Федерации 26 декабря 2006 г. в Москве, на котором обсуждалась поддержка традиционной культуры, по результатам было дано поручение рассмотреть вопрос о разработке концепции и программы по сохранению нематериального культурного наследия Российской Федерации (Каргин, Костина 2008: 62–63). В 2008 г. была принята Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации. В рамках программы реализации Концепции было решено создавать на территории Российской Федерации банк данных (каталог) объектов НКН (Пуртова 2018: 37). Примером для данного каталога послужил список шедевров устного и нематериального Всемирного наследия ЮНЕСКО. Следует отметить, что Концепция была рассчитана на 2009–2015 гг. и не была продлена на следующий период.

Особенностью Российской Федерации является деятельность в сфере нематериального культурного наследия не только на федеральном уровне, но и в субъектах России. В нескольких субъектах Российской Федерации были приняты региональные законы о нематериальном культурном наследии, как, например, в республиках Татарстан, Тыва, Алтай, Хакасия, Дагестан, а также в Саратовской, Вологодской областях, Краснодарском крае, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах и других (Пояснительная записка; Чулисова 2022). Независимо от принятых законов во многих субъектах разрабатываются и наполняются региональные каталоги объектов НКН и уже накоплен значительный опыт по сохранению и презентации регионального нематериального культурного наследия.

Важным событием, связанным с нематериальным культурным наследием, можно считать создание в 2019 г. в рамках деятельности Российского Комитета по сохранению нематериального культурного наследия при Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО Экспертного совета по вопросам формирования реестра (каталога) объектов нематериального культурного наследия (Нематериальное культурное наследие 2020: 9). Работа Совета продолжается в настоящее время и связана не только с экспертизой объектов НКН для включения в федеральный реестр, но и с научно-методической деятельностью в данной сфере, а также экспедиционной и исследовательской работой по выявлению и изучению объектов НКН. Экспертный совет объединил специалистов в областях этнологии, этномузикологии, фольклористики, культурологии и искусствоведения из разных научных центров страны.

Следует отметить, что в разработке нормативной базы принимали активное участие эксперты Государственного российского дома народного творчества им. В. Д. Поленова и федерального Экспертного совета по вопросам формирования реестра (каталога) объектов нематериального культурного наследия из разных научных центров России. В настоящее время ГРДНТ им. В. Д. Поленова является организационным и методическим центром в сфере нематериального этнокультурного достояния.

Значимые события в сфере поддержки нематериального культурного наследия произошли в 2022 г. Весной 2022 г. рабочая группа завершила обсуждение проекта закона, а 20 октября 2022 г. был подписан принятый 4 октября 2022 г. Государственной Думой Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации». Принятие закона не только логично завершило предшествующую деятельность в сфере изучения, сохранения и актуализации нематериального культурного наследия, но и открыло новый период в организационной работе в данной сфере.

Важным подспорьем в этом деле стало также Постановление № 1277 от 03.08.2023 в рамках реализации норм упомянутого выше Федерального закона, утвердившее «Положение о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации». Стоит отметить, что работа с реестрами объектов в России проводилась уже в течение последних двух десятилетий и с 2021 г. создан обновленный, действующий в настоящее время, реестр объектов (Реестр). Но при этом Положение определяет более высокий статус реестра как государственной информационной системы. Положение закрепляет многолетний опыт, связанный с описанием и размещением объектов в каталог. В Приложениях к документу приводится разработанный и применяемый в настоящее время принцип описания объектов нематериального этнокультурного наследия (НЭД), основные сведения, необходимые для составления паспорта объекта в каталоге. Документ обязует Министерство культуры создать и утвердить новый состав экспертного совета.

С 2022 г. Министерством культуры РФ разрабатывался проект «Концепции сохранения и развития традиционной народной культуры и нематериального культурного наследия народов Российской Федерации». Документ обсуждался в Комитете Совета Федерации по науке, образованию и культуре на круглом столе. Концепция направлена на реализацию Федерального закона от 20.10.2022 № 402-ФЗ (О проекте). Концепция была принята Распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2024 г. № 206-р «О Концепции сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния РФ на период до 2030 года». Актуальной задачей является также разработка и принятие соответствующей Программы реализации концепции, которая позволила бы системно выстроить и финансировать работу в сфере НЭД, в том числе ведение федерального реестра.

Таким образом, в последние два года были приняты важные документы, устанавливающие круг явлений культуры, определяемых в Российской Федерации как объекты НЭД, и регламентирующие деятельность по ведению и наполнению реестра объектов НЭД. Несмотря на то что принятие законодательных актов требует корректировки системы работы в сфере нематериального этнокультурного достояния, уже в настоящее время Государственным российским домом народного творчества им. В. Д. Поленова и экспертами федерального Экспертного совета по вопросам формирования реестра (каталога) объектов нематериального культурного наследия проводилась организационная и методическая работа в сфере нематериального этнокультурного достояния на федеральном уровне. Принятые документы определили основные направления работы в сфере нематериального культурного наследия.

Закон о нематериальном этнокультурном достоянии и его оценка

Несомненно, ключевым событием последнего времени в сфере нематериального этнокультурного достояния стало принятие Федерального закона от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» (Федеральный закон 2022). С одной стороны, закон подвел определенные итоги дискуссий о понятии нематериального культурного наследия и подходах к пониманию содержания, а также практической деятельности в данном направлении за последние два десятилетия. С другой стороны, закон определил новые задачи на перспективу и придал импульс в деятельности в сфере сохранения НКН.

Закон имеет рамочный характер, однако он обладает важным значением для деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния. Он регулирует отношения в области выявления, изучения, использования, сохранения и популяризации нематериального наследия (Русанова 2023: 9–13). Закон впервые вводит и закрепляет терминологию, связанную с НЭД, в том числе основное понятие «нематериальное этнокультурное достояние». Так как в основе российского подхода к НЭД законом заложен этнокультурный компонент, в законе приведено определение этнической общности, которое повторяет определение, характерное для других правовых документов. Хотя с точки зрения современной этнологии оно выглядит несколько устаревшим (Тишков 2023: 8). Термин «носители» также определен в контексте этнокультурного содержания закона, в то же время номинация «хранители» определяет широкий круг физических и юридических лиц, которые ведут деятельность по выявлению, изучению, использованию, сохранению и популяризации объектов НЭД, в том числе дома народного творчества, учреждения культуры, творческие коллективы. Достаточно широко и емко сформулировано в законе и содержание государственной политики в области нематериального этнокультурного достояния. Она включает в себя такие направления деятельности, как выявление, изучение, использование, актуализация, сохранение и популяризация объектов нематериального этнокультурного достояния. Таким образом, кроме основных понятий, в законе также зафиксированы главные направления работы в сфере НЭД и введено понятие «объект нематериального этнокультурного достояния». Отдельная статья закона определяет основные категории явлений культуры, которые относятся к объектам НЭД. При всей сложности и многообразии культурных традиций народов России, многие явления культуры, относящиеся к наследию, сложно классифицировать в те или иные схемы, пункт «иные объекты нематериального этнокультурного достояния» снимает возможные сложности и противоречия. Закон выделяет три категории объектов НЭД – федеральные, региональные, муниципальные. Отдельные статьи закона определяют полномочия федеральных, региональных органов власти и органов местного самоуправления, права носителей и хранителей НЭД, права физических и юридических лиц в области НЭД. Так как основой для работы в сфере НЭД является ведение каталога – реестра объектов НЭД, закон определяет статус федерального реестра как информационной системы, прописано право субъектов вести собственные региональные реестры.

Вне рамок закона, к сожалению, остались некоторые важные, с нашей точки зрения, аспекты работы в сфере сохранения нематериального наследия, обсуждавшиеся во время рабочих встреч по подготовке закона, но не вошедшие в итоговый документ. Закон не закрепляет ответственности об архивном хранении, в том числе передаче в государственные архивы Российской Федерации материалов, относящихся к объектам нематериального этнокультурного достояния. Важность архивного хранения, с нашей точки зрения, обусловлена несколькими факторами. В реестры размещается лишь незначительная часть материалов об объекте НЭД, а значительный объем собранного материала по объекту остается у хранителя, у которого формально нет обязательств сохранения этого материала и обеспечения доступа к нему ученых и практиков. При необходимости более детального изучения объекта также требуется обращение к дополнительным материалам, возможное местонахождение которых неизвестно, что затрудняет их доступность. У домов народного творчества и других учреждений культуры, которые занимаются ведением регионального реестра и готовят объекты от региона для размещения в федеральный каталог, как правило, нет специализированных фольклорно-этнографических архивов, как и обязательств и нормативов хранения материалов по объекту. Опыт работы с информационными ресурсами, в том числе каталогами нематериального этнокультурного достояния, также показывает, что в случае смены платформы, оператора ресурса, технических сбоев возможны невосполнимые потери материалов.

Так или иначе, закон стал важным этапом работы в сфере нематериального этнокультурного достояния. В настоящее время в регионах России в соответствие с федеральным законом приводится региональная законодательная база. Не менее важным представляется выстраивание единой системы работы в сфере НЭД, организация работы федеральных и региональных экспертных советов, соответствие общим подходам федерального и региональных реестров (каталогов) объектов НКН. Принятие закона вносит изменения и в действующий федеральный реестр объектов НКН, так как в документах закона провозглашено: «...создание Реестра объектов нематериального культурного наследия (государственной информационной системы “Федеральный государственный реестр объектов этнокультурного достояния Российской Федерации”) является одним из ключевых мероприятий, направленных на систематизацию накопленных данных об объектах нематериального культурного наследия народов России» (Пояснительная записка).

Определение и содержание термина в России

Одна из задач, которая стоит перед научным сообществом, – это теоретическое осмысление проблематики нематериального культурного наследия, в том числе концептуализация основных понятий и подходов к деятельности в данной сфере.

Закон «О нематериальном этнокультурном достоянии», как мы отмечали, ввел новое российское определение «нематериальное этнокультурное достояние»:

«...нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации (далее – нематериальное этнокультурное достояние) – нематериальное культурное насле-

дие народов Российской Федерации как совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения» (ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии»).

Введение нового определения завершило на определенном этапе дискуссию о круге явлений, которые рассматриваются в нашей стране в контексте нематериального культурного наследия, основываясь на этнокультурной составляющей, прежде всего, традиционной культуре и современных формах ее бытования и презентации.

Как известно, определение ЮНЕСКО достаточно широко трактует круг явлений НКН. Дискуссия по определению понятия НКН в России возникла и ведется с момента принятия и обсуждения первых документов в данной сфере. С одной стороны, неоднократно предлагалось использовать международный термин в достаточно широком понимании НКН (Каргин, Костина 2008: 63). С другой стороны, неоднократно предлагалось ввести свое, российское, определение нематериального культурного наследия, отражающее специфику развития фольклора народов России. Однако на протяжении последних десятилетий документы включали разные определения «НКН», что показывало остроту существующей дискуссии и сложность единого определения. Приведем лишь несколько примеров использования разных понятий НКН в российском дискурсе. В Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия 2008 г. воспроизводится определение, близкое к определению концепции ЮНЕСКО (Концепция 2008). В модельном законе «Об охране нематериального культурного наследия» от 2013 г., принятом на пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ,дается более «узкое» определение, ориентирующее в первую очередь на этнокультурную сферу, так как в нем уточнен круг явлений через их перечисление: «...включая: язык, нормы и правила поведения, верования, обряды, обычаи, празднества, фольклор, технологии изготовления предметов народного декоративно-прикладного искусства, музыкальных инструментов, предметов быта и народные художественные каноны, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах и стилистике их воплощения» (Модельный закон). В утвержденных в 2014 г. Основах государственной культурной политики дано более расширенное определение «культурного наследия», включающее, кроме явлений народной культуры, также русскую литературу и литературу народов России, музыкальное, театральное и кинематографическое наследие, систему подготовки кадров (Основы государственной культурной политики 2014).

Используемые в приведенных документах определения явились основой и для применения их в региональном законодательстве, при этом законодательные акты в разных регионах, принятые до федерального закона, отсылают к разным определениям и подходам. В законе Республики Татарстан «О нематериальном культурном наследии в Республике Татарстан» определение соотносится с определением Модельного закона СНГ, а в Саратовской области – воспроизводит определение

из Основ государственной культурной политики (О нематериальном культурном наследии в Республике Татарстан 2017; Об объектах нематериального культурного наследия Саратовской области 2017).

Таким образом, основная дискуссия заключается в определении круга явлений, которые включаются в совокупность нематериального культурного наследия, от его понимания как явлений этнической культуры, прежде всего, в ее традиционных формах, до предельно широкого круга явлений культуры общества, включающего такие явления, как профессиональное искусство, литература, самодеятельное, в том числе авторское, творчество, научные школы и педагогические системы подготовки кадров и многое другое. В этом круге определений между предельно «широким» и «узким» пониманием нематериального культурного наследия и в будущем возможны дискуссия и теоретическое осмысление всего комплекса явлений.

Следует констатировать, что несмотря на принятие закона и законодательное закрепление основных терминов и определений, по-прежнему содержание основных номинаций представляется дискуссионным. Обращение к исследованием и публикациям последних лет также показывает остроту дискуссии и большой спектр мнений среди исследователей, от понимания нематериального культурного наследия как фольклора (или несколько шире – явлений традиционной культуры) до широкого спектра явлений, существующих в нематериальной форме (Каргин, Костина 2008; Энциклопедия 2022). Сложность в определении понятия и его наполнения обусловлена и тем фактором, что нематериальное этнокультурное достояние является предметом изучения целого ряда научных дисциплин со своими подходами к пониманию данного явления – философии и культурологии, антропологии и этнологии, фольклористики и лингвистики, этномузыкаологии и музееведения и ряда других.

Федеральные каталоги объектов НЭД

В 2000–2010-е гг. в Российской Федерации разрабатывается несколько pilotных каталогов. В рамках Концепции 2008 года одним из направлений работы по ее реализации стало создание проекта электронного каталога объектов НКН, который представлял собой реестр примеров работы с нематериальным культурным наследием, его выявления и фиксации и, прежде всего, использования в деятельности учреждений культуры страны (Добровольская 2021: 25). Однако в 2012 г. был разработан новый вариант каталога с измененной структурой, наполнение которого осуществлялось последовательно Государственным институтом искусствознания (г. Москва) и Государственным республиканским центром русского фольклора (г. Москва, с 2017 г. – структурное подразделение Государственного российского дома народного творчества им. В. Д. Поленова) (Нематериальное культурное наследие 2020: 9). Проект нового каталога, составленный научным сообществом, был направлен на популяризацию наследия и использование представленных материалов в учебной и просветительской работе (Добровольская 2021: 25). Однако и данный каталог объектов нематериального культурного наследия Российской Федерации не стал окончательным. С 2021 г. был запущен новый электронный каталог (реестр) объектов НКН России (Реестр 2021).

В настоящее время актуальными, открытыми для свободного доступа, представляются два каталога: это список объектов НКН, размещенный на сайте «Культура.РФ» в разделе «Традиции» под рубрикой «Нематериальное культурное наследие», в котором размещено 447 объектов, и «Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России», в котором к 2025 г. размещено 169 объектов. Создание нескольких каталогов (реестров) выявило проблемы, прежде всего – существование разных подходов к пониманию нематериального культурного наследия, целей и задач каталога, его целевой аудитории, а также разных учреждений, готовых к реализации наполнения каталога.

Выход в последние годы федеральных законодательных и нормативных документов, в которых провозглашено создание реестра объектов нематериального этнокультурного достояния как федеральной информационной системы, требует создания нового информационного ресурса. В этом контексте актуальным в настоящее время представляется интеграция вариантов каталога и создание единого, с общими подходами каталога (реестра) объектов нематериального культурного наследия России. Очевидно, что решение этой задачи – перспектива ближайшего будущего.

Следует отметить, что работа по выявлению и актуализации объектов нематериального культурного наследия проводилась не только на федеральном уровне, – в нее активно включились многие регионы России. В то же время следует констатировать, что далеко не все регионы ведут активную деятельность в данном направлении, что подразумевает создание и работу Экспертного совета, выявление объектов, описание и ведение каталога. Содержательный аспект заполненных региональных каталогов также вызывает множество вопросов и критики.

Для выстраивания успешной работы в сфере НЭД и наполнения федерального и регионального реестра объектов НЭД необходимо определиться с несколькими основными положениями: Какие задачи решает каталог? Какое информационное наполнение требуется для федерального реестра?

Как мы понимаем, подходов к наполнению федерального реестра и ответов на данные вопросы может быть несколько.

В основе создания реестра – уже существующий опыт подобных ресурсов как ЮНЕСКО, так и других стран, в то же время реестр объектов НЭД Российской Федерации может иметь свои особенности, соответствующие нашей специфике и задачам сохранения наследия.

Какие возможные варианты концептуальных подходов к федеральному реестру? Одним из таких вариантов для широкого круга пользователей может стать ориентация на всеми известную «Красную книгу», показывающую наиболее уникальных и находящихся на грани исчезновения представителей флоры и фауны. В этом ключе «Красная книга» нематериального этнокультурного достояния также призвана в первую очередь обратить внимание на существующие явления, уникальность которых требует их сохранения. В таком случае при наполнении каталога требуется предельно общая, с меньшей степенью детализации, информация об объекте. Другой подход к наполнению предполагает формирование на основе реестра уникального информационного, образовательного и просветительского ресурса, которого во всероссийском масштабе нет в нашей стране. Размещение

значительного по объему научного текста, визуальных источников, других материалов, связанных с объектом, сделает реестр уникальной энциклопедией этнокультурных традиций России. Иной подход может быть выстроен, если рассматривать реестр исключительно как ресурс презентационных материалов, соотнесенных с наследием и регионами России. Осмысление концепции реестра и его наполнения – важная задача для выстраивания продуктивной и системной работы в этом направлении. Необходимо обсуждение концептуальных подходов и к региональным реестрам, так как в настоящее время они существенно различаются и по наполнению, и по качеству размещенного материала.

Подходы к пониманию объектов нематериального этнокультурного достояния и формированию реестра объектов

Уникальность России с ее географическим, историческим и этнокультурным ландшафтом определила несколько основных базовых характеристик нематериального этнокультурного достояния нашей страны.

1. **Многообразие объектов НЭД** определяется не только разным укладом жизни на территории страны, но и уникальным многообразием явлений в разных сферах, которые становятся объектами НЭД. Предложенный и действующий в настоящее время в федеральном и региональных каталогах рубрикатор объектов НЭД уже позволяет говорить о многообразии материалов, среди которых песенные традиции сел и деревень, обрядовые традиции, технологии народных промыслов и ремесел, технологии традиционной кухни, наследие и репертуар отдельных исполнителей и мастеров народного творчества, хозяйствственные традиции и многое другое. В числе таких примеров можно отметить разнообразие приемов и технологий традиционного природопользования и хозяйственной деятельности. Среди объектов, размещенных в каталоге, с традициями рыбной ловли, например, связаны: бытовавшие в прошлом *катешный лов* – технология ловли рыбы с помощью катцы у татар села Новые Булгары Икрянинского района Астраханской области; *Шыга-ятыу* – технология ловли рыбы на живца в Абзелиловском районе Республики Башкортостан (Нематериальное культурное наследие 2020: 54–59, 316–323).

В настоящее время рубрикатор каталога включает пять основных позиций: I. Народные знания; II. Обрядовые комплексы и праздники; III. Народное исполнительство; IV. Традиционные технологии и техники; V. Народные игры, традиционные единоборства и состязания. Основные разделы каталога включают подрубрики, отражающие все многообразие этнокультурного наследия. В то же время эксперты осознают, что все явления традиционной культуры народов России сложно вписать в единую схему, поэтому данный рубрикатор представляется рабочим, уточнение которого возможно по мере наполнения федерального каталога конкретными объектами.

В настоящее время как в рубрикаторе, так и среди материалов федерального реестра нет объектов, раскрывающих уникальное языковое и диалектное разнообразие нашей страны, однако считаем, что подобные объекты нематериального этнокультурного достояния также требуют отдельной разработки и представленности в реестре.

2. Этнический состав и полизначность России. В Российской Федерации проживают, согласно материалам переписи населения 2010 года, представители 193 народов, языковая карта показывает еще более сложную картину: в стране представлено 277 языков и диалектов. Среди объектов НЭД – все этническое многообразие народов и этнических групп нашей страны. При этом подготовить объекты, отражающие этнокультурную палитру России – достаточно сложная задача, требующая многих лет работы.

Новый закон рассматривает нематериальное этнокультурное достояние сквозь призму этничности. Однако в целом ряде случаев определить этническую принадлежность явлений и образцов культуры достаточно сложно в силу их широкого распространения. Немало примеров, когда одно и то же явление – достояние целой группы этнических сообществ того или иного региона. И в этом контексте также важно достаточно корректно использовать этнические категории. Для решения таких сложных вопросов в федеральном реестре предусмотрено указание не одного, а нескольких этнических сообществ, указание конфессиональной и территориальной принадлежности данного явления, а в ряде случаев и указание конкретного локального сообщества – места бытования объекта НЭД.

И хотя концепт нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации имеет этническую основу, не менее важной задачей является формирование и размещение в реестре объектов, которые не ограничиваются этническими сообществами, а характеризуют в целом региональную традицию, как, например, техники и технологии изготовления оренбургских пуховых платков, которыми в регионе занимаются многие народы, приготовление юколы [заготовка сущеной рыбы] у народов Сахалина и Дальнего Востока, плетение из соснового корня, характерное для всех северных регионов России, русских, карел, коми, коми-пермяков и других. Именно такие материалы показывают общность исторических судеб народов нашей страны и многовековые традиции межэтнического взаимодействия.

3. Локальность и вариативность. Нематериальное культурное наследие многообразно и взаимопроникаемо, что затрудняет составление единой и универсальной схемы и локализации объектов, а часто и привязки к одному из этнических сообществ и регионов. Достаточно много объектов, которые имеют межэтнический и межрегиональный характер. В то же время именно локусы бытования объекта и его распространение являются наиболее сложными и дискуссионными вопросами в работе с объектами нематериального культурного наследия. С нашей точки зрения, здесь следует руководствоваться основными постулатами термина и подходов к анализу «вариативности» и «локальной традиции», разрабатываемой в фольклористике и этнологии (Чистов 1986; Лапин 1995), которые должны стать главными принципами работы с объектами НЭД. С одной стороны, это очевидные вещи при изучении и анализе комплексов народной культуры. Например, в народной хореографии танец «кадриль» имеет широкое распространение не только среди русских, но и других народов, существует множество его локальных вариантов. Во многих районах Урала, например, каждая деревня имела свой вариант кадрили с локальным названием села или деревни. В этом контексте логично было бы иметь в качестве само-

стоятельных объектов НЭД несколько описаний самобытных локальных вариантов традиции, которые по мере наполнения каталога, возможно, соберутся в единый комплекс. Такую же картину показывают многочисленные примеры праздничной культуры. Формирование единого объекта «Сабантуй» унифицирует праздник к общим формам, в ущерб самобытным локальным вариантам, которые, представленные как отдельные объекты, формировали бы многогранный и неповторимый образ «Сабантуя» у разных народов в разных районах России, по мере наполнения каталога формируясь в отдельный блок. Это относится и к празднику Троицы многих народов и регионов России. Предлагаемые принципы характерны для всех явлений народной культуры.

В то же время обсуждение «локальности», собственно «локуса» объекта – наиболее дискуссионная тема и в научном сообществе. В этом случае мы видим, что исследователи и практики, готовившие данные объекты для внесения в каталог, придерживаются разных подходов к пониманию локальности в традиции.

4. Памятники фольклора и живая традиция. Концепция и работа по сохранению нематериального культурного наследия ЮНЕСКО прежде всего ориентирована на действующую и сохраняющуюся традицию, которой требуется определенный статус и поддержка. В то же время при реальной работе с нематериальным этнокультурным достоянием следует констатировать, что мы имеем дело с очень разными стадиями сохранения и развития традиции. С одной стороны, целый комплекс явлений народной культуры можно отнести к категории «памятников», как, например, былинную традицию Русского Севера, естественное бытование которой уже не фиксируется в настоящее время. В то же время былины как явление русского фольклора имеют важное значение и для современной идентичности и культуры русского народа. В архивных собраниях находится значительное число записей былинных текстов, реализуется проект публикации свода русских былин (Былины 2001–2015). Можно отметить и несколько современных проектов и исполнителей, которые активно используют былинное наследие в своей исполнительской деятельности. Несомненно, былинная традиция, в том числе в основных центрах ее бытования, также достойна быть представлена среди объектов НЭД. Большинство явлений народной культуры можно отнести к «уходящим», сохраняется память об этих явлениях, носителями данной традиции выступает преимущественно старшее поколение, нарушены естественные механизмы передачи. К таким явлениям, например, можно отнести значительную часть песенных традиций русских сел и деревень. Именно «уходящие» явления требуют скорейшей фиксации, документирования, внимания к данным явлениям со стороны общественности, а в некоторых случаях необходимы и проекты их актуализации. Редкими можно назвать объекты, которые сохраняют традиционные формы в живом естественном бытении. Следует констатировать, что в настоящее время «живые» явления и комплексы традиционной культуры представлены лишь отдельными ареалами, очагами, даже те, которые в недавнем прошлом были распространены повсеместно. Примеры таких ареалов сохранения можно проследить по традиционному костюму: среди районов бытования русского костюма можно отметить русских Верхокамья – район в верховьях реки Камы на границе Пермского края и Удмуртской Республики, село Усть-Цильму и окрестные русские села и деревни в Республике Коми, село Никольское Лаишевского района Республики Татарстан и другие.

5. Этика и наследие. При обращении к тематике нематериального культурного наследия обычно не поднимаются этические проблемы, связанные с объектами. Между тем эти проблемы существуют и также требуют обсуждения. К этой работе активно подключаются не только исследователи, но и практики, и средства массовой информации, блогеры. Этические вопросы становятся все более актуальными. Традиционная культура, которая в настоящее время становится основным «полем» нематериального этнокультурного достояния, при всем многообразии включает как открытые, публичные сферы, так и достаточно «закрытые», сакральные. Это в первую очередь относится к обрядовой традиции и не всегда может быть представлено для широкого обозрения, при том что явление может быть уникальным и чрезвычайно интересным с точки зрения этнографии или фольклора. Интерпретация того или иного явления также может не совпадать у локального сообщества и отдельных групп вне его. Главным при изучении, публикации и другой публичной деятельности во главу угла должен быть поставлен принцип «не навреди!».

Вопросы этики полевых исследований уже давно и неоднократно поднимались многими исследователями и выступают неким «кодексом» в среде фольклористов, этнологов и антропологов (Никитина 2001: 5–6; Этические проблемы 2006: 6–166), в то же время в публичном информационном пространстве в контексте нематериального культурного наследия данная проблема широко не обсуждалась. Вместе с тем публикация и размещение объекта в каталоге может серьезно повлиять как в положительном, так и негативном ключе на судьбу самого объекта, на его бытование и трансформацию. Нередки примеры, когда «внешнее» внимание к тому или иному явлению способствует переоценке его значимости локальным сообществом и тем самым дает импульс к его сохранению. Однако это может привести и к негативному результату, есть примеры, когда повышенный интерес приводит к существенным трансформациям бытования явления и в конечном итоге способствует его разрушению.

Рассматривая нормативную базу Конвенции ЮНЕСКО, следует также отметить, что Межправительственным комитетом по охране нематериального культурного наследия на его 10-й сессии (Виндху, Намибия, 3 ноября – 4 декабря 2016 г.) были приняты положения «Этические принципы охраны нематериального культурного наследия», содержащие 12 пунктов, провозглашающих принципы уважения культурного разнообразия и нематериального наследия стран и народов; определяющих ключевую роль сообществ, групп и отдельных лиц, носителей НКН, в деятельности и охране своего нематериального культурного наследия.

Сложные вопросы и проблемы в деятельности в сфере нематериального этнокультурного наследия

С принятием федерального закона и ряда региональных нормативных актов в последние годы значительно увеличилась интенсивность деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния, но по-прежнему остается достаточно много проблемных вопросов, требующих обсуждения и дискуссии. Эти вопросы можно разделить на две сферы – концептуальные и организационные.

Для большинства субъектов Российской Федерации не возникает вопроса о наличии и составе нематериального этнокультурного достояния, однако для целого

ряда регионов вопрос «Есть ли у нас достояние, отвечающее критериям этничности, традиционности и историчности?» стоит достаточно остро. Одним из таких примеров может быть Калининградская область, формирование современного населения которой происходило лишь в послевоенное время за счет миграций из других регионов. В настоящее время регион не проявляет активности в сфере нематериального культурного наследия, нет регионального каталога. В то же время проведение экспедиции в этом регионе показало возможность выявления, изучения и подготовки уникальных объектов НЭД на данной территории и работы по их актуализации.

Большая часть имеющихся в настоящее время объектов НЭД в федеральном и региональных каталогах относятся к явлениям традиционной культуры и представляют наследие, сохраняющееся главным образом в сельской местности, при сельском расселении той или иной этнической группы. В этой связи также открытым остается вопрос: Возможно ли наследие в городских центрах, в небольших городах и крупных мегаполисах? В настоящее время в федеральном каталоге почти нет размещенных объектов от городских центров. При многообразии и разности регионов России сложности с формированием реестра и объектов нематериального культурного наследия возникают и у субъектов Российской Федерации, представленных городами: Москвой, Санкт-Петербургом, Севастополем. В этом контексте вопрос о наследии таких территорий также требует обсуждения и осмысливания.

Определенная часть народов России представлена диаспоральными сообществами, часто не имеющими районов традиционного и компактного расселения на территории нашей страны, причем в значительной части городским населением. Есть ли наследие в таких группах и как оно должно быть представлено в федеральном и региональных каталогах? Какой регион должны представлять такие группы? В качестве примера можно привести российских корейцев, объектов нематериального культурного наследия которых в настоящее время нет ни в региональных, ни в федеральном каталоге.

Мы обозначили лишь незначительный круг вопросов, на которые в настоящее время нет однозначных ответов и которые требуют дискуссии, обсуждения и принятия решения для дальнейшей практической работы.

Работа в сфере нематериального культурного наследия решает важные задачи в реализации государственной национальной политики, прежде всего, выступая одним из механизмов сохранения этнокультурного многообразия. При этом важным концептуальным вопросом для всех направлений деятельности в контексте нематериального этнокультурного достояния является и общероссийское содержание этнокультурного достояния, использование богатейшего наследия для формирования гражданской общероссийской идентичности. Разнообразие и многообразие культур выступает важным ресурсом для выстраивания гражданской идентичности, служит платформой для знакомства и изучения наследия на региональном и общероссийском уровнях.

Особенностью федерального закона о нематериальном этнокультурном достоянии является рекомендательный характер многих его положений, он дает полномочия, но не закрепляет обязательства. И в этом контексте важная современная задача – добиться того, чтобы в данную работу были включены

все субъекты Российской Федерации, выстроены единые подходы к критериям объектов и их научному описанию. Для работы по выявлению, изучению и описанию явлений НЭД должно активно привлекаться экспертное научное сообщество, выстраиваться взаимодействие между федеральным экспертным советом и экспертными советами регионов. Необходимо организовать методическую работу в данном направлении, а также регулярно пополнять созданные реестры новым контентом. Назрела необходимость в единой информационной системе, включающей в себя федеральный реестр-каталог и региональные реестры, объединенные ссылками.

Деятельность в сфере нематериального этнокультурного достояния

Нематериальное этнокультурное достояние, как мы показали, достаточно сложная и многообразная сфера, деятельность в которой, несомненно, будет актуализирована в ближайшем будущем как на федеральном уровне, так и в регионах России. Одна из основных задач на современном этапе работы с объектами НКН – выявление, описание и презентация. Как и в международном сообществе, одним из основных направлений в деле сохранение нематериального культурного наследия является учет и формирование реестра объектов.

Анализ материалов, размещенных в федеральном реестре, с одной стороны, показывает неравномерность количества объектов как по регионам России, так и по тематическим группам. Значительная часть материалов в настоящее время представляет фольклорные традиции и технологии народных промыслов и ремесел. Отчасти это объясняется тем, что именно в этих сферах накоплен значительный опыт работы учреждений культуры, а также активностью специалистов, занимающихся изучением фольклора в сфере нематериального культурного наследия, в то время как специалисты других профилей, например занимающиеся изучением хозяйственных традиций и материальной культуры, в меньшей степени соотносят себя с данным направлением деятельности. Многие явления культуры, которые, несомненно, составляют значительную часть этнокультурного наследия, в настоящее время слабо востребованы и не представлены в работе учреждений культуры и общественных институтов. Сложности, например, возникают при формировании объектов, характеризующих традиции хозяйственной деятельности народов России. Нет сомнения в том, что значительная часть хозяйственных традиций уникальна и достойна быть представлена в реестре, однако многие из приемов традиционного хозяйствования вышли из активного бытования, сохраняются лишь в памяти старшего поколения, и поэтому возникают сложности с возможностью их использования в рамках практической деятельности. Другой проблемой является противоречие между традициями и навыками хозяйствования, широко распространенными в прошлом, но ограниченными в настоящее время рядом законодательных актов, как, например, традиционные приемы рыболовства и т. д. Все эти сложности требуют целенаправленной исследовательской работы и широкого обсуждения в кругу специалистов.

Формирование федерального и региональных реестров в настоящее время – непростая задача, даже с учетом того, что многие объекты нематериального

культурного наследия изучены и по ним накоплены значительные научные исследования и материалы. Необходимы уточнения форм и особенностей современного бытования объектов, выполнение фото- и видеофиксации, что не всегда делалось предшественниками.

Главными в выявлении и изучении НЭД остаются экспедиционные исследования, проводимые учеными и практиками. Другой канал формирования реестра объектов – описания местных организаций путем непосредственного наблюдения сохраняющихся народных промыслов и ремесел, фольклорных коллективов, праздников и других форм НЭД. Несмотря на многолетнюю экспедиционную работу в настоящее время при планировании экспедиций несколько по-иному расставляются акценты для выявления и документирования объектов НЭД. Проводится комплексная фиксация объекта, включающая не только сбор устных сведений, но и фото- и видеосъемку. Наиболее плодотворная деятельность по выявлению и актуализации объектов НЭД происходит там, где выстроено взаимодействие домов народного творчества, других учреждений культуры и научных организаций, экспертов.

Так как работа в данном направлении рассчитана на многие годы, важно выстраивание системы работы с объектами НЭД, которая включает такие направления деятельности, как:

- документирование (фиксация и сохранение в музейных и архивных собраниях);
- сохранение и развитие (создание условий для продолжения деятельности мастеров, фольклорных коллективов, проведения праздников и т. д.);
- изучение (научные исследования на основе полученных материалов);
- актуализация (использование в современных образовательных, экономических, туристических, культурных проектах и практиках).

Кроме формирования реестра объектов, одной из традиционных форм документирования и популяризации НЭД является публикация материалов, каталогов, научных исследований и научно-популярных изданий. В этом контексте можно отметить несколько интересных региональных проектов:

Каталоги объектов НКН Республики Коми (Усть-Цилемская горка 2019; Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми 2020, 2021, 2021а).

Серии изданий «Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл» (Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл 2018).

Серия изданий «Фольклорный архив. Пермский край», представляющих объекты НКН Пермского края (Русские сказки Пермского края 2020; Сказки Евдокии Никитичны Трясциной 2020; Песенная традиция русских сел Октябрьского района 2021; Песенная традиция деревни Суюрка 2021; Традиционная культура русских заводских поселений Урала 2021; Русские сказки Пермского края из рукописных собраний 2022).

Нематериальное этнокультурное достояние народов Республики Башкортостан (Нематериальное этнокультурное достояние 2023).

Не менее сложны и дискуссионны современные подходы к актуализации нематериального этнокультурного достояния и практическая деятельность в этой сфере учреждений культуры и общественных институтов. НЭД выступает основой для современных этнокультурных проектов в разных сферах и направлениях деятельности:

- как ресурс развития территории (брендирование, развитие экономической сферы, проекты в сфере культуры, туризм);
- как основа деятельности учреждений культуры (фестивали и праздники, методическая работа);
- основа для разных форм практической деятельности (от фольклорных ансамблей до мастеров народного творчества);
- как основа для научных исследований (зафиксировать наиболее полно – проанализировать – опубликовать результаты);
- материал для выставочных и других проектов в сфере культуры;
- как основа для научно-популярных материалов (кино-, видео-, интернет-ресурсы, деятельность блогеров).

Эффективность работы в сфере сохранения объектов НЭД зависит от выстраивания взаимодействия трех институтов: власти, экспертного сообщества и практиков. Наибольший эффект мы получаем там, где есть понимание общих задач и выстраивание партнерских отношений между различными институтами.

Самый сложный вопрос – включение объектов НЭД в современный культурный контекст. Работа с ними должна отвечать критериям: традиционный, но современный, архаичный, но модный, содержательный, но с новыми смыслами.

Хотя в настоящее время с нематериальным культурным наследием работает значительное число ученых и практиков, следует констатировать, что значительная часть наследия остается известной преимущественно лишь узким специалистам: этнографам, фольклористам, этномузиковедам. Существенной проблемой остается формирование научно-популярного знания. Наука проигрывает сегодня в сфере наполнения информационного контента по традиционной культуре и нематериальному культурному наследию, что приводит к мифотворчеству, квазипредставлениям о явлениях народной культуры. Для учреждений культуры часто также характерно отсутствие глубокого погружения в сферу традиционной культуры, недостаточная этнокультурная компетентность, восприятие и тиражирование стереотипов в отношении этнической культуры. В то же время в учреждениях культуры России наблюдаются и интересные подходы к данной сфере деятельности (Санникова, Кожанова 2018: 237–251; Добжанская 2019; Завгарова 2012; Национальные культуры Урала 2022). В некоторых случаях следует констатировать, что на явления традиционной культуры и оценку их ценности и значимости присутствуют разные точки зрения у научного сообщества и у тех, кто занимается практической деятельностью в данной сфере.

Таким образом, при существующем в настоящее время целом комплексе проблем, обсуждение и решение которых предстоит в будущем, наступными общими задачами в сфере нематериального этнокультурного достояния, с нашей точки зрения, являются формирование общественного запроса, активное наполнения федерального реестра и более широкого информационного контента научным знанием, системная совместная и активная деятельность в сфере изучения, сохранения и актуализации нематериального культурного наследия. Опыт такой работы накоплен в последние годы многими учреждениями науки, культуры, образования и общественными институтами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Russian Federation [Электронный ресурс]. – URL: <https://ich.unesco.org/en/state/russian-federation-RU> (дата обращения: 01.11.2022).

Былины. Свод русского фольклора: в 25 т./ Российской акад. наук, Ин-т русской литературы (Пушкинский дом); редкол. Свода русского фольклора А. А. Горелов (гл. ред.) и др.; редкол. сер. «Былины» Б. Н. Путилов (гл. ред.) и др. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001–2015. Т. 1–18.

Вайман Д. И. Работа по выявлению и фиксации объектов нематериального культурного достояния на примере Калининградской области // Культурное наследие Сибири: изучение, музеефикация, презентация. К 30-летию Сибирского филиала Института Наследия: материалы всероссийской научно-практической конференции, Омск, 17–18 мая 2023 г. Омск: Институт Наследия, 2023. С. 38–39.

Добжанская О. Э. Проблемы сохранения музыкального фольклора народов Арктики как части нематериального культурного наследия Российской Федерации (на материалах Таймыра) // Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Якутск, 2019. С. 251–254.

Добровольская В. Е. О каталоге // Живая страна. 2021. № 4. С. 25.

Завгарова Ф. Х. Вопросы сохранения объектов нематериального культурного наследия: проблемы, нормативно-правовая база, практики // Проблемы сохранения нематериального этнокультурного наследия в современных условиях: сб. докладов международного семинара / Под ред. Ф. Х. Завгаровой. Казань: Ихлас, 2012. С. 9–17.

Каргин А. С., Костина А. В. Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 59–71.

Конвенция об охране нематериального культурного наследия. 17 октября 2003 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 11.04.2025).

Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minkultury-rf-ot-17122008-n-267/#100011> (дата обращения: 11.12.2022).

Лапин В. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций): Очерки и этюды. М.: Московский государственный фольклорный центр «Русская песня»; Российский Институт истории искусств, 1995. 200 с.

Модельный закон «Об охране нематериального культурного наследия» [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31526977&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 20.12.2022).

Национальные культуры Урала. Нематериальное культурное наследие: вопросы сохранения и презентации. Сборник научных статей XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург [б. и.], 2022. 128 с.

Нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации: Иллюстрированный альманах / Сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова, М. В. Русанова. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2020. 348 с.

Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл: информационно-методические материалы, объекты нематериального культурного наследия Республики Марий Эл. Вып. 3 / Сост. Е. И. Тихонова. Йошкар-Ола, 2018. 79 с.

Нематериальное этнокультурное достояние народов Республики Башкортостан. Научно-популярное издание. Уфа: Самрай, 2023. 248 с.

Никитина С. Е. О «нас» и о «них» (к теме «собиратель – информант/исполнитель») // Живая старина. 2001. № 1. С. 5–6.

О нематериальном культурном наследии в Республике Татарстан – Закон Республики Татарстан от 26.05.2017 № 34-ЗРТ «О нематериальном культурном наследии в Республике Татарстан» [Электронный ресурс]. – URL: https://kitaphane.tatarstan.ru/legal_info/

zrt/nematercultnasl.htm (дата обращения: 10.12.2022).

О проекте концепции сохранения и развития традиционной народной культуры и нематериального культурного наследия народов Российской Федерации // Совет Федерации Федерального Собрания РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/142271/> (дата обращения: 01.12.2023).

Об объектах нематериального культурного наследия Саратовской области – Закон Саратовской области № 51-ЗСО от 28.06.2017 «Об объектах нематериального культурного наследия в Саратовской области» // Собрание законодательства Саратовской области № 9 от 30.06.2017. С. 2294.

Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми: в 3 т. Т. 1. Обрядовые, празднично-игровые и конфессиональные традиции. Сыктывкар: Государственное автономное учреждение Республики Коми «Центр народного творчества и повышения квалификации», 2020. 376 с.

Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми: в 3 т. Т. 2. Народное декоративно-прикладное искусство, промыслы, ремесла, народное знание. Сыктывкар: Государственное автономное учреждение Республики Коми «Центр народного творчества и повышения квалификации», 2021. 240 с.

Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми: в 3 т. Т. 3. Народное исполнительство, эпические, песенно-музыкальные, инструментальные и танцевальные традиции. Сыктывкар: Государственное автономное учреждение Республики Коми «Центр народного творчества и повышения квалификации», 2021а. 180 с.

Основы государственной культурной политики – Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 10.12.2022).

Песенная традиция деревни Суюрка Кудинского района Пермского края: свадебный фольклор / А. В. Черных (отв. ред.), Г. Н. Мехнцова, А. А. Мехнцов, О. С. Сивков, И. И. Ру-

синова, М. Е. Суханова. (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Маматов, 2021. 188 с.

Песенная традиция русских сел Октябрьского района Пермского края в записях конца XX в. (под общ. ред. А. В. Черных) / А. В. Черных (отв. ред.), О. С. Сивков, И. И. Русинова, Ю. С. Чернышева, М. Е. Суханова, Е. Н. Свалова. (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Маматов, 2021. 456 с.

Пояснительная записка к проекту федерального закона «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/102232-8> (дата обращения: 12.12.2022).

Пуртова Т. В. Нематериальное культурное наследие: проблемы терминологии // Традиционная культура. 2018. № 1. С. 37–39.

Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusfolknasledie.ru/#/main> (дата обращения: 11.04.2025).

Русанова М. В. Государственная поддержка деятельности по сохранению и популяризации традиционной народной культуры // Нематериальное этнокультурное достояние народов России. Региональный опыт: материалы Всероссийского форума по вопросам деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния / Сост. И. М. Глинко, М. В. Ру-санова; отв. ред. Н. Е. Котельникова. М.: ГРДНТ им. В. Поленова, 2023. С. 9–13.

Русские сказки Пермского края в записях конца XX – начала XXI в. / А. В. Черных (отв. ред.), В. Е. Добровольская, И. И. Русинова, И. А. Подюков, М. Е. Суханова, О. С. Сивков, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, С. Ю. Королева. (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Маматов, 2020. 240 с.

Русские сказки Пермского края из рукописных собраний XX века / А. В. Черных [и др.]; под общ. ред. А. В. Черных; Администрация губернатора Перм. края, Департ. внутр. политики [и др.]. (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Маматов, 2022. 332 с.

Санникова Т. М., Кожанова Н. Г. К вопросу актуализации нематериального культурного

наследия в деятельности учреждений культуры // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 5S. С. 237–251.

Сказки Евдокии Никитичны Трясциной / В. Е. Добровольская, Г. Н. Мехнецова, И. И. Русинова, О. С. Сивков, М. Е. Суханова, А. В. Черных (отв. ред.). (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Маматов, 2020. 192 с.

Тишков В. В. Предисловие // Культурное наследие: современные интерпретации культурного наследия народов России: Сб. ст./Под ред. В. А. Тишкова, С. В. Бааха. Сост. Б. А. Синанов, В. В. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2023. С. 6–7.

Традиционная культура русских заводских поселений Урала: Курашимский завод: материалы и исследования: коллективная монография / А. В. Черных (отв. ред.), И. И. Русинова, Ю. А. Кашаева, А. В. Вострокнутов, Д. И. Вайман, С. Ю. Королева, О. С. Сивков, М. А. Брюханова. (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Маматов, 2021. 484 с.

Усть-Цилемская горка – жемчужина Русского Севера. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2019. 136 с.

Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [Электронный ресурс]. –URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210200005?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 12.12.2022).

Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерк теории. Л.: Наука, 1986. 304 с.

Чулисова Ю. А. Конституционно-правовая охрана объектов нематериального культурного наследия в России: проблемы и перспективы развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 114–122.

Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России. М.: Институт Наследия, 2022. 576 с.

Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. СПб., 2006. № 5. С. 6–166.

С. С. Алымов, А. Е. Загребин, М. М. Керимова

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
(г. Москва, Россия)

РОССИЙСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ: 300 ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОИСКОВ И СЛУЖЕНИЯ

Традиционно сложная и принципиальная задача при подготовке претендующего на обобщение научковедческого обзора – это разработка периодизации, которая вместила бы в себя генерирующие идеи, контексты времени и места и, главное, те парадигмальные повороты, что в деятельности выдающихся персоналий обеспечили выход науки на новые горизонты познания.

В самых общих чертах, со всеми возможными допущениями и упущениями, схема периодизации этнографического изучения народов России может, на наш взгляд, быть представлена в виде нескольких этапов, которые органично, порой противоречиво, но, тем не менее, закономерно сменяют друг друга.

Первый этап, хронологически совпадающий с XVIII в., неразрывно связан с идеями европейского Просвещения, включившими в себя народоведение как часть программы рационального познания окружающего мира. Академические экспедиции, работавшие в те годы на пространствах Российской империи, подняли огромный пласт этнокультурной информации, осмысление которой велось выдающимися умами эпохи, сделав народы России полноправными субъектами просветительской ойкумены.

В дальнейшем этнографическая тематика получила живое, почти чувственное звучание в работах ученых, чья деятельность фокусируется в рамках второго этапа. Когда в первые романтические десятилетия XIX в. активизировались процессы нациестроительства, русские слависты и востоковеды немало потрудились для установления этногенетических связей народов России с этническими сообществами ближнего и дальнего зарубежья. Распространение во второй половине века позитивистской методологии можно сравнить с обретением некоего универсального ключа, когда экспедиции и публикации, равно как гипотезы и теории, способствовали продвижению этнологической информации в сознание модернизирующегося российского общества.

XX век, со всеми его глобальными потрясениями, оказался самым быстротечным, что в условиях перманентно ускоряющегося научно-технического прогресса не выглядело чем-то удивительным, даже по отношению к таким, казалось бы, консервативным структурам, как народная культура и этническая идентичность. Социальная и культурная революции, как показала практика, потребовали учета этнического фактора и включения его в деловую номенклатуру имперского, а затем советского админи-

стрирования. Поиск теоретических обоснований формируемому этнокультурному консенсусу, даже в рамках одной победившей идеологии, не препятствовал борьбе мнений, гипотез и концепций.

Начальный XVIII век:

Накопление эмпирических данных неизбежно ведет к объединению типологически сходных данных, придавая им вид некоего систематизированного собрания или каталога. Тем более что миропорядок в то время понимался европейскими просветителями как великое множество вещей, которые необходимо описать и сортировать по единой методе. Благодаря принятой системе обнаруживалось, что хаос эмпиризма можно обуздить с помощью таблиц, связывающих конкретные народы и культуры с текстами. Данное обстоятельство стало новым способом создания этноисторий. Символическими воплощениями эпохи становятся многоязычный сравнительный словарь, а также музей как собрание редкостей и энциклопедия.

В XVIII в. в Европе между государствами и учеными был заключен негласный союз, обеспеченный тем, что работа по классификации преследовала одновременно научно-познавательные и управленческие цели. Другими словами, классификация позволяла принимающим решения быть информированным о состоянии населения, на которое будет направленоластное действие. Наука брала на себя ответственность – путем регистрации и инвентаризации предоставлять властному заказчику сведения, позволяющие принимать рациональные решения. Вместе с тем обнаружилось, что для получения сведений, столь необходимых для заполнения таблиц, критически важно уметь разговаривать с местным населением, желательно владея хотя бы начатками местных языков либо опираясь на помощь переводчиков из числа местного же населения.

Применительно к этнографическому знанию, одним из первых в такую ситуацию попал участник сухопутного отряда Великой Северной (2-й Камчатской) экспедиции Г. Ф. Миллер. Осенью 1733 г., пребывая в пределах Казанской губернии, он, отвлекшись от копирования документов воеводского архива, выехал в области, где чересполосно жило преимущественно немусульманское население края. Знакомясь с народным бытом и верой, Миллер гостил в крестьянских избах, беседовал со стариками, также просил доставить к нему на разговор жрецов и ворожцов, чтобы на себе испытать силу языческого закона (Загребин 2005). Ученая «охота» за материалом, таким образом, включает в себя работу с ключевыми информантами как необходимый компонент исследования территории.

Возвращаясь к таблицам, нельзя не вспомнить о без сомнения выдающемся опыте систематизации гигантского объема этнокультурной информации, предпринятое членом Академической (Физической) экспедиции 1768–1774 гг. И. Г. Георги. Его «Описание ...» стало не просто первой попыткой классификации народов Российской империи по языкам и верам, но и этнографическим компендium, ставящим проблемные вопросы этногенетического характера (Георги 1799). Потребитель его работы был близок к кругу, принимающему решения, что также стало «родовой чертой» российской этнографии, оговаривающей авторские держания соображениями государственной пользы. Вместе с тем автор должен был учитывать, что его публикация должна послужить и «увеселению» (Загребин 2007).

Этнографическое произведение эпохи – в идеале – должно было сочетать академичность стиля и увлекательность языка, при этом важно было подчеркнуть правоту своих рассуждений, основанную на личном наблюдении автора.

Долгий XIX век русской этнографии:

Складывание основ теоретической этнографии в России, очевидно, можно отсчитывать с возникновения университетского славяноведения и востоковедения.

Так, например, после создания кафедр славянской филологии в Московском, Санкт-Петербургском, Харьковском и Казанском университетах в зарубежные славянские страны направляются молодые преподаватели (О. М. Бодянский, П. И. Прейс, И. И. Срезневский, В. И. Григорович). Первое поколение русских славистов внесло значительный вклад в разработку проблем этнической истории, этногенеза, языков, обычаяев, обрядов славянских народов, поднимая вопросы о предмете и задачах этнографии. Исследователи писали о методике полевых исследований, составляли программы и вопросники, занимались этнографическим картографированием. Рассматривая предмет этнографии широко – как изучение народов и этнических групп – они на первое место ставили исследование языков, ибо справедливо считали, что именно в них выражаются жизнь, образованность, духовная культура народов. Такая позиция была для того времени прогрессивной и нашла продолжение в пореформенных трудах отечественных общественных деятелей и этнографов (Керимова 1997).

В середине XIX в. в ряде стран Европы и в Америке были созданы этнографические общества, этнографические музеи, журналы, состоялось множество этнографических экспедиций в разные регионы мира, периодически созывались научные конгрессы и конференции. Одним из первых научных обществ стало «Парижское общество этнологии» (1839), а в 1842 г. в Нью-Йорке было образовано «Американское этнологическое общество». Затем аналогичные общества возникли в Англии (1844), Германии (1869) и Италии (1871). И Россия не отставала в этом от других стран.

Новой вехой в развитии этнографии как самостоятельной науки явилось основание в 1845 г. Русского географического общества (с 1850 г. – Императорского РГО), с Отделением этнографии (1846), которое возглавил К. М. Бэр. Этот этап характеризуется не только более планомерным и методическим сбором материалов, но и выходом на новый теоретический уровень. Происходит отход этнографии от географии, ее постепенная легитимация в качестве самостоятельной дисциплины. Статья академика К. М. Бэра «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности» (Бэр 1846: 93–115) обозначила задачи науки: сравнительная этнография дополняет историческую науку там, где нет прямых исторических свидетельств: давая описания различных народов, она помогает выяснить роль внешних условий в формировании культуры; этнография имеет практическое значение, поэтому нужно скорее собирать этнографические предметы и сведения, количество которых с каждым годом уменьшается из-за проникновения в общество просвещения (Левин 1954: 128).

В 1848 г. новым председателем Отделения этнографии ИРГО стал Н. И. Надеждин. В программном докладе «Об этнографическом изучении народности русской» он пишет о предметной области этнографии, которую видит в «описании народностей», в определении главных их признаков. Одним из основных признаков

«народности» ученый, как и первые российские слависты, считал язык, но выделяя его (этнографическую лингвистику) в качестве одного из направлений этнографических исследований, он подчеркивал тесную связь этнографической лингвистики с «этнографией физической» и «этнографией психической». К последней он относил духовную культуру, народный быт, религию, семью, образованность. По его мнению, наука начинается тогда, когда «сбор материалов производится... систематически, в порядке и полноте», и когда собранный материал пропущен через «читательное горнило строгой, разборчивой критики» (Надеждин 1847: 64, 77, 151). Для планомерного сбора этнографических материалов ИРГО разосло по всем губерниям России программу-циркуляр, составленную Надеждиным. Вклад ученого в теоретическое обоснование этнографической науки, понимание ее принципов и методов был весьма значительным. Именно он первым сумел обосновать право этнографии на роль самостоятельной науки и определил ее место в системе знания.

Создавались региональные отделения ИРГО, первым из которых стал Кавказский отдел, следом возникли Восточно-Сибирский, Западно-Сибирский, Северо-Западный, Оренбургский, Юго-Западный, Приамурский, Туркестанский и Якутский отделы. В сферу деятельности Общества (а также Академии наук) прежде всего входила организация экспедиций для изучения населения Европейского Севера, Урала, Сибири, Средней и Центральной Азии, Кавказа. Были также предприняты экспедиции в Китай, Монголию, Африку, Новую Гвинею (экспедиции В. Н. Латкина, М. А. Кастрена, А. Ф. Миддендорфа, Г. И. Невельского, Л. И. Шренка, В. В. Радлова, Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Д. А. Клеменца, А. В. Елисеева, Н. Н. Миклухо-Маклая и мн. др.). Собранные материалы печатались в изданиях: «Записки ИРГО», «Вестник ИРГО», «Известия ИРГО», «Этнографические сборники», журнале «Живая старина». Отделение этнографии с первых лет своего существования приступило к созданию Этнографического музея и публикации этнографических программ и карт.

Значительным этапом в развитии этнографии стало основание в 1863 г. Общества любителей естествознания, переименованного в 1868 г. в Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ИОЛЕАЭ). В рамках ИОЛЕАЭ были созданы Антропологический (1864) и Этнографический (1867) отделы. Весьма важным мероприятием ИОЛЕАЭ стала Всероссийская этнографическая выставка в Москве (1867). Первоосновой ее проведения были не столько политические амбиции России – демонстрация многограничности империи, – сколько научные задачи: создание первого этнографического музея и Этнографического отдела ИОЛЕАЭ. В процессе подготовки выставки в Москву стекалось множество этнографических экспонатов из всех регионов Российской империи и зарубежных славянских стран. Эти коллекции послужили основой Дашковского этнографического музея (при Румянцевском музее) в Москве. Выставка способствовала сплочению и культурному единению южных и западных славян вокруг России, продемонстрировала многообразие входивших в ее состав народов, этнических и конфессиональных групп.

ИОЛЕАЭ с 1870-х по 1900-е гг. издавало журналы: «Этнографическое обозрение», «Естествознание и география», «Русский антропологический журнал», «Землеведение», а также регулярные издания «Известия» и «Труды» ИОЛЕАЭ. Разнообразная издательская и экспедиционная деятельность, связанная с раз-

работкой методики полевых исследований по заранее созданным программам (например, вопросник-анкета И. В. Костоловского по обычному праву, В. Ф. Миллера по народной одежде, В. Н. Харузиной по родильным и крестильным обрядам и т. п.), доносила научные знания до широкого круга читателей. Все больше любителей естествознания, антропологии и этнографии обращалось в ИОЛЕАЭ, посещало публичные лекции и музыкальные вечера, организованные ведущими членами общества. Наряду с Московским университетом Общество стало крупным научным и образовательным центром для профессионалов и энтузиастов. В 1920-е гг. ИОЛЕАЭ возобновило временно прерванную деятельность организацией ряда научных экспедиций и работой своих отделов и комиссий, но в 1931 г. прекратило свое существование (Керимова 2007: 138; Керимова 2022: 5–13).

Помимо Дашковского этнографического музея в Москве, этнографическое музееведение развивалось в Музее антропологии и этнографии Академии наук, основанном в 1879 г. в Санкт-Петербурге. В 1903 г. ему было присвоено расширенное название – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ), в нем под руководством В. В. Радлова работали лучшие профессиональные этнографы. В 1902 г. из состава Русского музея Императора Александра III выделился Этнографический отдел, на основе которого впоследствии был создан Российский этнографический музей (РЭМ, 1992 г.).

В последней четверти XIX в. развиваются такие направления, как изучение истории хозяйства, в том числе его ранних форм (труды Н. И. Зибера), появляется интерес к изучению народного искусства и народной музыки (работы В. Н. Харузиной, М. А. Балакирева, Н. А. Янчука и др.), продолжается исследование народных верований и фольклора (труды А. И. Кирпичникова, П. В. Шейна, Н. Ф. Сумцова, М. В. Довнар-Запольского, В. Ф. Миллера, Н. Н. и В. Н. Харузиных, Л. Я. Штернберга и др.), материального быта (одежды, жилища) – работы Е. Н. Елеонской, Д. И. Святского, Н. Н., В. Н. и А. Н. Харузиных, Д. К. Зеленина, В. В. Суслова, А. А. Миллера, Н. Ф. Сумцова и др., общественного и семейного быта – труды М. М. Ковалевского, И. В. Охрамовича, М. А. Большакова, М. В. Довнар-Запольского, А. Н. Максимова, А. Я. Ефименко, Е. И. Якушкина, Н. М. Ядринцева, В. Н. Майнова, С. В. Пахмана и мн. др. Популяризацией этнографических знаний занимались, например, Д. А. Коропчевский, В. Н. Харузина, Н. А. Рубакин, Н. И. Березин. Второе поколение российских славистов продолжает интенсивно изучать жизнь и быт южных и западных славян (П. А. Ровинский, П. А. Кулаковский, П. Н. Милюков, А. А. Шахматов, В. Ягич, Н. П. Кондаков, Е. Н. и В. В. Водовозовы, А. Н. Харузин и др.). Они уже не ограничиваются выдвижением на первый план этнографических исследований изучения языков, а идут дальше, к пониманию того, что предметом этнографии должен стать комплекс проблем, связанных с физико-географическими, психическими, экономическими, социальными и иными сферами жизнедеятельности народов.

В пореформенной России усилился интерес к изучению жизни и быта крестьянства, семейной и соседской общины, обычному праву. В этом плане показательна деятельность частного Этнографического бюро князя В. И. Тенишева (1897–1901). В 1897 г. он издал «Программу этнографических сведений о крестьянах Центральной России», в которой были охвачены все стороны их жизни (имущественные отношения, владение землей, покупка земли за счет крестьянского общества, помочи, подряды, аренда, наем, дарение имущества и т. п.). Третий раздел программы был посвящен семейной жизни крестьян и обычному порядку жизни

(родственные отношения, состав семьи, усыновления, личные и имущественные отношения в семье, уход членов семьи на заработки, наследование, промыслы, охота и рыбная ловля, животноводство, пчеловодство, пища, развлечения и т. п.). Детализация пунктов программы достигала 2500 вопросов. Она была разослана в 23 губернии Европейской России 230 корреспондентам, которые методом открытого анкетирования с точностью передавали фактические наблюдения с указанием места и времени, где они были произведены. За выделенные на это средства они доставляли этнографические данные в бюро Тенишева. Программа включала 17 разделов и выдержала два издания (Фирсов 1988: 38–49).

Уже в конце XIX в. отечественные этнографы начали создавать фундаментальные труды, внесшие существенный теоретико-методологический вклад в развитие мировой этнологической науки. К числу таких произведений можно отнести работы М. М. Ковалевского («Закон и обычай на Кавказе». М., 1890), А. Н. Пыпина («История русской этнографии». СПб., 1890–1892), В. Л. Серошевского («Якуты. Опыт этнографического исследования». СПб., 1896) и ряд других.

Свидетельством растущего интереса российской научной мысли к достижениям европейской и американской этнологии было появление в последней четверти XIX – начале XX в. переводов на русский язык трудов западных ученых: Э. Б. Тайло-ра, Э. Гроссе, Ж. Деникера, Ф. Энгельса, Л. Г. Моргана, Э. Дюркгейма и др.

Многие российские этнологи работали в духе историзма, используя в своих трудах принципы и методы разных школ зарубежной науки (мифологической, эволюционной, культурно-исторической, антропогеографической, американской исторической, французской социологической, теории психоанализа З. Фрейда).

Одной из особенностей этнографии последних двух десятилетий XIX – первой трети XX в. является и то, что новые этнографические сведения доставлялись в научные общества от политических ссыльных, которые волею судеб вели стационарные наблюдения аборигенных народов Севера и Сибири (П. С. Ефименко, И. А. Худяков, П. Н. Рыбников, В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг, В. И. Иохельсон и др.). К стационарным исследованиям можно также причислить исключительно ценные научные материалы, собранные трудом одного из самых выдающихся путешественников и ученых Н. Н. Миклухо-Маклая, который в 1871–1887 гг. исследовал наиболее отдаленные и недоступные области Океании и Юго-Восточной Азии (Токарев 1951). Благодаря этому к началу XX в. значительно увеличилось количество ценных материалов и публикаций, что в целом повышало уровень теоретико-методологических обобщений. Отечественная этнография перешагнула в новое столетие, обладая прекрасными традициями, накопленным багажом обширных исследований и теоретических построений.

Процесс институализации этнографии как учебной дисциплины, начавшийся в 1880-е гг., оказался продолжительным. С 1884 по 1888 г. преподавание этнографии велось на объединенной кафедре географии и этнографии сначала историко-филологических, а затем физико-математических факультетов. Этнография как самостоятельная наука входит в курсы лекций российских университетов в самом конце XIX – начале XX в. Этот процесс связан с именами Н. Н. и В. Н. Харузиних и Д. Н. Анучина. Н. Н. Харузин с 1898 г. приступил к чтению курса лекций по этнографии сначала в Лазаревском институте восточных языков, а затем в Московском университете. Он стал автором первого в России систематического курса лекций «Этнография» в четырех томах (1901–1905). В. Н. Харузина с 1907 г. читала лекции

по этнографии на Высших женских курсах и в Московском археологическом институте, а в советское время (до 1923 г.) – в Московском университете, составившие книги «Этнография» (Вып. 1–2. М., 1909–1914) и «Введение в этнографию. Описание и классификация народов земного шара» (издано посмертно. М., 1941). Что касается Д. Н. Анутина, то он с 1884 по 1919 г. спорадически читал лекции по этнографии России (в рамках курса географии), но большее время отводил лекциям по общему землеведению, истории землеведения, древней географии, географии России, физической антропологии (Отчет 1896: 121, 194; Урысон 1995: 158).

Выход в свет учебника «Этнография» Н. Н. Харузина дал толчок дискуссиям о месте и роли этнографии в системе наук. Несомненной заслугой научного сотрудника МАЭ, а затем заведующего Этнографическим отделом Русского музея Н. М. Могилянского было то, что он первым в нашей науке организовал дискуссию об осмыслении предмета, задач, терминов этнографии, выступив в 1902 г. в Антропологическом обществе при Санкт-Петербургском университете с рефератом «Этнография и ее задачи», посвященным выходу в свет первого выпуска лекций Н. Н. Харузина. После доклада развернулся оживленный спор по поводу определения этнографии как науки. Могилянский высказал свои суждения о терминах «этнография», «этнология», «народоведение» (*Völkerkunde*). Рассуждал он и о границах и целях этнографии. Дискуссия продолжилась в 1916 г. уже на заседании Отделения этнографии ИРГО по близкой теме «Предмет и задачи этнографии». В ней, помимо Н. М. Могилянского, приняли участие В. П. Семенов-Тян-Шанский, В. И. Иохельсон, Л. Я. Штернберг, спорившие о терминах и обсуждавшие вопрос: в какую систему знаний нужно отнести этнографию – к общественным наукам или к естественным. В заключении дискуссии Могилянский согласился с Л. Я. Штернбергом, утверждавшим, что «никакой антиномии нет между этнографией описательной, или народоведением, и этнографией сравнительной, или историей эволюции культуры. И то и другое составляет предмет единой науки этнографии» (Могилянский 1916: 11). Важно, что в рамках дискуссии Могилянский впервые в России употребил термин «этнос-έθνος» – собрание индивидуумов, объединенных в одно целое общими чертами физических (антропологических) признаков, общностью исторических судеб и языка, из чего формируется общность мировоззрения, народной психологии, а значит, всей духовной культуры. Именно этнос, считал он, составляет подлинную базу этнографии, это единственное, «что поможет сохранить ее в качестве науки» (Могилянский 1916: 11).

Теоретическое обоснование и глубокий анализ термина «этнос» прозвучали в работах С. М. Широкогорова (Широкогоров 1922, 1923). Сложилось представление об этносе как основном предмете науки, понимание того, что его следует изучать в динамике развития, учитывая комплекс компонентов – материальную, духовную культуру, общественные и семейные отношения. Широкогоров рассматривал этнос как первичную целостность через отношения с различными видами среды: природными условиями той территории, на которой обитает данная общность, и в зависимости от которых вырабатывались конкретные средства и способы адаптации к ним, позволяющие обеспечивать жизнедеятельность этноса и отдельных людей, составляющих его, а также сферу культуры (в широком смысле слова), которую создавал данный этнос и этническое окружение данной группы, т. е. те этносы, с которыми она взаимодействует (Кузнецов 2006: 59).

Короткий XX век советской этнографии:

Короткий XX век, если вспомнить определение Э. Хобсбаума, начался в 1914 г. и закончился в 1991 г. Его центральным событием стал социалистический эксперимент, главную роль в котором играл Советский Союз. Оценка этого «проекта» до сих остается предметом многочисленных споров. Касаются эти споры и судеб советской науки вообще и этнографии /этнологии/антропологии в частности.

Применительно к истории отечественной науки о народах и культурах, можно предположить, что окончательный переход к новой парадигме – советской марксистской этнографии – произошел не ранее завершения теоретических дискуссий конца 1920-х – начала 1930-х гг., известных как Совещания этнографов Москвы и Ленинграда, а также свертывания добровольного краеведческого движения в стране и создания комплексных НИИ гуманитарного профиля в национальных автономиях СССР. На полиморфизм раннесоветской этнографии не смог серьезно повлиять и глубоко вошедший в смежные филологические сферы, инициируемый академиком Н. Я. Марром «яфетический поворот». Свидетельствами сохранения традиций «долгого XIX этнографического века» в первые десятилетия советской власти стали достаточно устойчивые позиции «старой профессуры», активно участвовавшей в культурной революции и социалистическом строительстве, прежде всего, в национальных регионах СССР.

Действия советской национальной политики требовали конкретного изучения особенностей быта и культуры каждого в отдельности народа СССР. В 1920-е гг. в России создаются центры этнографического образования. В новообразовавшемся Петроградском Государственном географическом институте (1918–1925) под руководством Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза был создан этнографический факультет, в Москве – Этнографическое отделение факультета общественных наук (1922–1925) (ФОН). В эти же годы начинается преподавание этнографии в Киеве, Минске, Баку, Тбилиси, Самарканде, Иркутске и других городах СССР.

В Академии наук, наряду с Музеем антропологии и этнографии (МАЭ), быстро расширяющим свою научную работу, в 1917 г. возникает крупный этнографический центр – Комиссия по изучению племенного состава СССР (КИПС), впоследствии преобразованная в Институт по изучению народов СССР. Комиссией было издано 17 выпусков известий и множество карт, выходил журнал «Человек». В рамках Академии наук создаются Комиссии по изучению естественно-производительных сил и Комиссия экспедиционных исследований. Новый этап в изучении малых народов Севера и Сибири развернулся в рамках Комитета Севера при ВЦИК СССР (1924–1935). На отдаленные базы Комитета была послана новая плеяда молодых этнографов – учеников Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза. В 1930 г. в Ленинграде было создано высшее учебное заведение – Институт народов Севера. Все эти учреждения активно издают сборники трудов, монографии, детально разработанные этнографические карты. МАЭ и Всесоюзное географическое общество публикуют сборники трудов ученых-этнографов, Этнографический отдел Государственного русского музея – четыре тома по этнографии народов СССР.

В середине 1920-х гг. создаются Центральный музей народоведения (ЦМН) и Музей Центрально-промышленной области (МЦПО) в Москве, в которых проходила научная деятельность известных этнографов – Б. А. Куфтина, В. В. Богданова, Е. М. Шиллинга, Б. С. Жукова, Б. А. Васильева и др. За один только 1925 г. ЦМН

осуществляет 14 экспедиций в разные регионы СССР (на Алтай, в Минусинскую область, в разные регионы Кавказа, на Украину, в Лапландию и т. п.).

В это же время создаются такие важные профильные этнографические учреждения, как Государственная академия истории материальной культуры в Ленинграде (ГАИМК), в составе которой работал Этнологический отдел, а в Москве – секция этнологии Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), публиковавшая свои труды в «Ученых записках» института. В МГУ был основан археолого-этнографический музей Московского университета, которым было издано три сборника «Трудов» (1926–1928). Большую работу вел возглавляемый Н. Я. Марром Институт изучения этнических и национальных культур народов Советского Востока в Москве, где аспирантскую подготовку проходили будущие этнографы, делегированные из национальных автономий.

В большинстве советских республик возникают научно-исследовательские институты, почти в каждом из которых существует этнографический сектор. В начале 1920-х гг. в союзных республиках (Украина, Белоруссия) создаются этнографические учреждения, периодические издания, музеи, кабинеты музыкальной этнографии. В Москве с 1926 г. начинает выходить журнал «Этнография» (преемник дореволюционного «Этнографического обозрения») под редакцией академика С. Ф. Ольденбурга.

Осмысление феномена «советской этнографии», в том числе как историографически недавнего периода, очевидно, имеет длительную перспективу. Первыми к этой оценке обратились представители поколения лидеров советской этнографии в 1940–1950-е гг.: С. П. Толстов и С. А. Токарев. Обозревая в 1957 г. первые сорок лет советской этнографии, С. П. Толстов писал о благотворном воздействии революции на «коренную перестройку» этнографической работы, сказавшемся, в частности, на основании в 1919 г. кафедр этнографии в Москве и Ленинграде, создании КИПС, Комитета Севера, ГАИМК и других научных центров, в том числе региональных и краеведческих. На рубеже 1920–1930-х гг. «развитие в ширь», продолжавшее традиции дореволюционных школ, сменилось переломом, в ходе которого «советская этнография самоопределилась как отрасль исторической науки». Оценивая этот перелом безусловно положительно, Толстов указывал и на отрицательные стороны процесса, которые он охарактеризовал как «постепенное сужение профиля этнографии», превратившейся к концу 1930-х гг. в «раздел истории первобытного общества». Этнография не вписывалась в «детально разработанную классификацию наук», поскольку была одной из областей, являющихся «переходными между большими сферами науки» (Толстов 1957: 39). Годом позже С. А. Токарев подтвердил многие оценки коллеги, отметив наличие различных взглядов и «рост в ширь» в 1920-е гг., «теоретические срывы и перегибы», сопровождавшие внедрение марксизма, однако также позитивно оценивал данные дискуссий, в результате которых этнография сосредоточилась на актуальных проблемах социальной структуры и классового расслоения (Токарев 1958). Оценки, данные лидерами советской этнографии в 1950-е гг., заложили основы наших представлений о развитии этнографии в XX в. В то же время очевидно, что о многом советские авторы писать не могли: имена репрессированных ученых были вычеркнуты из истории, статус марксизма как «единственно верного учения» не мог быть подвергнут сомнению.

Ситуация резко изменилась в начале 1990-х гг. Символом переосмыслиения стала статья Ю. Слезкина «Советская этнография в нокдауне: 1928–1938», в которой автор подчеркнул разрушительный характер перемен эпохи «великого перелома» и вписал историю этнографических дискуссий в широкий контекст процессов «культурной революции». В отличие от текстов советской эпохи, подчеркивающих преемственность в развитии науки и конструктивность дискуссий, в 1990-е гг. в центре внимания оказались негативные стороны. «Музеи были закрыты, научные общества разогнаны, преподавание этнографии приостановлено, а преподаватели этнографии подвергнуты гонениям» (Слезкин 1993: 117). Описывая «марксистское» (в кавычках) понимание этнографии, Т. Д. Соловей констатировала, что в его рамках этнография «утрачивала всякий смысл». После «великого перелома» этнография, потерявшая статус самостоятельной науки, власти жалкое существование вспомогательной дисциплины. Традиции российской этнологической науки были разрушены, а на их месте «воцарилась вульгаризированная догма с элементами эволюционизма» (Соловей 2001: 119).

В постсоветское время парадигма «великого перелома» стала играть гораздо более масштабную объяснительную роль. Пожалуй, до сих пор, рассуждая об истории своей науки в XX в., российские этнологи и антропологи прежде всего вспоминают о том, что она была сведена до вспомогательного статуса и лишена возможности развивать собственные теории. Кроме того, «коренной перелом» представляется причиной того, что не были продолжены традиции «ленинградской школы этнографии», славившейся методикой стационарной полевой работы и связанной через своих основателей Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза с американским антропологом Ф. Боасом. Возможно, если бы не события 1920–1930-х гг., отечественная этнография могла бы развиваться в схожем с американской культурной антропологией направлении и разработать свою версию культурного релятивизма?..

Историю, как известно, пишут победители, а историю науки – сторонники победивших теорий. Если в настоящее время мы придерживаемся главным образом парадигмы релятивистской социокультурной антропологии, то мало что в содержании советской этнографии достойно внимания. Если мы являемся сторонниками проекта этнографии как науки о народах, то в советский период она для нас оказалась в плена «неудачного романа с марксизмом» и сохранилась лишь в виде этногенетических штудий (Головнев 2018). Однако наша задача как историков науки – не выстраивать удобные генеалогии современных идей, а попытаться восстановить логику развития нашей науки.

В частности, антрополог А. Юрчак выступает против подхода, который он называет «бинарным социализмом». Этот подход предполагает «постоянное использование бинарных оппозиций для описания советской действительности, таких как подавление – сопротивление, свобода – несвобода, правда – ложь, официальная культура – контркультура» и т. д. (Юрчак 2014: 38). Представляется, что против «бинарного» подхода выступал и А. М. Решетов – ученый, внесший большой вклад в восстановление истории отечественной этнографии. В биографии Н. М. Маторина, лидера марксистской этнографии начала 1930-х гг., он продемонстрировал, что, рассматривая в комплексе теоретические высказывания Маторина и его научную и организационную деятельность, никак нельзя руководствоваться бинарной схемой и считать Маторина безграмотным погромщиком (Решетов 2003). Французский исследователь Ф. Берtrand показал, что Маторин стремился использовать весь

арсенал идеологического и научного языка эпохи, как опираясь на «старых профессоров» в лице Зеленина, Богораза и др., так и используя большевистский новоз и марксистскую теорию (Bertrand: 61–76). В целом бурная история 1930–1940-х гг. представляется сложным сочетанием преемственности и разрывов на кадровом, институциональном, идеологическом и идейно-научном уровнях.

Исследования историков науки последних десятилетий показывают преемственный характер участия этнографов в сфере экспертизы советского нациестроительства, обусловленность этногенетических штудий политико-идеологическими факторами, удивительную витальность «проекта Богораза», развитие музейной этнографии, концепции ХКТ и ИЭО и многие другие свидетельства того, что советская этнография не пребывала в «кночдауне» даже в самые суровые годы.

Попытаемся сформулировать основные черты сложившейся в этот период науки. Говоря о ее основных принципах, главный теоретик советской этнографии С. П. Толстов неизменно ставил на первое место историзм. Советские марксисты всерьез восприняли тезис классиков о том, что существует «одна-единственная наука, наука истории», а разделение на исторические и неисторические народы должно быть отброшено. История делается людьми, и ее развитие подчиняется особым закономерностям, в основе которых лежит диалектика средств производства и производительных отношений, эксплуатации и классовой борьбы. На протяжении конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. в СССР усилиями представителей всех гуманитарных наук и ученых разных поколений под зорким присмотром партийных активистов и интеллектуалов проходят многочисленные дискуссии, в результате которых отбрасываются теории азиатского способа производства и многочисленные версии формационного подхода. Сложившаяся схема из пяти формаций была канонизирована в «Кратком курсе истории ВКП (б)» и представляла собой универсальную схему, которой должно было соответствовать развитие отдельных народов.

Выработать представление о том, что такое народы и как писать их историю в рамках марксистской парадигмы, предстояло этнографам. Как известно, в ходе дискуссий рубежа 1920–1930-х гг. этнология подверглась критике из-за того, что основные ее понятия – этнос и культура – представлялись внеисторическими или биологическими сущностями, имеющими свои законы развития (диффузии, мутации и т. п.), отличные от законов материалистического понимания истории. Если этнос – феномен исторический, то следовало определить, в какой момент истории он возникает и может исчезнуть. Поскольку ответа на этот вопрос никто дать не мог, от этого понятия решено было отказаться. В теории этногенеза Н. Я. Марра этносы считались надстроичными феноменами, возникавшими и исчезавшими в результате стадиальных преобразований языков, которые он пытался связать со стадиями развития материального производства. Стадиальность, социологический детерминизм и трансформизм были главными чертами мышления эпохи.

Однако вскоре теоретики обратились к понятиям племени, народности и нации, чтобы зафиксировать приблизительные координаты, по которым историю народов можно было соотнести с историей социально-экономических формаций. Попутно был найден и предмет этнографии, сначала ограничивавшийся докапиталистическими племенами и народностями, а в формулировках Толстова 1940-х гг. включавший в себя уже культуру и быт капиталистических и социалистических наций. Таким образом, советская этнография поставила себе задачу написания истории

всех народов мира, как в шутку формулировали тогда ученые, «от палеолита до главлита». Если говорить о предметной области науки, этот амбициозный проект сложно охарактеризовать как узко-прикладной и недостаточно теоретичный: даже классические эволюционисты претендовали лишь на то, чтобы заполнить промежуток истории между появлением *Homo Sapiens* и началом письменной истории.

С самого начала 1930-х гг. этнографы стали обсуждать различные варианты коллективных трудов о народах СССР и мира. С середины 1930-х гг. к работе над многотомниками по всемирной истории приступили сначала в ГАИМК, а затем в институтах Академии наук СССР. Результаты усилий больших коллективов этнографов и историков увидели свет уже в послевоенный период в виде восемнадцати томов серии «Народы мира» (1954–1966) и десяти томов «Всемирной истории» (1955–1965). Эти наработки вылились в синтетическую картину «Народов мира», в которой осуществлялась попытка совместить географический подход, идущий от немецкой этнологии, уникальность истории каждого народа и универсальную формационную схему развития человечества от материнского рода до социализма – задача, параллельно решавшаяся историками во «Всемирной истории». «Общие закономерности развития человечества проявляются диалектически – в индивидуальной неповторимости частных «случаев», создающих в каждой стране, в каждом уголке Земли свои яркие краски», – резюмировал основную идею многотомника журнал «Коммунист» (Покшишевский 1965: 118). Монографии об отдельных народах, как правило, бывшие венцом карьеры советского этнографа, обобщали информацию об историческом пути того или иного народа, диалектически совмещая неповторимость «частного случая» с универсальными закономерностями всемирной истории.

Однако завершение монументальных проектов, запечатлевших исторический и этнографический нарратив раннесоветского периода, знаменовало и его кризис. Новое поколение историков-шестидесятников, сгруппировавшееся вокруг сектора методологии истории Института истории АН СССР, уже в середине 1960-х гг. поставило под сомнение надежность схемы из пяти формаций, на которую опиралось все здание «Всемирной истории». Во второй половине 1960-х гг. возобновляются дискуссии о социально-экономических формациях, прерванные в первой половине 1930-х гг. В ходе дискуссий 1960-х гг. разрушался основной принцип «пятичленки» – универсальность и однолинейность прогрессивного развития человечества вне зависимости от географических, культурных и конкретно-исторических факторов. Одновременно единомышленники Л. В. Даниловой по «Проблемам истории докапиталистических обществ» этнографы В. М. Бахта, Н. М. Бутинов и В. Р. Кабо ставили под сомнение основы теории рода Моргана – Энгельса.

Фактическое обрушение «пятичленки» в сознании передовых ученых привело к тектоническим изменениям в разных сферах гуманитарного знания, в том числе в этнографии. Под сомнение были поставлены и такие основы сталинского марксизма, как резкое неприятие «биологизаторства», лежавшее в основе критики этнологии эпохи «великого перелома». Среди историков развернулась дискуссия о понятии «нация», единственным результатом которой стало предложение включать в перечень ее признаков национальный характер, а этнографы пробовали уточнить соответствие схемы «племя – народность – нация» социально-экономическим формациям. В этом контексте Л. Н. Гумилев предложил свое радикальное

решение проблемы: развитие «общества» подчиняется социальным закономерностям смены формаций, а миграции и этногенез обусловлены совсем другими факторами, находящимися на стыке географии, биологии и истории.

Эклектичность и амбициозность Л. Н. Гумилева были отражением его периферийного положения в советском мире академической этнографии. Автор советской теории этноса Ю. В. Бромлей, напротив, был в самом центре руководства академической исторической наукой. По-видимому, не случайно его назначение на должность директора Института этнографии сопровождалось указанием о том, что «разработка этнических проблем требует усиленного внимания со стороны ученых», и созданием в АН СССР Научного совета по национальному вопросу, который должен был стать центром разработки «по всему комплексу национальных проблем» в СССР и за рубежом, в частности, на Балканах (АРАН). Основной новацией Ю. В. Бромлея был перформативный акт уравнивания всех социальных образований обществ разных формаций одним термином «этнос» – позиция, против которой протестовали марксистские ортодоксы даже в 1980-е гг. В позднесоветский период этносы стали все больше описываться при помощи таких понятий, как популяция, адаптация, традиция, передача информации и т. д. К исходу советского времени М. В. Крюковым была резко поставлена под сомнение и связка схемы «племя – народность – нация». Этносы и их трансформации стали рассматривать вне прямой связи с социально-экономическими формами, что соответствовало тезису Бромлея о том, что этническое все больше концентрируется в области духовной культуры и передается прежде всего в семье.

Все это, однако, не означает, что «роман» этнографии с марксизмом в позднесоветские годы благополучно закончился негласным разводом. Как уже говорилось, в 1960-е гг. новое поколение историков, этнографов, востоковедов и представителей других наук было увлечено идеей представить обновленную версию марксизма. Оба этих фактора склоняли их к позиции многолинейной социальной эволюции и отказу от многих догм Моргана – Энгельса. Их версия истории была гораздо ближе западному марксизму и мир-системной теории – не случайно обзоры развития советской науки Л. В. Даниловой, работы Л. Е. Куббеля, Ю. И. Семенова и др. с энтузиазмом обсуждали такие теоретики антропологии, как М. Блок и Э. Геллер (Bloch 1983: 115–123; Gellner 1988). Последний, как известно, сыграл ключевую роль в организации диалога западной и советской антропологии, в котором участвовали М. Годелье, Дж. Гуди, Т. Шанин, М. Фортес и др.

Конец эпохи советского этнографического марксизма и советской теории этноса был столь же закономерным и одновременно неожиданным, как и распад Советского Союза. В. А. Тишков призвал привести этническую и национальную терминологию к общемировому стандарту и следовать «доброчастенному релятивизму» мировой социально-культурной антропологии (Тишков 1992). Следует ли считать неудачей советскую теорию этноса? Остается ли от советской этнографии что-то, кроме массы собранного материала? Период ее критической ревизии, пришедшийся на 1990-е гг., во многом совпал с постмодернистским тезисом о конце «больших нарративов». Однако конец «больших нарративов» впоследствии оказался лишь одним из нарративов, и нет убедительных свидетельств того, что наука от них навсегда откажется. Следовательно, перед ней вновь встают фундаментальные вопросы о природе этнического, о соотношении социального и биологического и развитии человеческой истории, осмыслиением чего занимались отечественные ученые XX века.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 559. Стенограмма общего собрания Отделения истории АН СССР 4 марта 1969 г. 152 л.

Бэр К. М. Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности. Прочитан в собрании РГО 6 марта 1846 г. // Записки Русского географического общества. 1846. Кн. 1. С. 93–115.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Императорская АН, 1799. В 4 т.

Головнев А. В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39.

Загребин А. Е. Г. Ф. Миллер и его «Описание трех языческих народов в Казанской губернии» // Hamburger Sibirische und Finno-Ugrische Materialien. 2005. Bd. 3. S. 92–104.

Загребин А. Е. И. Г. Георги и первая сводная монография по этнографии народов России // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 155–159.

Керимова М. М. Всероссийская выставка 1867 года – новый этап в развитии этнографической науки // Вестник Тверского государственного университета. 2022. № 476. С. 5–13.

Керимова М. М. Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и судьба его архива // Этнографическое обозрение. 2007. № 1. С. 137–141.

Керимова М. М. Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М.: ИЭА РАН, 1997.

Кузнецов А. М. Теория этноса С. М. Широкогорова // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 57–71.

Левин М. Г. Антропологические работы К. М. Бэра // Советская этнография. 1954. № 1. С. 107–131.

Могилянский Н. М. Предмет и задачи этнографии. Доклад, читанный на заседании От-

деления этнографии ИРГО 4 марта 1916 г. // Живая старина. 1916. Вып. 1. С. 1–22.

Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского Географического Общества. Кн. 2. СПб., 1847. С. 61–115.

Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1894 год. М.: Типография Императорской Академии наук, 1896.

Покшишевский В. Этнографическая картина современного человечества // Коммунист. 1965. № 17. С. 118–126.

Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113–125.

Соловей Т. Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х годов) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 101–121.

Тишков В. А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5–20.

Токарев С. А. Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии. Проблема периодизации // Советская этнография. 1951. № 2. С. 162–178.

Токарев С. А. Ранние этапы развития советской этнографической науки // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 2. С. 78–88.

Толстов С. П. Сорок лет советской этнографии // Советская этнография. 1957. № 5. С. 31–55.

Урысон М. И. Патриарх российской антропологии // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 156–161.

Фирсов Б. М. «Крестьянская» программа В. Н. Тенишева и некоторые результаты ее реализации // Этнографическое обозрение. 1988. № 4. С. 38–49.

Широкогоров С. М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Введение в курс этнографии Дальнего Востока, прочитанный в 1921/1922 году в Дальневосточном государственном университете. Владивосток: Свободная Россия, 1922.

Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических знаний // Шанхай. Отдельный оттиск из LXVII Известий Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета. 1923.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончились. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014.

Bertrand F. L'anthropologie soviétique des années 20–30. Configuration d'une rupture. Pessac: Presses Universitaires de Bordeaux, 2002.

Bloch M. Marxism and Anthropology: The History of a Relationship. Oxford: Clarendon Press, 1983.

Gellner E. State and Society in Soviet Thought. Oxford – New York: Basil Blackwell, 1988.

В. А. Тишков

Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва, Россия)

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

(заключительная глава книги:

В. А. Тишков. Очерки теории этничности.

Ревизия категорий и практик. М.: Наука, 2025. 275 с.)

В предисловии к книге я обозначил свою задачу: дать обзор современных подходов к изучению феномена этничности, прежде всего в плане существующих и частично инициированных мною переосмыслений ряда основных категорий в области этнологии и социально-культурной антропологии. Кроме того, требовалось обозначить в этой связи некоторые проблемы существующих общественных практик, прежде всего в области государственной национальной и языковой политики. Задача ответить оппонентам и критикам моих позиций была второстепенной, и текст книги был больше построен на обзоре научной литературы, а не на ее критическом анализе. В этом контексте ожидалось и написание заключения книги как изложение итоговых положений и выводов, а также возможных исследовательских перспектив. Но эта глава стала также и ответом-размышлением на еще ряд вызовов не столько мне лично, сколько всей нашей профессиональной корпорации.

«Деонтологизация этноса» и мультинационалистский подход

Повод для этого – сочиненная «аналитиками» Учебно-научного центра РГГУ «Высшая политическая школа им. И. Ильина» В. М. Коровиным и С. А. Резвушкиной «Аналитическая справка по дисциплинам: Антропология и этнология». Оказывается, этот недавно созданный университетский центр получил в качестве государственного задания проведение анализа и оценки гуманитарных программ и учебной литературы, которые преподаются в университетах. Одним из первых результатов выполнения госзадания и стала справка, представленная в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации (прочитируем выдержки из нее чуть ниже).

Этот выполненный закулисно материал, без обсуждений и без доведения до сведения тех, кого это непосредственно касается, отличается вопиющей неграмотностью и идеологической анга-

жированностью на грани политического доноса на представителей одного из важнейших направлений самостоятельной подготовки высшей школы под названием «Антропология и этнология». Философ Коровин давно известен своими претензиями считать себя антропологом и даже этнологом – последователем Л. Н. Гумилева. Руководимый им Евразийский союз молодежи еще 20 лет тому назад устроил пикет у здания Института этнологии и антропологии РАН с лозунгами: «Гумилев против Тишкова!», «Тишков против русского народа!» и т.п. Ныне от этого движения ничего не осталось, его лидеры разбрелись по разным углам националистической политики и эзотерики. Один из организаторов давнего митинга Павел Зарифуллин, ныне директор Московского центра Льва Гумилева, создал политическую партию «Новые скифы» и представляет себя не только этнопсихологом, путешественником, но и «пророком». Сам Коровин часто выступает в числе телевизионных экспертов, но собственными научными трудами никак не отличился и научного авторитета не заслужил.

Вот к каким оценкам и рекомендациям пришли аналитики центра им. И. Ильина в отношении российской этнологии. Позволю пространные цитаты из аналитической справки: «Принципиальной проблемой для современной этнологии и антропологии, в том виде, в котором она институционализирована в России, является совмещение деонтологизированных подходов, отрицающих любую автономную онтологию этноса, как сверхиндивидуального начала. Они (подходы. – В. Т.) опираются на синтез эволюционистского, конструктивистского и инструменталистского подходов к феномену этничности. Этим направлениям свойственно отрицание или игнорирование культурного примордиализма в понимании феноменов этноса и этничности, а также неправомерное расширение применения конструктивистской и инструменталистской методологии для изучения и описания тех типов обществ, по отношению к которым эти подходы нерелевантны. Игнорирование культурного примордиализма (“эссенциализма”), произвольное приравнивание любых представлений об этносе как изначальной (примордиальной) основе общества к расовому или биосоциальному подходу, неразделение биологического и культурного примордиализма блокирует любые возможности адекватного и позитивного исследования этноса как такого, имплицитно закладывает установку желательности преодоления этноса....Этническая составляющая жизни общества (и полностью игнорируемый концепт “народа” как исторической общности) рассматривается в данных случаях как нечто произвольное, сущностно не значимое, проявляющееся лишь в моменты социальных кризисов, что ведет к негативации представления об этносе, этнической идентичности. Таким образом, с теоретической точки зрения данный подход существенно деформирует восприятие этноса и этничности, деонтологизирует предмет исследования, отказывая этническим и народным культурам в какой-либо бытийной укорененности, рассматривая их как продукт внешних социальных процессов или индивидуальных стратегий» (Коровин В. М., Резвушкина С. А. 2023: 56–57).

Далее следуют заключения о «недооценке потенциала сплоченных по этническому принципу инокультурных сообществ и возможности их интеграции в российское общество», о «пренебрежении составляющей русского народа, как государствообразующего народа России», о «пренебрежении этнической идентичностью

малых народов России», о «попытках создать на их основе единую нацию по конструктивистским лекалам, что может привести к росту межэтнической напряженности как реакции на этноцид и ассимиляцию» (Коровин В. М., Резвушкина С. А. 2023: 56–57).

Это не более как набор жестоких обвинений в адрес тех, кто многолетними усилиями создал библиотеку трудов о народах России, воспитал сотни отечественных специалистов разных национальностей! Это – нападки со стороны тех, кто не написал ни единого труда по этой теме! Далее «аналитики» центра им. И. Ильина делают предложения по «корректировке парадигм», по «ревизии и фундаментализации антропологического образования». По их мнению, необходимо «конструировать новую этнологическую и антропологическую парадигму, основанную на эсценциалистском прочтении феномена этничности и применении мультинатуралистского подхода» (Коровин В. М., Резвушкина С. А. 2023: 58).

Вся эта «аналитика» злобных неофитов не заслуживает профессионального ответа. Однако насчет «мультинатуралистского подхода» и «деонтологизации этноса» считаю необходимым высказаться. Напомню название 2-й главы моей книги «От этноса к этничности и после». Оказалось, что название ее раннего английского варианта «От этноса к этничности и назад» было более точным. Ибо реабилитация примордиального взгляда на этничность вполне вероятна, если она уже не происходит на дисциплинарной периферии. «Эсценциалистское прочтение феномена этничности» – совсем не новая, а старая парадигма, а вот что новое в этой «аналитической справке», так это «применение мультинатуралистского подхода». «Мультинатурализм» – один из центральных моментов в так называемом «онтологическом повороте» в гуманитарных науках, включая антропологию. Об этом тренде, который трудно назвать школой или направлением, тем не менее за последние десять лет вышло много публикаций, в том числе и российских авторов (см. обзор: Сивков 2022).

Основные энтузиасты этого подхода – французский антрополог Филипп Дескола (Дескола 2012) и бразильский антрополог Вивейруш де Кастро (Вивейруш де Кастро 2017), оба специалисты по аборигенам бразильской Амазонии, а также еще ряд авторов разных методологических пристрастий (Э. Кон (Кон 2018), Б. Латур (Латур 2018)). Автор одного из обзоров этой темы Паоло Хейвуд пишет: «Поборники онтологического поворота считают, что “культура” содержит в себе значительный метафизический багаж. Особенно они указывают, что несмотря на то, что люди различаются своими идеями и представлениями о мире и его материальных и природных объектах, сами эти объекты не меняются вместе с этими представлениями. “Культура” может иметь различия, а природа их не имеет. Онтологический поворот предполагает распространение этих метафизических смыслов в пользу радикальной методологической открытости к различиям разного рода, будь это культурные и эпистемологические или природные и в действительности онтологического характера» (Heywood 2012, (2017) 2023).

Как можно понять из разных и часто путанных объяснений, под «онтологиями» среди «онтологических антропологов» понимаются способы восприятия реальности, способы существования в ней, а заодно и сама реальность во мно-

жественном числе. Если для традиционного взгляда характерен постулат: «мир един, а его восприятий много», то онтологический подход признает «много миров», непересекающихся и извечных. Отсюда рождается понятие «мультинатурализма», т. е. много природных существ без их единства и целостности, а значит, требующих разных оценок и аналитических инструментов. Один из теоретических постулатов онтологистов – вещи и предметы должны рассматриваться как живые и действующие агенты, и отсюда понятия **люди** и **не-люди** (*human and non-human*). Отсюда ироничные оценки нового направления как «антропология листвы и камней».

Применительно к этничности это означает, что раньше антропологи считали, что у нас есть одна фундаментальная человеческая природа, один мир, в котором существуют разные культуры, в которых люди по-разному понимают и интерпретируют универсальные базовые вещи. Это в общем единый мир с разными мировидениями в зависимости от культурных бэкграундов. Нынешним приверженцам «онтологического поворота» не нравится этот взгляд на фундаментально единый мир и его некие универсалии. Они говорят, что их нет и что люди живут в разных реальностях, в которых существуют свои способы понимания вещей и свои способы существования. То есть люди погружены в свои разные «онтологии», где онтология – это и сама реальность, и способ ее понимания, и способ жития в ней. *Онтологический поворот в антропологии бросает вызов традиционным представлениям о культурных различиях, утверждая существование множества онтологий, а не просто разных точек зрения на одну и ту же реальность. Выдвигая постулат о множественных онтологических пространствах (в отличие от множественных мировоззрений в рамках одной реальности), онтологический поворот концептуализирует инаковость как нечто абсолютное и окончательное.*

Критики нового подхода отмечают, что, по сути, эти концепции онтологий во многом являются переформулированными понятиями о культуре в их крайнем релятивистском варианте. Еще Клиффорд Гирц писал в начале 1970-х, что существуют взгляды на культуру в мягком и в крайне релятивистском варианте: в одном случае культура – это «единство и разнообразие», а во втором – это только «разнообразие», называемое различием (*difference*). Попытки связать онтологию (в философском или антропологическом вариантах) с «этносом» и этничностью у онтологических антропологов выглядят беспомощными, ибо, как замечает А. Л. Елфимов, «если они начнут разбираться с проблемами этничности, то разрушат их стройную философскую онтологическую картину. Эти теоретические “онтологии” имеют немало общего с теоретическим структурализмом в том смысле, что это весьма абстрагированная картина» (А. Елфимов – В. А. Тишкову, 11 апреля 2025 г., личная переписка).

Тем не менее кое-какие сюжеты в рамках онтологического подхода попали в арсенал антропологов и этнологов, главным образом в рамках т. н. (де)колониального дискурса и в изучении т. н. новой материальности (Российская антропология... 2017). Вот что пишет С. В. Соколовский: «Онтологический поворот существует в двух больших течениях: перспективизма (то есть внимания к космологии у коренных народов, где границы между культурой и природой иные, или наличия множества

природ, но одной культуры – Дескола, Вивейруш де Кастро, Коэн) и латуровского варианта, где разные онтологии возникают в результате взаимодействия разных вещей (тел) и сил – как у Эннами Мол с ее исследованиями т. н. множественного тела в медицинских практиках. Этносы там не присутствуют (хотя в латуровско-делёзианском варианте вроде бы можно предложить из них онтологию» (С. В. Соколовский – А. Л. Елфимову, 11 апреля 2025 г., личная переписка).

Важно отметить, что данное направление пришло в нашу науку вместе с другими инновационными подходами в антропологии, известными под аббревиатурами ACT (акторно-сетевая теория) и STS (science and technology studies – изучение науки и технологий). Онтологический подход определился в рамках и в связи с этими направлениями, особенно в изучении материальных аспектов культуры. «Что дают этнографу рассмотренные подходы для исследований материальной культуры?» – задает вопрос инициатор данного подхода в отечественной антропологии С. В. Соколовский. Ниже его ответ: «Одним из уроков, который может извлечь этнография материальной культуры из рассмотренных выше подходов, – расширение своего предмета за рамки т. н. традиционной культуры и включение в него “новой материальности”, упразднение жесткого размежевания между культурой и природой и чувствительность к гибридным формам, в которых эти оппозиции модерна оказываются сложным образом соединенными или сплавленными воедино. Наконец, внимание к актантности вещей – их способности программировать поведение человека, а не только быть запрограммированными на осуществление конкретной функции, тоже выступает как новая для этнографов, специализирующихся на изучении материальной культуры, и заслуживающая их внимания характеристика» (Соколовский 2017: 392).

Таким образом, при всей увлеченности части антропологов инновационными подходами, «новой материальностью» и «мультинатурализмом», онтологический подход, как и такие новые направления, как изучение науки и технологий (STS) или акторно-сетевая теория (ACT), – все они радикально не затронули изучение этничности и не привнесли теоретических новаций в понимание данного феномена. Разные онтологии и мультинатурализм не предлагают антропологически удовлетворительного взгляда на объяснение социально-культурной сложности современного мира. Они предлагают те же «герметичные» картины, какие уже присутствовали в классическом структурализме. В этой ситуации увлечения инновациями или, наоборот, установками на возврат старых прописей сам феномен этничности остается основным объектом науки этнологии. Это происходит прежде всего по причине сохранения и воспроизводства культурного многообразия мира, в том числе нашей страны.

В чем проблема с постантропоцентризмом в российском контексте?

Как я показал на реальных примерах культурно-сложных обществ и с помощью авторитетных имен в науке, Россия и мир в целом будут сохранять и воспроизводить свое многообразие, ибо это продиктовано самими природными законами, которые против культурно слаживающей энтропии. Культурная сложность

населения государственных сообществ, особенно таких больших по территории и разнообразных по этническому и религиозному составу, как Россия, есть историческая данность. И это также ресурс развития. Среди многообразия идентификационных характеристик у россиян сохраняется – как результат официальной и низовой политики и как результат усилий гуманитарной элиты – особая значимость коллективностей по культурной схожести на основе языка, исторического опыта, традиций и духовно-нравственных норм. Эта солидарная целостность выливается в две формы лояльности – к стране и к этнической общности. Одну мы называем национальным (российским) самосознанием, другую – этническим самосознанием (идентичностью). Последнее составляет главный предмет этнологической науки.

Этничность – это феномен глобального характера с разными историями, содержанием, личностным смыслом и общественным статусом. Нет единственной трактовки этничности, как и, видимо, невозможно создать ее цельную, всеохватную и всех устраивающую теорию. Но можно сказать, что этничность – это и категория, и группа индивидов, которые разделяют то или иное приписываемое обозначение, но совсем необязательно считают себя одним коллективом с общими интересами. Тем не менее именно на этой основе во многом рождается и существует представление о народе или о народах в рамках одного государства и одной гражданской (политической) нации. Такова историческая специфика российского опыта формирования государственности, и такова сопровождающая этот опыт интеллектуальная традиция. Если в других странах мира культурная схожесть образует общности этнорасового, этноконфессионального, историко-регионального, миграционного, сословно-кастового типов и все они обретают разные (само)обозначения и общественный статус (меньшинства, этнии, народности, племена и т. д.), то в России утвердились равнозначные понятия нации (в этнокультурном смысле), народа, национальности, этнической общности, которые составляют многонациональный народ Российской Федерации (российскую нацию).

Этническая идентичность, а значит, в большинстве случаев и групповая принадлежность – это динамичный, воспроизводимый разными силами и способами, постоянно оспариваемый с точки зрения групповых границ, внутреннего содержания и внешнего статуса феномен. Именно феномен, ибо это одновременно коллективная сущность, форма или чувство сопричастности, и это характеристики личностно-групповой отличительности.

Вокруг понятия «этническая общность (группа)» много не только научных споров, но и общественных дебатов и конфликтов, личностных эмоций, групповых мобилизаций и межгрупповых столкновений. Я утверждаю возможность восприятия и признания этничности в ее множественном и смешанном варианте, хотя возможно, что статистической нормой и желаемым идеалом может быть вариант этнической гомогенности, как, например, образы «100-процентного американца» или «100-процентного русского». От того, что генетика и даже семейные истории не подтверждают этническую «чистоту», в обществе (далеко не в каждом, но в российском – точно) преобладает представление об этнической гомогенности. Смешение, а тем более – переход из одной этничности в другую, никак не приветствуются

и даже иногда осуждаются, подобно тому, как это случается с религиозной верой. И это при том, что Россия изначально была страной смешанного населения и гибридных культур, что и позволяло ей осваивать огромную евразийскую территорию и оставаться сильной и цельной при доминантности русскоязычного и православного по вере населения.

При общегражданском равенстве, закрепленном законом и общественными практиками, от систем образования до доступа к культурным ресурсам и социальным благам, существуют разные формы и проявления этнического неравенства в рамках самых крупных и самых значимых для жизни человека институтов, то есть государств. Конкуренция за статус, ресурсы и власть остается неотъемлемой чертой человеческих сообществ и даже заключает в себе одно из условий развития, но в этой ситуации этничность (национальная принадлежность) становится одним из ресурсов, хотя и далеко не во всех случаях.

Там, где внешнему обозревателю состав населения кажется моноэтничным или этничность не является актуальной по сравнению с религией или сословно-кастовой принадлежностью, жизненная конкурентность внутри таких страновых коллективов обходится без этнических проекций. Что-то похожее может быть и в тех страновых коллективах, где этническая мозаика настолько пестрая, что все этнические общности представляют собой меньшинства без возможности обладать нераздельной властью, там также этничность малоактуальна в конкуренции за ресурсы и власть. Есть еще один тип государств, наиболее рискованный с точки зрения возможности конфликта за центральную власть. Это тип т. н. двуобщинных государств, когда две-три этнические общности обладают демографической и политической мощью претендовать на центральную власть. Этот тип этнических систем среди государственных образований чаще всего приводил к жестоким войнам и расколам, если не удавалось найти формулу раздела власти и кооперативного общежития.

Наиболее распространенный вариант государственного устройства с точки зрения этнического фактора – это наличие этнического большинства и своего рода этнической периферии, состоящей из численных меньшинств в разных статусах и с разными условиями жизни, от природной среды до культуры. В этом случае именно этническое большинство, его язык и культура определяют облик государства и обретают (не)установленный статус доминирующего (государствообразующего) народа при общем гражданском равенстве и взаимном признании,уважении и общенациональной солидарности. Российская Федерация относится к категории такого типа полигэтнических государств.

Русские как этническая общность, народ, этнонация являются основой российской государственности от самых ее первоначал, их язык и культура являются референтной, отправной культурой (*core culture*) нашей страны. Без русских нет российскости, но и Россия невозможна без проживающих на ее огромной территории более ста этнических общностей (народов), составляющих вместе российский народ. Наиболее многочисленные из этих народов и компактно проживающие на исторических территориях обладают внутригосударственными этнотERRITORIALНЫМИ образованиями, которые имеют статус субъектов федерации и обладают самостоятельными административно-государственными статусами.

Форма внутреннего самоопределения для дисперсно расселенных по территории страны этнических общин разной численности – это институт национально-культурной автономии. Точнее, это одна из форм общественного объединения с особыми статусами и правами. Что касается самых малочисленных групп автохтонного происхождения, проживающих в сложных природных условиях тайги, тундры и высокогорья и сохраняющих традиционные системы жизнеобеспечения, – для этой части этнических общин существует особый статус, определяемый федеральным законом и включающий особые преференции и государственную поддержку. Таким образом, в Российской Федерации этничность включена в государственно-правовую систему. Права граждан, связанные с их этнической принадлежностью, определены на уровне Основного закона – Конституции и рядом особых законов федерального уровня, а также законами и установлениями регионального уровня. Недавние поправки в Конституцию и к федеральным законам, а также документы стратегического планирования подтвердили и закрепили статус русского народа как государствообразующего и русского языка как государственного в российском обществе.

Часть этнических русских в лице политиков и общественных активистов консервативно-патриотического направления выскazываются в пользу обращения всего населения в категорию русских и признания русского языка как родного для всех граждан России. Однако этот вариант этнической политики является отступлением от признанной формулы единства и многообразия, а сужение российской культуры до русской представляется неосуществимым. Скорее, оптимальный другой вариант в сфере этнических идентификаций, о котором прозорливо писал сто лет тому назад российский философ, историк и религиозный мыслитель Георгий Петрович Федотов: «...для народов великорусской ветви это сознание должно быть одновременно великорусским, русским и российским», и **задача каждого русского состоит в том, «чтобы расширить свое русское сознание (без ущерба для его “русской”) в сознание российское** (выделено мною. – В. Т.)» (Федотов 1991: 181).

В то же самое время я продолжаю быть последовательным сторонником свободы выбора в вопросах этнической идентичности и языкового поведения, включая добровольную этническую ассимиляцию и языковой переход, а также множественную и не взаимно исключающую этническую идентичность человека, на его право на родное многоязычие. Признание права на родное двуязычие снимет напряжение и чувство неловкости, которое испытывают многие россияне, когда им приходится выбирать между родными для них языками отца и матери или просто между двумя в равной мере родными для них языками. Что касается в целом оценки языковой ситуации в России, как это рассмотрено мною под углом ревизии ряда категорий языковой политики, то я считаю, что наша страна обладает уникальным, сохраняющимся и поддерживаемым государством языковым разнообразием – с одной стороны, а с другой – несет перед миром и самой собой ответственность за свой национальный язык – русский, без которого невозможно представить мировую культуру и современную цивилизацию.

Теория – это разговор, у которого нет конца

Можно ли отличия российской действительности, слагаемые из этнокультурного и религиозного многообразия населения, из тысячелетнего исторического опыта и современных вызовов, из верхушечных представлений-предписаний и низовых мировоззрений, политических расчетов и научных рецептов, – можно ли все это охватить некой большой теорией, по которой скучают и ученые, и политические менеджеры, и агенты индоктринации? Состоявшаяся на страницах журнала «Антрапологический форум» недавняя дискуссия об антропологических теориях для XXI века (Форум 2025: 13–196) напоминает мне рубеж веков, когда в эпоху горбачевско-ельцинских реформаторских импровизаций политики и обществоведы были одержимы разработкой новой концепции национальной политики, которая сменила бы трещавшие по швам научно-пропагандистские формулы дружбы народов, расцвета и сближения наций и интернационализма. Надежда на новую теорию «национального вопроса» частично могла оказаться и на приглашении в 1991 г. меня как директора Института этнологии и антропологии РАН войти в правительство в качестве министра по делам национальностей Российской Федерации.

Моим ответом в сфере научной экспертизы был подход признания и поддержки культурного многообразия и продолжения советского опыта территориализации этническости в рамках федерализма при допущении экстерриториальной национально-культурной автономии как двух форм внутреннего самоопределения этнических общностей. Что касается выработки «теории» или «концепции», то мое отношение к этому я выразил в статьях и интервью под названием «Плач по концепции» и «Распад СССР и концептуальные поиски» (Тишков 1996, 2021: 19–63).

Без каких-либо новых теорий я инициировал некоторые серьезные новации в части языка этнополитики. Сначала это было предложение переосмыслить концепт национальной государственности с этнотERRиториального на общего-сударственный, а категории нация придать хотя бы двойной смысл, включающий понятие гражданской, политической нации, под которой я имел в виду российский народ. Как некий переходный вариант, текст Концепции национальной политики Российской Федерации 1996 г. не содержал понятие нации вообще.

Вторым важным моментом для науки и для страны были реабилитация концепции национально-культурной автономии и понимание самоопределения не только как возможности отделения, т. е. выхода из общего пространства государства, но и как права той или иной общности внутри страны на как можно более полное участие в общественном процессе. Уже позднее мною были выполнены исследования теоретико-прикладного характера по таким важнейшим категориям, как российская нация, российская идентичность, этнический дрейф и множественная этническая идентичность, этнический конфликт, этнологический мониторинг, была предложена общая формула «единства и многообразия» для стратегии государственной национальной политики и для общественно-политического дискурса в целом.

Не все и не сразу концептуальные новации или просто удачные обозначения изучаемых явлений (например, «единство – это признанное многообразие» и т. п.) вошли в язык нашей науки и российской политики, но все из вышеперечисленных были приняты и ныне кажутся вполне естественными и необходимыми, а часть – до сих пор оспариваемыми с неясной перспективой (например, дихотомии русского и российского, национального и этнического, государства-нации и страны-цивилизации). Упрятость научных нормализаторов в столь чувствительной (для стабильности внутри государства и общества) области мне представляется излишней, как и отказ от последовательности в отстаивании своих положений.

В упомянутой выше дискуссии о судьбах теории в антропологии был затронут вопрос: а кто практикует занятия теорией и что необходимо для успеха в столь сложном деле? Д. А. Функ и С. В. Соколовский упомянули условием такого занятия необходимость профессиональной антропологической (этнологической) подготовки и назвали как несчастливое для отечественной науки отступление от этого условия отсутствие такой подготовки у облаченных административной властью и занявшихся теорией Ю. В. Бромлея и В. А. Тишкова. По этой причине первый грешил бездоказательной холастикой, а второй, оказывается, вообще не смог сформулировать какие-либо теоретические новации. Как пишет Функ, «пресловутую “теорию этноса” в том виде, в котором многие ее знают, сформулировал один директор Института этнографии, не имевший профильного антропологического (выражаясь современным языком) образования, а ее критику, без предложения нового теоретического концепта, осуществил другой, но тоже без соответствующего образования» (Форум 2025: 141).

Мне эти аргументы кажутся слабыми. В перечне имен важнейших теоретиков нашей науки много таких, кто не получал специального антропологического образования (Б. Малиновский получал первую научную степень по математике, Ф. Боас по первой специальности физик и географ, а Э. Геллер по специальности философ и политолог и т. д.). Я не думаю, что исторический факультет МГУ (с кафедрой этнографии в его составе) хуже готовит этнологов, чем кафедра археологии Кемеровского университета или факультет иностранных языков Новокузнецкого господинститута. Приход Бромлея и меня в этнографию (этнологию) после занятий славяноведением и американистикой не дают оснований «ветеранам с молодых лет», якобы знавших и обсуждавших Фредерика Барта еще в 1970-е гг., занимать своего рода снобистскую позицию Винни Пуха: «Оказывается, какой-то кролик знает букву А!».

Из дискуссии на страницах «Антропологического форума» о теориях в антропологии мне импонируют многие высказывания участников обсуждения. О самом концепте теории и ее определении наиболее близка позиция британского антрополога Тима Ингольда: «На мой взгляд, теории – это не инструменты, которые мы используем, а разговор, к которому присоединяемся. Природа разговора, как и теорий, заключается в том, что он не имеет ни конца, ни границ и включает много голосов. Суть теорий как разговора – это то, что они позволяют объединяться в различии. Вы включаетесь в разговор не потому, что уже придерживаетесь общих с другими участниками точки зрения и стремитесь ее отстоять, а потому что у вас есть опыт и идеи, которыми можно поделиться... Теоретизировать, таким

образом, значит вести нескончаемую борьбу против склонности знания и идей выпадать в осадок, распределяясь по разным сегментам, как по комнатам в замке, отделенным друг от друга стенами. Это борьба против превращения различий в застывшие границы. Теоретизировать – значит размышлять. Это тот вид импровизации в разговоре, когда вы одновременно разбираетесь в проблеме и пытаетесь сделать эти рассуждения понятными для себя и для всех остальных. Вот почему теоретизирование плодотворно для концептов. В ходе разговора концепты буквально “всплывают”, придумываются. И находя отклик у других людей, они могут приобрести определенную ценность, в итоге став общепринятыми» (Форум 2025: 74–75).

Тим Ингольд подвергает сомнению природу гуманитарных дисциплин, которые носят «добывающий характер», ибо рассматривают поведение людей, их взгляды и убеждения как материал для анализа и производства знания. Такие дисциплины «воспринимают мир в целом как огромные залежи сырья, которое путем анализа и теории нужно собрать и переработать в так называемые результаты исследований, предназначенные для обогащения академической науки или для применения в сфере управления, промышленности и коммерции. Такая “добывающая” модель по сути своей колониальна. Она поддерживает изначально укоренившееся в лоне академического колониализма антропологии разделение на “этнографию” и “теорию”, где первая обеспечивает доказательную базу, а вторая – общую сравнительную схему» (Форум 2025: 75).

По вышеназванной причине многие антропологи сегодня отвернулись от теории. Этнография, т. е. сбор и описание полевого материала, по их мнению, должна говорить сама за себя. В свою очередь теоретики умудряются писать не только статьи, но целые книги без ссылок на какие-либо жизненные примеры и ситуации. В этой ситуации Ингольд считает, что «сводить антропологию к этнографии значит не только лишать ее собственного голоса, делая бессильной противостоять обобщающим нарративам более влиятельных дисциплин, для которых иные способы познания – всего лишь зерно для их мельниц». В итоге предложение известного антрополога заключается в пересмотре задачи антропологии, «которая должны быть не этнографической, а образовательной» (Форум 2025: 76).

Может быть, это ограх переводчика, но последнее заключение остается непонятным. Однако для меня важно определение теории как разговора, теоретизирования как размышления, а также мысль о придумывании концептов. Воспитанный изначально как сторонник методологического плюрализма, я не считал для себя обязательной прописку по какой-либо большой теории, даже когда это была единственная теория марксизма-ленинизма. Зато размышлениями и придумыванием, был грех, занимался постоянно. В итоге не считаю себя также и автором какой-либо большой теории и от этого обретаю спокойствие на закате научной карьеры.

Меня больше беспокоит другое обстоятельство: последняя дискуссия с представляющими наш цех двумя десятками известных ученых обошлась вообще без упоминания дисциплины этнологии и этничности как ее главного предмета. Наметился своего рода внутренний разрыв гуманитарной науки под названием «Антропология и этнология», которая и без того разрослась до невероятных разме-

ров своих тематик и поддисциплин. В дискуссии для ее участников антропология представляется наукой об обществе и личности без особых ограничителей, кроме заявки расширить понятие социального мира на мир вещей, а понятие человек дополнить понятием не-человек. Вот как оценивает антропологическую перспективу С. В. Соколовский: «На место нового метанarrатива претендует довольно пестрое в отношении своих генеалогических линий движение, объединяемое лишь вектором своего развития, который я предпочитаю называть постантропоцентристским. Критика антропоцентризма в рамках мультивидовой этнографии хорошо известна... Постантропоцентристскими по своей сути являются и популярные сегодня исследования в рамках онтологического поворота, включающего в качестве своих реализаций различные версии спекулятивного реализма, плоских онтологий, акторно-сетевых подходов, исследований различных типов интеграции техники и тела (от соматотехник до органопроекций, экстенсий, человеко-машинных ассамбляжей и т. п.), концепций распределенного сознания, трансгуманистских спекуляций относительно репликации индивидуального сознания на неорганических носителях и т. п.» (Форум 2025: 115).

Я не берусь сдерживать эти претензии на онтологические или «атмосферные» (Соколовский 2024) повороты в антропологии, но вижу здесь два потенциальных риска: это превращение дисциплины в «антропологию всего» с утратой установки на доказательное добывание нового и полезного знания и в низведении этнологии до статуса этнографии (народоведения) без особых теоретических изысков. Если дело пойдет в эту сторону, тогда есть необходимость заявить о дисциплинарном суворенитете этнологии, которая может существовать без, на мой взгляд, малополезных увлечений антропологией шума, камней и листвы, но нуждающейся во многих новых наблюдениях и размышлениях. Как пишет Ингольд: «О чем же мы размышляем? Единственный вопрос, ответом на который движимы антропологические исследования, – это вопрос “Как нам следует жить?”» (Форум 2025: 75).

Как нам следует жить в российском обществе? Что касается многонационального народа Российской Федерации как одной из крупнейших наций мира, то кое-что было высказано в моей книге. Интерес к этим размышлениям и заключениям сохраняется и будет сохраняться в российском научном дискурсе: только за последние пять лет число цитирований моих работ в Российском индексе цитирования (РИНЦ) выросло с 30 до 40 тысяч. Даже если половина из них – это отрицательные отметки оппонентов, но все-таки едва ли это что-то малопрофессиональное и не имеющее отношения к России и к ее гуманитарной науке.

Благо Россия и внешний мир не утрачивают своего культурного многообразия и возникающих на этой основе вопросов организации общества в виде разного типа социальных коллективов. Самыми мощными и всеохватными из них на сегодняшний и на завтрашний день остаются национальные государства, которые с разной степенью осознанности и успешности справляются с вызовами этничности. Одна из наших задач – не оставлять управленцев и этноактивистов один на один с этими вызовами, а своей способностью научного анализа оказывать содействие лучшему пониманию и лучшему управлению культурно сложными обществами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Вивейруш де Кастру Э. Каннибалские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ad Marginem, 2017.

Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: НЛО, 2012.

Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ad Marginem, 2018.

Коровин В. М., Резвушкина С. А. «Аналитическая справка по дисциплинам: Антропология и этнология». Учебно-научный центр РГГУ «Высшая политическая школа им. И. Ильина». 2023 (рукопись).

Латур Б. Политики природы. М.: Ad Marginem, 2018.

Российская антропология и «онтологический поворот» / Отв. ред. С. В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2017.

Сивков Д. Онтологический поворот в антропологии и технологические изменения в индигенном коллективе // Логос. 2022. № 2–3. С. 193–225.

Соколовский С. Вместо заключения. Глава 8. «Онтологический поворот» и исследования материальной культуры // Российская антропология и «онтологический поворот» / Отв. ред. С. В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 329–402.

Соколовский С. В. Об атмосферном повороте в социальных науках // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 5–21. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040018> EDN: AZHJXU

Тишков В. А. Плач по концепции // Московские новости. 1996. 16 июня (№ 23). С. 9.

Тишков В. А. Избранные труды. Т. 5. Этнология и политика. Статьи 1989–2021 годов. М.: Наука, 2021.

Федотов Г. П. Судьба и грехи России: В 2 т. Т. 2. СПб., 1991.

Форум: Антропологические теории для XXI века: дорожная карта // Антропологический форум. 2025. № 64. С. 13–196.

Anthropology and What There Is: Reflections on “Ontology” // The Cambridge Journal of Anthropology. 2012. Vol. 30. No 1. Pp. 143–151.

Heywood P. (2017) 2023. “Ontological turn, the”. In The Open Encyclopedia of Anthropology, edited by Felix Stein. Facsimile of the first edition in The Cambridge Encyclopedia of Anthropology. Online: <http://doi.org/10.29164/17ontology>

О. Е. Казьмина

МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

ЭТНОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В 2024 г. кафедра этнологии Московского университета отметила свое 85-летие. Эта дата стала стимулом для профессио-нальной рефлексии об истории и традициях, а также о современном состоянии и перспективах самой кафедры и вузовской этнологии вообще. Размышления о прошлом, настоящем и будущем кафедры нашли отражение на страницах коллективной монографии, подготовленной к знаменательной дате (Сквозь годы 2024). Вышли также статьи, анализирующие пройденный путь и намечающие траекторию дальнейшего движения (Соловей, Казьмина 2025: 7–21; Казьмина, Соловей 2025: 22–37), отдельные положения которых использованы в данном докладе.

Развернувшиеся в последние десятилетия процессы глобализации и унификации повседневной жизни людей не смогли эlimинировать многообразие человечества: современные общества остаются поликультурными, многие нации – многоэтничными, а этническая «самость» по-прежнему является важной составляющей индивидуальных и коллективных идентичностей. Соответственно повышается практическая значимость университетского звена отечественной этнологии. А 85 лет устойчивого развития кафедры этнографии (этнологии) исторического факультета Московского университета – это существенный историографический и научоведческий факт, заслуживающий исследовательского внимания.

В России дисциплинарное становление этнологии (этнографии, народоведения, как в разные периоды называлась наша область знания) происходило во второй половине XIX в. Отечественная этнология формировалась как наука о народах и предполагала комплексный характер изучения разных групп, отличающихся друг от друга по языку, верованиям, хозяйству, традиционной культуре, что было естественно для страны с пестрым этническим составом.

Российское профессиональное этнографическое образование своими истоками восходит к 80–90-м гг. XIX в. (тогда в контексте географического образования), и флагманом этого процесса был Московский университет. На рубеже XIX–XX вв. в нем складываются две линии этнографического образования: интегрировавшая его в естественнонаучный цикл (Д. Н. Анучин) и склонявшаяся к гуманитарным дисциплинам (Н. Н. Харузин) (Подробнее см.: Соловей 2022). Наличие этих двух линий

отражает междисциплинарный/метадисциплинарный характер этнологии, что и позволяет по-разному позиционировать нашу науку через различные аффилиации.

Востребованность этнологического знания в раннесоветских проектах национальной политики способствовала институциональному оформлению университетской этнологии. В 1919–1929 гг. существовала кафедра антропологии физмата I МГУ (на ней читались курсы и этнографического профиля), а в 1925–1930 гг. функционировал этнологический факультет I МГУ. Затем преподавание этнологии было прервано на несколько лет. Но в 1934 г. был образован (воссоздан) исторический факультет МГУ, а в 1939 г. на нем открыта кафедра этнографии. Таким образом этнология в качестве самостоятельной университетской дисциплины инкорпорировалась в систему исторического образования.

В конце XX – начале XXI в. некоторые этнологические научные и учебные структуры России стали дистанцироваться от истории и в настоящее время находятся вне структур исторического образования своих университетов. Это обусловлено междисциплинарным потенциалом нашей области знания. Однако кафедра этнологии исторического факультета МГУ никогда не меняла свою аффилиацию в угоду этим модным веяниям, а междисциплинарный потенциал этнологии обеспечивал обоснованную возможность оставаться в рамках исторического образования.

Признавая возможность и даже полезность разных аффилиаций образовательных структур этнологического/антропологического профиля, кафедра этнологии МГУ ценит значимость своего инкорпорирования в историческое как часть более широкого социогуманитарного знания. Включение кафедры в состав исторического факультета в 1939 г. оказалось ее конкурентным преимуществом и залогом стабильного развития. Принадлежность к историческому факультету давала выпускникам кафедры фундаментальное историческое образование, позволявшее видеть динамику этнокультурного многообразия в протяженной исторической ретроспективе. При этом кафедра всегда прекрасно осознавала специфику и отличие этнологического/антропологического знания, нашу особость на историческом факультете. Конечно, наша специальность «этнология/антропология» должна наряду с археологией отдельно звучать в названии ФГОС, которое сейчас редуцировано до «История и археология», хотя в рамках этого ФГОС есть направление подготовки – «Антрапология и этнология».

Если вернуться к истории кафедры, то институционализация этнологии на историческом факультете в 1939 г. во многом произошла благодаря волевым усилиям, административным возможностям и научным достижениям выдающегося историка, археолога и этнографа С. П. Толстова. Он стал первым заведующим вновь созданной кафедры этнографии и руководил ею до 1952 г. С. П. Толстов, возглавлявший и Институт этнографии АН СССР, занимавший в 1942–1945 гг. должность декана исторического факультета МГУ, имевший важный пост в академической иерархии (академик-секретарь Отделения истории), добился признания корпорацией профессиональных историков этнографии в качестве полноценной, а не вспомогательной исторической дисциплины, как мыслилось до этого. Он пригласил работать на кафедре блестящих ученых: С. А. Токарева, М. О. Косвену, Н. Н. Чебоксарова, В. И. Чичерова, Е. М. Шиллинга, Б. И. Шаревскую, все они совмещали преподавание с академической исследовательской работой. Эта яркая плеяда дала кафедре двух следующих заведующих – Н. Н. Чебоксарова и С. А. Токарева.

Сложившийся в послевоенные годы учебный план кафедры этнографии включал три основных проблемно-тематических направления: история первобытного общества, этнография народов СССР, зарубежная этнография. Поскольку серьезное изучение, а тем более концептуализация современности были невозможны, да и небезопасны в той политико-идеологической атмосфере, в учебной подготовке и исследовательской деятельности кафедры преобладал исторический аспект: изучения первобытности, этнической истории и традиционной культуры. Важной составляющей профессиональной подготовки будущих этнографов с самого начала была и полевая работа. Поначалу экспедиционная деятельность кафедры проходила совместно с Институтом этнографии АН СССР, но постепенно кафедра стала проводить собственные постоянно работавшие экспедиции.

Уже в 1940-е гг. была налажена работа кафедральной аспирантуры, что позволило в дальнейшем формировать преподавательский состав в значительной мере за счет выпускников кафедры, хотя кафедра никогда не замыкалась только в себе.

На формирование научной тематики, приоритеты и стиль работы кафедры традиционно значительное влияние оказывали ее заведующие.

С. П. Толстов не только сформировал кафедру, но и способствовал упрочению ее положения.

В 1952 г. С. П. Толстова на посту заведующего кафедрой этнографии сменил Н. Н. Чебоксаров – видный специалист в области этнической истории народов Восточной Азии, физической антропологии и этногенеза народов Евразии, один из авторов теории хозяйствственно-культурных типов. В 1956 г. он оставил кафедру в связи с предстоявшей длительной командировкой в Китай. Там Н. Н. Чебоксаров стал одним из основателей китайской этнологической школы, подготовив многих специалистов, занявших впоследствии ведущие позиции в китайской науке.

Начатая МГУ институционализация этнографии как самостоятельной учебной дисциплины приобрела в 1960–1970-е гг. общесоюзный размах: этнография стала обязательным предметом и неотъемлемой частью исторического образования в крупнейших университетах страны, а кафедра этнографии МГУ по праву обрела статус головной в системе профессионального образования этнографов. Выпускники кафедры составляли костяк научно-педагогических этнологических кадров многих советских университетов, а также значительную часть, если не большинство, сотрудников Института этнографии АН СССР. Ее выпускниками сформировались многие региональные этнографические школы.

Правда, в этот же период происходило некоторое обособление между кафедрой и головным институтом. Впрочем, размежевание университетской и академической науки в Москве было характерно для всего комплекса исторических дисциплин.

С 1956 по 1973 г. кафедру возглавлял С. А. Токарев, обладавший колоссальной эрудицией и непревзойденной работоспособностью ученый-энциклопедист, труды которого не теряли значимость с течением времени. В обширном научном наследии С. А. Токарева можно выделить несколько направлений, центральным из которых было исследование религии. Этую проблематику С. А. Токарев считал главной научной задачей своей жизни. Именно С. А. Токарев внедрил религиоведческую тематику – магистральную в развитии этнологии и социально-культурной антропологии – в учебный план кафедры. С. А. Токарев также фактически выступил основопо-

ложником отечественной историографической традиции, опубликовав капитальные труды по истории отечественной и зарубежной этнологии (Токарев 1966, 1978).

В значительной степени усилиями С. А. Токарева на кафедре были созданы первые учебники. В 1958 г. выходит ставший знаменитым его учебник «Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры» (Токарев 1958), а в 1968 г. под редакцией С. А. Токарева издается первый вузовский учебник «Основы этнографии» (Основы 1968).

В период с 1973 по 1986 г. кафедрой руководил Г. Е. Марков, ее выпускник, проработавший на кафедре до конца своей жизни, крупный этнолог и археолог, один из основоположников нового научного направления в этнологии – номадологии (кочевниковедения), крупнейший знаток историографии немецкоязычной науки о народах. Г. Е. Марков в своей исследовательской деятельности органично сочетал полевую и теоретическую работу, демонстрируя одинаково высокий уровень в обеих формах научной активности.

Своими фундаментальными трудами яркие фигуры отечественной науки и яркие преподаватели кафедры – Н. Н. Чебоксаров, С. А. Токарев, Г. Е. Марков – демонстрировали способность и возможность советской этнографии выйти за пределы идеологизированных рамок. Научная и педагогическая карьера Г. Е. Маркова демонстрировала, что глобальная наука продолжала существовать, несмотря на политические и социокультурные барьеры. С середины 1960-х гг. он систематически читал лекционные курсы в европейских странах, а в конце 1970-х гг. – в течение года исполнял обязанности директора Института этнологии Свободного университета Западного Берлина.

Г. Е. Марков был одним из авторов всех вузовских учебников по этнологии, подготовленных кафедрой, и соредактором двух из них. Учебник 1982 г. (Этнография 1982), вышедший под редакцией директора Института этнографии АН СССР Ю. В. Бромлея, в тот период работавшего на кафедре по совместительству, и заведующего кафедрой этнографии исторического факультета МГУ Г. Е. Маркова, знаменовал восстановление тесного и органичного сотрудничества института и кафедры. В последующие десятилетия, к сожалению, степень интенсивности этого сотрудничества заметно ослабла, хотя выпускники кафедры продолжали составлять большинство сотрудников института.

В структуре учебной подготовки и научной деятельности кафедры, начиная с 1970-х гг., все более важное место занимало исследование современности, что было реакцией университетской этнографии на формирование круга новых научных проблем.

Г. Е. Марков задавал и высокий стандарт междисциплинарности – когда это не механистическое соединение элементов разных дисциплин, а вклад в каждую из них. Не случайно его в плане цеховой принадлежности считают своим и этнологи, и археологи.

Однако университетская кафедра как часть этнографического сообщества не избежала и тех деформаций, которые характеризовали советскую гуманитарную науку позднего СССР.

Задача руководить кафедрой этнологии в 1986–2005 гг. – в эпоху бурных перемен и политических катаклизмов – выпала на долю В. В. Пименова, специалиста по финноугроведению и теоретическим проблемам этнологии, выпускника кафедры, вернувшегося на нее из академической среды уже профессором и заведующим.

При нем кафедра сменила свое название с этнографии на этнологию. Взрыв национализмов на пространстве бывшего СССР резко актуализировал этнополитическую и этносоциологическую проблематику, а также изучение современности в целом, что нашло свое отражение в трансформации учебного плана кафедры.

Именно усилиями В. В. Пименова при кафедре в конце 1980-х гг. была создана этносоциологическая лаборатория. Еще одним ответом на вызовы современности стало создание в 1990 г. (де-юре в 1995 г.) Центра прикладной этнологии – в рамках кафедры.

С середины 1980-х гг. учебный план кафедры сочетал традиционные и новые предметы (этнодемография, этномузееведение, этносоциология, этноэкология, этнопсихология, музыкальная этнография, интернет-ресурс в этнологии и др.).

На рубеже первого и второго десятилетий XXI в. университетская этнология переживала те же процессы, что и вся дисциплина: «антропологизация» этнологии, пересмотр предметных рамок, поиски новой профессиональной идентичности. Нарастала острая критика теоретических и методологических оснований советской этнографии (которая, бесспорно, нуждалась в обновлении, но и обладала несомненными достижениями). В 1990-е гг. в дискуссии преобладал критический тон, предлагался категорический выбор полного принятия или полного отторжения. И здесь уместно вспомнить профессионально сдержанную и идеологически не ангажированную позицию профессора Г. Е. Маркова, с иронией относившегося к предполагавшим взаимоисключение спорам «примордиалистов» и «конструктивистов». Профессор напоминал, что гибкая природа этнического загоняется в схемы только с многочисленными допущениями и оговорками.

Руководство кафедрой с 2006 по 2013 г. принял на себя А. А. Никишенков, крупный знаток британской и вообще западной социальной антропологии. Он подготовил и начал антропологический разворот кафедры этнологии, что было в то время определяющим вектором динамики дисциплинарного дискурса. При этом А. А. Никишенков выступал одновременно хранителем и критиком отечественной научной традиции и демонстрировал готовность к компромиссу, исходя из понимания того, что социогуманитарное знание не носит универсального характера. Он был сторонником постепенной и эволюционной трансформации. А. А. Никишенкову удавалось поддерживать разумный баланс этнологии и социально-культурной антропологии в содержании учебного процесса.

В 2013–2020 гг. кафедру этнологии возглавлял Д. А. Функ, антрополог-сибиревед, специалист по тюркоязычным народам Западной Сибири, в 2019–2024 гг. занимавший пост директора Института этнологии и антропологии РАН. В это время на кафедре был форсирован процесс антропологической трансформации учебного плана и исследовательской ориентации. Последовательный сторонник перехода этнологии на «антропологические рельсы», Д. А. Функ способствовал инкорпорированию в учебный процесс концептуальных подходов западной социально-культурной антропологии и включению в структуру учебной подготовки целого ряда антропологических субдисциплин, многие из которых и сейчас преподаются на кафедре. Исследовательское кредо Д. А. Функа составил отказ от «этничности» как единственного критерия выбора объекта исследований, но де-факто «этническое» порой вытеснялось с кафедры этнологии. Как ни парадоксально, в этот период взаимодействие кафедры и головного института было весьма слабым.

В настоящее время кафедра стремится, обновляя учебный план, сохранять преемственность в принципах профессиональной подготовки. Современная концепция кафедры заключается в сочетании этнографического и антропологического, отказе от противопоставления этнографии, этнологии и социально-культурной антропологии, в уходе от взаимоисключающего выбора в пользу традиционно-этнографического или инновационно-антропологического.

При наличии большого числа антропологических курсов (особенно в магистратуре) сохраняется и массив традиционной проблематики в учебных дисциплинах. Как и прежде, это сочетание теоретических курсов и региональных, внимание к изучению традиционного и современного. Это непременное изучение этнического, включая теоретический уровень его осмысления. В последние годы в программу были введены курсы, посвященные этническим трансформациям в России и мире. При всем многообразии тематики кафедры можно выделить три магистральные тематические линии как в преподавании, так и в публикациях сотрудников кафедры. Во-первых, это история отечественной и зарубежной этнологии и антропологии, что означает вписанность кафедральной этнологии в российский и глобальный контексты. На кафедре традиционно преподаются историографические курсы: и общие, и специальные. Во-вторых, с самого основания нашей области знания изучение религии было неотъемлемой частью исследовательского поля этнографии / этнологии / социально-культурной антропологии, поскольку религиозные верования/представления составляют базовый пласт культуры любого народа, а в традиционных обществах религия охватывает практически все стороны жизни. На кафедре это направление было введено С. А. Токаревым и никогда не прерывалось, несмотря на сложные государственно-конфессиональные отношения. Наконец, третьей опорой кафедрального этнологического образования, существующей с самого основания кафедры, является изучение регионов и отдельных народов. Без этой прочной эмпирической базы любые современные антропологические курсы превратились бы в оторванную от этнографических реалий схоластику.

Междисциплинарность, заложенная в структуру этнологии изначально, тоже остается непременной частью учебного плана. Составляющие предметное поле этнологии фундаментальные темы – идентичность, религия, язык, культура – труднопостижимы в русле только одной дисциплинарной традиции, а предполагают междисциплинарный синтез.

Сохраняются многие традиционные, исторически сложившиеся, направления экспедиционной активности кафедры, в том числе изучение Русского Севера и Урало-Поволжья.

В разные периоды у кафедры по-разному складывались отношения с профильным академическим институтом, но всегда, когда это сотрудничество было тесным, это шло на пользу обеим институциям. В настоящее время кафедра активно взаимодействует с Институтом этнологии и антропологии РАН. Синтез академической и вузовской науки составляет важную часть профессиональной идентичности российской этнологии и служит прочным основанием для подготовки новых поколений квалифицированных этнологов. А студентов на кафедру идет немало. В 2024/2025 учебном году у нас обучались 50 студентов в бакалавриате и 24 в магистратуре, 12 аспирантов и соискателей. Все они воспринимали и транслировали традиции кафедры. А поддержание интереса к истории своего цеха, сохранение памяти об учителях и предшественниках – все это безальтернативно для научного коллектива.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Казьмина О. Е., Соловей Т. Д. Кафедре этнологии Московского университета 85 лет: эпоха перемен, поиски новой идентичности и опыт профессиональной преемственности (1986–2024) // Вестник антропологии. 2025. № 1. С. 7–21.

Основы этнографии. Учебное пособие / Под ред. С. А. Токарева. М., 1968. 360 с.

Сквозь годы и поколения. К 85-летию кафедры этнологии исторического факультета Московского университета / Отв. ред. Т.Д. Соловей, О. Е. Казьмина, М. Н. Бахматова. СПб.: Алетейя, 2024. 356 с.

Соловей Т. Д. История российской этнологии в очерках. XVIII – начало XXI века. М., 2022. 612 с.

Соловей Т. Д., Казьмина О. Е. Кафедре этнологии Московского университета 85 лет: институционализация, качественный рост и профессиональная зрелость (1939–1986 гг.) // Вестник антропологии. 2025. № 1. С. 22–37.

Токарев С.А. Истоки этнографической науки (До середины XIX в.). М., 1978. 168 с.

Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978. 352 с.

Токарев С. А. История русской этнографии (Дооктябрьский период). М., 1966. 454 с.

Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958. 615 с.

Этнография / Под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. М., 1982. 320 с.

Гуань Кай

Институт этнологии и социологии
Центрального университета национальностей (г. Пекин, Китай)

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ЦЕННОСТЯХ НОВОЙ ЭПОХИ¹

Описание проблемы

27 октября 2023 г. генеральный секретарь Си Цзиньпин, возглавляя девятое коллективное изучение Политбюро ЦК КПК, посвященное вопросу укрепления сознания общности китайской нации, подчеркнул, что этот концепт означает направление всех народов на путь формирования «сообщества единой судьбы», где все разделяют радости и горести, славу и позор, жизнь и смерть. Кроме того, отмечалось, что для укрепления сознания общности китайской нации необходимо построить научно обоснованную и всестороннюю теоретическую систему этой общности.

Человечеству свойственна глубокая саморефлексия. В ходе более чем 5000-летнего развития китайской цивилизации, начиная от учений различных философских школ доциньской эпохи до создания «Исторических записок» Сыма Цянем во времена ханьского императора У Ди², сформировалась глубочайшая традиция знаний в области морально-политической философии, охватывающей природу, общество и жизнь человека. Хотя в древнем Китае не существовало концепции «нации», был актуален вопрос о том, как интегрировать различные социальные группы с культурными различиями в единую «Поднебесную» и как осуществлять эффективное управление государственными делами в унитарном государстве с внутренним разнообразием. Решение этих вопросов позволило китайской цивилизации накопить богатейший опыт, неизменно демонстрирующий выдающуюся мудрость и способности китайской нации.

Этнология, пришедшая в Китай с Запада более ста лет назад, в процессе накопления знаний находилась под влиянием западной этнологии и антропологии, а также была неразрывно связана с историческими взлетами и падениями страны в новое время. В 1938 г. Б. Малиновский написал предисловие к работе своего китайского ученика Фэй Сяотуна «Экономика

¹ Статья поступила в редакцию на китайском языке. Оригинальное название – «民族学知识建构的历史语境与新时代价值指向». Перевод осуществлен сотрудниками Института гуманитарных исследований УрО РАН М. С. Каменских и Е. И. Соболевой. Специальные термины и понятия автора приведены в скобках на языке оригинала с пометкой «ориг.».

² Император У Ди правил в Китае в 156–87 гг. до н. э. Период его правления считается высшей точкой развития империи Хань (прим. пер.).

деревни провинции Цзянсу», в котором выразил опасение: «Наша современная цивилизация, возможно, стоит на пороге окончательного уничтожения». Кроме того, он высказал недовольство антропологическими исследованиями, которые увлекаются древностью, экзотикой и оторваны от реальности, и выразил надежду, что «Экономика деревни провинции Цзянсу» сможет подтолкнуть антропологию к изучению более развитых культур, включая Китай, а это позволит переосмыслить саму западную цивилизацию (费孝通 2001: 14–15). В то время в Европе распространялись пессимистические настроения, связанные с «Закатом Европы», и Б. Малиновский остро ощущал кризис западной современности, тогда как Фэй Сяотун, только что завершивший обучение за границей, готовился посвятить себя борьбе против японской империалистической агрессии. Для этого поколения китайской интеллигенции создание дисциплин китайской этнологии и социологии было вопросом спасения и выживания.

Ценностная ориентация китайской этнологии была направлена на задачу адаптирования западной системы знаний для решения практических проблем китайского общества и содействия модернизации страны. В результате интерес западной этнологии к исследованию «чужой культуры» в руках китайских ученых был преобразован в способ понимания и адаптации внутреннего разнообразия. Эта ориентация китайской этнологии на «инкорпорацию чужой культуры» (orig. – 异文化研究内部化) сохраняется и по сей день. В настоящее время Китай осуществил индустриализацию, и объект этнологических исследований сместился от относительно четких границ социокультурных групп доиндустриальной эпохи к изучению идентичности высокомобильных групп (orig. – 高流动性的群体身份认同) с учетом урбанизации индустриальных обществ. Субъективность «нации» усилилась, а объективность ослабла. Сложившаяся в этнологии традиция чрезмерного внимания к особенностям, различиям и исследованию досовременной культуры не может эффективно реагировать на изменения в характере современных этнических вопросов и не способна адекватно отвечать требованиям укрепления сознания общности китайской нации. Поэтому необходимо оптимизировать и скорректировать дисциплину, чтобы она действительно соответствовала требованиям новой эпохи, отвечала главным стратегическим задачам партии и государства, укоренилась в современной социальной практике. Это позволит сформировать автономную систему научных знаний с китайской спецификой по этой дисциплине.

Происхождение западной этнологии и ее свойства

С точки зрения производства знаний любые размышления и исследования в области гуманитарных и социальных наук представляют собой субъективный ответ на конкретный исторический контекст, тесно связанный с социальной реальностью и потому несущий на себе отпечаток своей эпохи.

После XVI–XVII вв. в западной системе знаний появились первые зачатки этнологии, связанные преимущественно с историей, естествознанием и востоковедением. В отличие от давно сложившихся интеллектуальных традиций других регионов мира, возникновение современных социальных и гуманитарных наук стало результатом политических, экономических и социальных преобразований Европы, а также научной революции. К началу XIX в. некоторые области

социальных наук постепенно отделились от философии, сформировав самостоятельные дисциплины, разграниченные по объектам исследования – в первую очередь это были история, политология и экономика. Во второй половине XIX в. появились социология и этнология, чьи проблематики сформировались под влиянием двух ключевых исторических процессов, происходивших тогда в Западной Европе.

Первый – возникновение промышленного способа производства и системы национальных государств. Промышленный способ разрушил зависимость человека от земли, характерную для аграрного общества, и подорвал основы европейского феодализма. Система национальных государств, основанная на принципе «суверенитета народа», превратила граждан в совокупность равноправных индивидов, подчиняющихся закону, и определила границы групп на основе национального суверенитета, что породило новые концепты – «народ» (people) и «национальность» (nation). Для изучения перехода Европы от традиционного к современному обществу возникла социология, основной темой исследований которой стала трансформация западного общества от «традиционного» к «современному».

Второй процесс – колониальная экспансия Европы по всему миру после 1500 г., достигшая пика к 1914 г., когда британская и французская колониальные империи контролировали большую часть обитаемых территорий планеты. Столкнувшись с разнообразием рас и обществ, европейцы стали считать греческую философию и римское право образцом «цивилизации», а все незападные общества объявили «нецивилизованными», отдав их на изучение этнологии.

В период с середины XVIII до середины XIX в. европейцы вступили в беспрецедентно активное взаимодействие с жителями других частей света. Их морские торговые сети охватили весь земной шар, все чаще проникая в земли Африки, Азии и Америки, подчиняя их колониальному контролю. К концу XVIII в. промышленная революция вызвала масштабное перемещение экономических, коммерческих и политических ресурсов, усилив доминирование европейских держав над другими народами и обществами. В ходе частых контактов между западными и незападными обществами сформировались такие области знания, как физическая антропология, лингвистика и этнология. С самого начала этнология вписала европейские культурные и научные достижения в воображаемый «стандарт цивилизации», согласно которому только западная цивилизация является образцом цивилизационной идентичности. Это представление разрушило прежние взгляды: до промышленной революции Европа признавала значимость других цивилизаций, например китайской, а в некоторых аспектах даже их превосходство над собой. Однако после эпохи Просвещения, торжества сциентизма (科学主义) и промышленной революции европейская цивилизация вознеслась на вершину, породив внутри себя чувство цивилизационного превосходства. На этом историческом фоне первые этнологические исследования фокусировались преимущественно на безгосударственных обществах Африки и других регионов, подразумевая ценностную установку, суть которой в том, что незападные цивилизации – это простые общества, цивилизации низшего уровня.

В позднем Средневековье, после Столетней войны между Англией и Францией и Тридцатилетней религиозной войны в Европе, Вестфальский мир закрепил принципы международного права, что способствовало формированию современ-

ных концепций народа, суверенитета, государства и нации. В середине XIX в., на фоне европейской колониальной экспансии, промышленной революции в Западной Европе, становления системы национальных государств и возникновения современности, появилась этнология как система, специализирующаяся на понимании этнических феноменов и занявшая откровенно евроцентристскую позицию. На протяжении длительного времени она пыталась ответить на два ключевых вопроса: во-первых, объяснить, почему именно Западная Европа первой вступила в современную эпоху и как ей следует развиваться; во-вторых – обосновать «правомерность» колониальной экспансии и способы поддержания колониального порядка.

Объяснение первого вопроса предлагалось преимущественно через эволюционную теорию в сочетании с изучением систем родства, где значительную роль сыграли работы Дж. Мак-Ленна, И. Бахофена, Г. Мэна и Л. Моргана о матриархальных обществах. Современные этнографические и археологические данные опровергают большинство их выводов, но этнология того периода проделала важную теоретическую работу, имевшую долгосрочные последствия: различные формы родства в разных регионах интерпретировались как закономерные стадии единой эволюционной цепи, что долгое время «успешно» убеждало мир в том, что Западная Европа находится на вершине социального развития, а современные государства должны следовать ее модели.

Этот евроцентризм напрямую повлиял на подход этнологии ко второму вопросу. Изучение «нецивилизованных» народов с позиции европейцев как единственных носителей цивилизации долгое время оставалось основной исследовательской парадигмой. Лишь в конце XIX – начале XX в., когда все больше колоний в Азии, Африке и Латинской Америке обретали независимость, эта ограниченная ценностная позиция начала пересматриваться. Настоящим толчком к изменению прежней системы знаний стала «теория расового превосходства и неполноценности» (ориг. – 种族优劣论) немецко-австрийской этнологии, которая использовалась для оправдания фашизма; после Второй мировой войны она подверглась всеобщему осуждению в академических кругах.

После Второй мировой войны в этнологии произошла переоценка ценностей: с одной стороны, под влиянием марксизма усилилась критика колониализма и империализма, хотя сохранилась «антизападная западоцентричность» (ориг. – 反西方中心主义的西方中心主义) как форма западной интеллектуальной гегемонии; с другой стороны, «культурный релятивизм» американского антрополога Ф. Боаса стал новой ценностной ориентацией, подчеркивая, что нет разницы между высоким и низким, что не существует универсального и абсолютного критерия для измерения культуры, и что люди не должны использовать свой собственный набор критериев для измерения культурной логики, социальной мысли, мировоззрения и моральных взглядов других народов. «Культурный релятивизм» возводился в ранг «абсолютной ценности».

Различные модификации западоцентризма и крайний культурный релятивизм оказали негативное влияние на развитие этнологии. Особенно проблематичным стало то, что культурный релятивизм делает акцент на «этносах» (族群), а не на государстве или классе. Понятие «этноса» остается расплывчатым, а культурный релятивизм, абстрактно рассматривающий этнические группы как «естественные» сообщества с общими представлениями и интересами, игнорирует все их харак-

теристики, кроме культурной уникальности, что представляет собой серьезный теоретический недостаток. Культурный релятивизм, использующий чрезмерно упрощенный и монолитный подход к сложной и многослойной культурной системе, намеренно игнорирующий целостную идентичность «большой культуры» и подчеркивающий различия «малых культур», является одной из коренных причин дилемм современной этнографии.

С точки зрения истории мысли основная проблема западной этнологии в период ее становления заключалась в понимании досовременных обществ через изучение сохранившихся «пережитков» первобытных общественно-экономических формаций на фоне собственной индустриальной трансформации Запада. С современной точки зрения к XXI в. эта исследовательская повестка в основном утратила актуальность. Современная западная этнология преимущественно сосредоточена на концепциях, связанных с «современностью» (modernity), таких как «идентичность» (identity), «деколонизация» (decolonization), «биополитика» (bio-politics), однако ее основной идеологический подход по-прежнему остается в рамках западной традиции и ориентирован на опыт развития западных обществ. С одной стороны, этнология подтвердила особенности и преимущества западной современности, с другой – способствовала легитимизации националистической идеологии (民族主义认识论).

Исследуя «первобытные общества», этнологи часто занимали позицию «здесь и сейчас», тогда как объект их изучения помещался в контекст «там и тогда», создавая тем самым пространственно-временную дистанцию между собой и «другими» и включая этих «других» в нарратив современности. «Современность» может быть определена как особое состояние социального бытия, отличное от всего предшествующего человеческого опыта, тогда как «модернизация» означает процесс перехода от традиционного сообщества к современному обществу. В западном контексте все определения современности содержат (подразумевают) различие традиционного и современного, определяя современное общество как рожденное из традиции и оторванное от нее. Проблема заключается в том, что «современность» тем самым превращается в западный культурный стандарт. Именно таким образом этнология переосмыслила племена, нации и новые формы этнической идентичности. Впрочем, следует отметить, что более поздние критические размышления этнологии (антропологии) о современности оказались ничуть не слабее, чем их вклад в ее продвижение.

Особого внимания заслуживает огромное влияние марксизма на этнологическую традицию критики современности. Две мировые войны стали кульминацией кризиса западной современности. За такими явлениями, как циклические экономические кризисы и борьба за колонии, стояли характерные для современности черты «отчуждения» (ориг. – 异化) и «каномии» (ориг. – 失范). К. Маркс рассматривал феномен отчуждения «из текущих экономических фактов» – чем больше товаров создает рабочий, тем дешевле он сам становится как товар, тем больше мир вещей растет в цене пропорционально обесцениванию мира людей – и тем больше обесценивается мир людей (马克思 2000)³. Согласно К. Марксу, человек – это сознатель-

³ Хотя в работах после 1844 г. К. Маркс в значительной степени пересмотрел или отказался от термина «отчуждение», считая, что это определение может быть понято только через историческую перспективу конкретных общественных формаций, мы полагаем, что это не умаляет объяснительной силы концепции отчуждения для критики капиталистического способа производства.

ное существо, «родовое существо» (нем. *Gattungswesen*) (ориг. – 类存在物). Суть «родового существа» заключается именно в «роде», обладающем характеристиками «рода» в том смысле, что «вещи подобны вещам» (物以类聚). В рассуждениях К. Маркса человек как «родовое существо» противопоставляется животному: сознательная жизнедеятельность человека позволяет ему формировать «род», тогда как жизнь животного обусловлена индивидуальными инстинктами и не обладает характеристиками «рода», стоящего над индивидуальным уровнем. Именно это придает человеческому производству всеобъемлющий характер, в отличие от ограниченного инстинктами производства животных.

Капиталистический способ производства превращает человека в рабочую силу, а объект приложения этой силы – в товар. Капиталист, продавая товар, присваивает созданную трудом прибавочную стоимость, тогда как произведенный рабочим товар ему не принадлежит, являясь лишь звеном в цепи капиталистической прибыли. В этом процессе собственная жизнь и труд рабочего полностью объективируются – они перестают быть под его контролем, становясь чем-то внешним и чуждым, что и представляет собой отчуждение жизни и труда, превращение человека из всеобъемлющего «родового существа» в отчужденную рабочую силу, подчиненную капитализму (马克思 2000: 50–72). При этом, подобно тому, как сам рабочий становится товаром, капиталист также не избегает участи отчуждения, представая перед рабочим в образе капитала как своей противоположности. Таким образом, не только каждый человек отчуждается от своей сущности, но и люди отчуждаются друг от друга. Фундаментальное противоречие капиталистических производственных отношений, раскрытое через теорию «отчуждения», находит более наглядное выражение в открытом К. Марксом законе тенденции нормы прибыли к понижению. Стремление к прибыли побуждает капиталистов внедрять технические усовершенствования для снижения издержек и увеличения дохода. Разумеется, другие капиталисты следуют их примеру, что приводит к новому равновесию. Однако при неизменной степени эксплуатации (норме прибавочной стоимости) этот процесс увеличивает долю постоянного капитала в общих затратах каждого капиталиста, вызывая постоянное снижение средней нормы прибыли (马克思 2004: 235–257). Для Маркса циклические кризисы капиталистической системы неизбежны, они определяются ее внутренними противоречиями.

Под влиянием критической теории марксизма современная этнология (антропология) использует опыт незападных обществ для осмыслиения кризиса современности, часто представляя их как «жертвы развития» для предостережения современных людей (Bodley 2011). Постмодернизм можно рассматривать как теоретическую конструкцию рефлексивной культурной критики (ориг. – 反思性文化批评理论建构), возникшую в ответ на кризис современности. Когда современность обнаружила такие проблемы, как отчуждение и аномия, рефлексивный характер постмодернистской этнологии с ее «видением другого» (ориг. – 他者的眼光) не только сделал ее «критическим инструментом» (ориг. – 批判的工具) современности, но и подверг «инструментальной критике» (ориг. – 工具的批判) саму себя. Как утверждал Б. Латур, постмодернизм разделяет с модернизмом ту же бинарную логику (природа и общество, человек и нечеловек, священное и мирское) (Latour 2010). Однако в результате, подвергая сомнению все метанarrативы (ориг. – 元叙事), постмодернизм сам превратился в один из них. Западная метанарративная логика явно недостаточна для такого скептического отношения к метанарратив-

вам, а современный Китай как «сложная цивилизационная система» может предложить альтернативный способ мышления, даже если китайские исследования еще не в полной мере раскрыли это.

Так или иначе, несмотря на многочисленные проблемы, ценностные характеристики (知识属性) этнологии остаются важными с научной точки зрения. Ее познавательной основой является логический позитивизм (ориг. – 逻辑实证), опирающийся на эмпирические факты, но методологическая особенность, сосредоточенная на полевых исследованиях и этнографическом письме, придает ее системе знаний одновременно черты и гуманитарных, и социальных наук. Дисциплинарная система современного знания состоит из трех частей: гуманитарных, естественных и социальных наук (экономика, политология, социология). Гуманитарный аспект этнологии проявляется в том, что в сферу ее исследований входят религия и философия (идеологический подход), история, язык и др., что требует применения именно гуманитарных методов исследования. Социально-научный аспект заключается в использовании эмпирического наблюдения, методов сбора данных, статистических методов и других научных инструментов для анализа соотношения структуры (structure) и агентности (agency) в человеческом обществе, а также в концептуализации социальных закономерностей посредством логических умозаключений. В отличие от других социальных дисциплин, которые изучают общество с узкой «внешней», «нисходящей» точки зрения, эта этическая (客位的), «восходящая» ценностная и методологическая ориентация уникальна для этнологии, что делает ее незаменимым инструментом изучения культурных и этнических проблем в современном обществе.

Китайская этнология в условиях кризиса современности

Процесс модернизации Китая разворачивался в условиях двойного кризисного контекста: кризиса выживания китайской нации и кризиса самой западной современности. С одной стороны, современный порядок и институты не были эндогенными продуктами китайской цивилизации, и столкновение китайской нации с давлением современности представляло собой процесс адаптации. Западные ученые Дж. Нидэм, Дж. Фэрбэнк и Дж. Левинсон, рассматривая проблему модернизации Китая с разных точек зрения, пришли к схожему выводу: традиционность китайской цивилизации не способна породить современность изнутри (Needham 2016; Fairbank 2002; Levenson 2009). Когда современность проникла в Китай в форме империализма и колониализма, универсальная «Поднебесная» превратилась в особенное государство, а Китай, лишившийся «Сына Неба», в контексте современности оказался региональным «национальным государством». Не выдержав конкуренции с Западом, современный Китай постепенно осознал, что мощь Запада заключается не только в его «передовых технологиях», но и в его институтах и культуре, после чего начал всестороннее заимствование западного опыта. Рационалистическая эпистемология, сциентистские концепции, капиталистическая экономическая система, индустриальный способ производства – все эти новшества постепенно оказали фундаментальное влияние на китайское общество. Изначально китайские ученые разделяли людей на «культурных» и «варваров», при этом

они считали себя центром цивилизации, а иностранцев – «варварами». Однако впоследствии китайские ученые были вынуждены добровольно признать Запад «культурным», а себя – «варварами», пережив при этом огромный духовный кризис. Ху Ши констатировал: «Наша древняя страна с тысячелетней историей, лидер восточноазиатской цивилизации, в мгновение ока превратилась в ученика, смиренно принимающего наставлениям, повернувшись лицом к северу. Разве существует в Поднебесной позор больший, чем этот?» (耿云志编 2015: 599). Древнейшей цивилизации с более чем 5000-летней непрерывной историей пришлось встраиваться в чуждые рамки западной современности, что предопределило исключительную сложность и болезненность ее трансформационного пути.

С другой стороны, период Синьхайской революции совпал со временем, когда кризис современности в западном империализме готовился достичь своего апогея. Развитие капитализма неизбежно обостряло международную конкуренцию и империалистическую экспансию, а противоречия между внутренними и внешними силами Запада в конечном итоге вылились в две мировые войны, которые едва не уничтожили Европу. Этот «закат Европы» побудил множество ученых начать переосмысление недостатков западной цивилизации и стал важным историческим условием для того, чтобы китайская интеллигенция встретила современность с критической, а не безоговорочно принимающей позицией. В конце XIX – начале XX в. китайские ученые в основном воспринимали Запад как единое целое, и все пришедшие с его стороны «измы» в то время рассматривались как часть этого специфического, обновленного и более совершенного целого (罗志田 1996: 77–94). Лишь когда началась Первая мировая война и западные народы сами оказались в состоянии войны, образец, дававший надежду на прекрасное будущее, обнаружил свои глубокие проблемы. Тогда многие китайцы осознали, что «Запад» раскальвается и терпит крах (罗志田 1999: 20–35). Янь Футак выразил свое разочарование: «Международное право военного времени – пустые слова. Со времен войны в Европе (1914) смертоносные технологии достигли невиданного уровня, и все они – порождение науки» (黄濬 2013: 144). Позднее Мао Цзэдун пришел к выводу, что после поражения в Опиумной войне прогрессивный китайский народ стремился на Запад, чтобы найти истину, однако: «Империалистическая агрессия разрушила мечту китайского народа учиться у Запада. Странно, почему наставник всегда вторгается к своим ученикам?» (毛泽东 1991: 1470). Кризис современности, который развернулся на Западе, обусловил сдержанный и настороженный подход Китая к принятию проекта современности.

Таким образом, китайская культура современности с самого начала представляла собой глубинную смесь китайской цивилизации и традиции, не только критически наследуемую, но и сознательно сохраняемую. Перед интеллигенцией позднего цинского и раннего республиканского периодов стояла дилемма: они ненавидели вестернизацию, но хотели учиться у Запада; они критиковали традицию, но тосковали по некой более чистой и ценной, как им казалось, традиции. Чжан Тайянь в самый активный период своего творчества выступал против безоговорочного заимствования западных учений, но при этом пытался переосмысливать традицию (王汎森 2018: 244–263). Он утверждал: «Может казаться, что прошлое не имеет значения, но нынешняя ситуация постепенно сложилась именно из прошлого. Что-

бы понять результат настоящего, необходимо искать причины в прошлом – как же можно этим пренебречь?» (章太炎 2014: 60). Традиционный китайский взгляд на историю здесь предстает не просто как обращение к прошлому, но как осмысление китайской реальности и путей будущего развития в исторической перспективе цивилизации. Золотой век «трех династий» всегда наделялся разнообразными смыслами – цель заключалась не столько в понимании той эпохи, сколько в использовании древности для иносказаний о современности, что перекликается с логикой Чжан Тайяня «возрождение древнего есть обновление» (orig. – 复古即是褪新). Этот традиционный взгляд на историю продолжается и по сей день.

Несмотря на то, что Китай стал первой республикой в Азии как формирующееся современное государство, он представлял совершенно иную цивилизационную традицию, чем Европа. Очевидно, что с цивилизационной точки зрения строительство государства в современном Китае было ограничено внешней структурой, заданной современностью. Превращение внутренне разнообразного Китая в национальное государство неизбежно сталкивается с проблемами этничности и национализма, которые как раз входят в сферу этнологического знания. Выделенные Э. Гелнером пять стадий развития национализма в Центральной Европы (после Венского конгресса, в период национальной независимости, в период Версальского договора и вильсонианскую эпоху, в период этнических чисток, в период подъема национальных чувств) (Gellner 1997: 37–49) не применимы к китайскому опыту – согласно модели этого ученого, Китай вступил в национальную политику лишь в конце второй и начале третьей стадии.

Основные признаки современного национального государства – это суверенитет, гражданство и национализм (Giddens 2015: 926). Принцип «суверенитета народа» представляет собой современную основу государства, где народ становится фундаментальной базой его строительства; при этом процесс создания современного государства тесно связан с политическим национализмом государственного уровня – когда «народ» в пределах определенной территории формируется в «нацию». Хотя в европейской традиции национализм в процессе государственного строительства в основном разделялся на политический национализм (французская модель) и культурный национализм (немецкая модель) (Kohn 1944), в Китае оба типа вместе сформировали двойную структуру национализма внутри государства. Проблема того, как сделать политический и культурный национализм гомогенными вплоть до тождественности, стала одной из ключевых задач государственного строительства.

Начиная с концепции «Республики пяти национальностей» (Республика пяти национальностей /五族共和) Синьхайской революции (孙中山 2011: 2–62; 蒋中正 1946 1–12), национализм – в смысле государственного строительства – стал вопросом не только внешних рамок, но и внутренней структуры. Когда различные типы националистических идей проникли в китайское общество, они непосредственно создали парадокс политического и культурного строительства: невозможность полной изоморфности политического и культурного национализма стала постоянной проблемой порядка в государственном строительстве. В отношении внешних рамок государственный политический национализм требовал не только общей культурной основы, но и имеющих целостное значение компо-

нентов культурного национализма государственного уровня. Необходимо было сконструировать единую культурную идентичность граждан для достижения политического единства вовне. Таким образом, в начале XX в. возникли концепция и идея «китайской нации» (中华民族). С точки зрения внутренней структуры, учитывая реальность культурного разнообразия, государственное строительство требовало подчинения культурного национализма всех субгрупп общему политическому национализму, что создавало напряженность между ним и внутренним многообразием культурного национализма. Такая ситуация является неизбежным следствием строительства современного государства и характерна не только для Китая, но особенно ярко проявляется именно в нем, стране обширной и многообразной.

Национализм в «Трех народных принципах», предложенных Сунь Ятсеном, и «теория кланов (宗族论)» Чан Кайши были фактически основаны на опыте и теоретических рассуждениях о строительстве национальных государств в Европе, не сумев выйти за рамки теории национализма «одна нация – одно государство» и избежать логики великоханьского шовинизма (孙中山 2011: 2–62; 蒋中正 1946: 1–12). Коммунистическая партия Китая, с одной стороны, критиковала великоханьский шовинизм Гоминьдана, выступая за «равноправное объединение» (毛泽东 1991: 623) всех народов, а с другой – сохраняла высокую бдительность в отношении советской теории национального самоопределения. В статье 50 «Общей программы Народного политического консультативного совета Китая», принятой в сентябре 1949 г., говорилось, что «все народы на территории Китайской Народной Республики равноправны», а статья 51 устанавливала, что «в районах компактного проживания национальных меньшинств должна осуществляться региональная национальная автономия». Ли Вэйхань обобщил причины, по которым Китай выбрал систему автономных районов вместо федерации: во-первых, марксистско-ленинское право наций на самоопределение вплоть до отделения основывается на конкретных исторических условиях, а не является произвольным и изолированным (исторические условия России подходили для федерации на основе права на самоопределение национальностей); во-вторых, революционное положение, при котором все народы Китая столкнулись с общими врагами – международным империализмом, внутренним феодализмом и бюрократическим капитализмом, а также взаимозависимый характер национальных отношений определили, что Китаю подходит форма региональной автономии в виде системы автономных районов (李维汉 2016: 640–647).

После основания КНР главной задачей этнологических исследований стало со-действие национальному единству и сплоченности народов. В тех исторических условиях этнология также перестроила себя, взяв за образец советскую этнологию. В 1952 г. китайская этнология пережила масштабную «дисциплинарную реформу» (orig. – 学科改造), основным содержанием которой были всесторонняя критика «буржуазной этнологии Запада» и построение дисциплины по модели советской этнографии, что предполагало теоретический отказ от всех заимствованных ранее западных концепций – эволюционизма, диффузионизма, структурного функционализма, теории социального действия – с их заменой марксистской теорией стадий общественного развития и классовой борьбы. Главной мерой по реформи-

рованию этнологии в то время стало упразднение кафедр социологии, антропологии и этнологии в других университетах и создание Исследовательского отдела в Центральном институте национальностей, где были собраны авторитетные учёные соответствующих специальностей со всей страны, включая У Вэньцзяо, Пань Гуандяна, Вэн Дуцзяня, Фэн Цзяшэна, Цзянь Боцзаня, Фэй Сяотуна, Линь Яохуа, Ян Чэнжи и других. Эти выдающиеся учёные, получившие преимущественно западное образование, сыграли ключевую роль в беспрецедентных по масштабам работах, инициированных государством, по этнической идентификации и исследованиям социальной истории меньшинств. В ходе исследований ими был собран обширный корпус этнографических материалов, что ознаменовало золотой век в истории дисциплины и обеспечило прочную академическую базу для разработки национальной политики и решения этнических вопросов того периода. Это было время непревзойденного до сих пор расцвета китайской этнологии.

Начиная с 1958 г. отношения между Китаем и Советским Союзом начали ухудшаться, и советская этнология, ранее считавшаяся образцом для подражания, была осуждена как «ревизионистская». Впоследствии «исследования национального вопроса» полностью заменили этнологию, которая в дисциплинарном смысле стала расплывчатой и деконкретизированной. В период «культурной революции» этнология как дисциплина была упразднена. В 1978 г. ее восстановили, и в последующие 40 с лишним лет специальности этнологии и антропологии были созданы в десятках вузов по всей стране. В то же время китайская этнология вновь начала учиться у западной антропологии, возвращаясь в международное академическое сообщество. В течение тех 30 лет, пока китайская этнология была отрезана от западных академических кругов, западная этнология также претерпела глубокие изменения. После Второй мировой войны западные колонии одна за другой обрели независимость и начали процесс модернизации, в результате чего этнология (антропология) лишилась традиционных «досовременных» объектов исследования, а ее одержимость «чужой культурой» (ориг. – 异文化) в определенной степени превратилась в своеобразный вид самовозвеличивания (ориг. – 变成一种自我想象). Одновременно центр мировой социальной науки переместился из Западной Европы в США, где под именем культурной антропологии этнология стала уделять больше внимания полевым исследованиям и интерпретациям, «неизбежно» рассматривая почти все социальные проблемы сквозь призму культурного детерминизма. Три знаменитые работы, почти одновременно опубликованные на Западе в 1983 г., сделали модернизм доминирующей теоретической парадигмой в исследованиях наций: «нация» из-за смысловой неопределенности перестала быть четким объектом исследования, уступив место национализму (Gellner 2021; Anderson 2005; Nancy 2016). Под влиянием теории модернизма изменилась и сама этнология – привычные ей концепты «традиция», «общность», «другой», «аккультурация», «развитие» обрели современный облик.

В макрообъяснении человеческого общества марксизм отличается от основной западной этнологии. Марксистская перспектива материального детерминизма сделала классовую позицию основой эпистемологии, а ее критический дух был унаследован Франкфуртской школой, сформировавшей – помимо моделей эм-

тического исследования и позитивистского анализа – теорию и методологию критики капиталистической социальной структуры, культуры и идеологии. С точки зрения классического марксизма западная этнология является буржуазной или мелкобуржуазной реформистской. Такой аналитический подход оказал важную теоретическую поддержку строительству нового Китая, позволив партийной работе по национальному вопросу найти в каждой народности надежную опору и сплотить подавляющее большинство представителей всех народов. Можно сказать, что без классового анализа невозможно было бы по-настоящему реализовать положения о национальном равенстве в программе строительства нового Китая, осуществить социалистические преобразования в национальных районах, по крайней мере, при очень низких социальных издержках и широкой поддержке простого народа. Однако в отсутствие социалистических преобразований в этнических регионах западного пограничья могли бы сохраниться разновидности феодальных политических образований, выступающих под видом «этничности» и контролирующих население через традиционные институты и привилегированные группы.

Однако классовый анализ не является универсальным ключом в этнических исследованиях – у него есть серьезные теоретические ограничения. Фактически догматизация, стереотипизация и чрезмерное применение классового анализа несут в себе серьезные теоретические риски и операционные ошибки в решении национальных вопросов. Когда классовый анализ произвольно расширяется и превращается в инструмент политической борьбы, он не только не помогает решать реальные национальные проблемы, но даже искусственно создает новые. В период «культурной революции» появилось большое количество неправомерных и ложных дел, связанных с национальными вопросами, что серьезно повредило межнациональным отношениям. После «культурной революции» работа по исправлению перекосов в национальной политике продолжалась вплоть до 1987 г., потом акцент сместился на экономическое строительство.

В период реформ и открытости⁴ в исследованиях марксистской теории национальностей и национальной политики чрезмерно акцентировались различия и субъектность народов, что продолжало традиции советской теории этноса. В то же время этнология как дисциплина второго уровня испытывала сильное влияние американской антропологии. На протяжении 1980-х гг. в этнологических кругах возобновилось внедрение западных теорий этнологии и антропологии, было переведено множество работ, а в учебных программах значительное место занимало ознакомление с западными традициями и передовыми теориями, что в определенной степени привело к серьезной проблеме «вестернизации» системы этнологических знаний. Можно сказать, что сегодняшняя оптимизация и корректировка этнологии с акцентом на укрепление сознания общности китайской нации фактически подразумевает пересмотр ориентации на западные стандарты в производстве этнологических знаний в тот период.

⁴ Этап новейшей истории Китая, начавшийся после смерти Мао Цзэдуна по инициативе Дэн Сяопина с 1976 г. Политика реформ и открытости заложила основу современного понимания социализма с китайской спецификой (прим. пер.).

Период реформ и открытости совпал с этапом стремительного развития модернизационной трансформации Китая, когда социальные условия претерпели радикальные изменения, а вместе с ними изменились и характеристики «национальностей». Похоже, что китайская этнология еще не была готова к таким переменам. Ли Вэйхань еще в 1962 г. отмечал, что национальный вопрос по сути является крестьянским вопросом (李维汉1962: 751). Это утверждение соответствовало духу того времени и фактически совпадало с социальной ситуацией конца правления династии Цин – до начала республиканской эпохи, когда «национальный вопрос» подвергся злоупотреблению, вплоть до периода реформ и открытости. Однако после начала реформ стремительная индустриализация, рыночные преобразования и урбанизация привели к глубоким изменениям в социальной структуре Китая. В 1978 г. ВВП Китая составлял лишь 1,8% от мирового; к 2018 г. этот показатель приблизился к 16% (黄群慧, 李芳芳等2020). Китай прошел путь индустриализации, на который развитым странам потребовались сотни лет, всего за несколько десятилетий. В конце 1949 г. уровень урбанизации населения составлял лишь 10,64%, к концу 1978 г. – 17,92%, а в 2023 г. достиг 66,16% (人口数据来源于国家统计局网站). Эти изменения действительно были колossalными, и китайский национальный вопрос полностью вышел за рамки исторического контекста «крестьянского вопроса».

Сегодняшний Китай, ставший индустриальным обществом, переживает глубокие изменения социальной структуры, затрагивающие в том числе национальности и национальные вопросы. До политики реформ и открытости китайская модернизация наиболее ярко проявлялась в политическом строительстве единого многонационального государства (суверенитет, гражданство, государственная система) и эпистемологической «десакрализации» (ориг. – 认识论的“脱魅”) (наука, рациональность). После реформ стали очевидны черты экономической «дезинтеграции» (ориг. – 脱嵌) (экономическая рациональность, меркантилизм) и «отрыва» (ориг. – 脱域) от пространственно-временных и человеческих контекстов (массовая миграция, рыночная экономика, специализация, индивидуализация, новые технологии коммуникации). Выдвижение на первый план экономической рациональности, трансформация семейной этики, утверждение индивидуализма – все эти изменения в общественной и частной сферах свидетельствуют об ослаблении связующей силы традиционных социальных и этических норм; такие явления, как «буддийский стиль жизни», «болезнь пустоты», «лежание пластом» и «инволюция» (ориг. – 佛系, 空心病, 躺平, 内卷), выражают все более сильное чувство бессмыслицности, что является типичным проявлением «отчуждения» человека и социальной «каномии». Национальные вопросы и национализм, укорененные в таком социальном контексте, также проявляют иной менталитет по сравнению с прежними обществами.

За национальными вопросами всегда скрываются более системные социальные проблемы. После утраты сдерживающей силы революционного и классового дискурсов все ресурсы идентичности – будь то традиционные этнические, религиозные и региональные формы самоидентификации, или новые идентификационные ресурсы, порожденные современными ценностями, эмоциями и социальными движениями (такими как сетевые сообщества, ЛГБТ, новые профессиональные

группы) – создают новые социальные границы и новые способы их поддержания, которые при определенных условиях трансформируются в ресурсы идентичности, основанные на этноцентристском сознании. Когда рыночная экономика направляет социальную структуру и представления по пути постепенной плуралитации, культурные различия между этническими группами начинают приобретать новую социальную значимость. Как конкуренция за ресурсы на рынке, так и инструментальное использование преференциальной политики в определенной степени могут усиливать конкурентоспособность через этническую идентичность, а узкий национализм становится движущей силой, превращающей индивидуальные и социальные проблемы в проблемы национальные.

Сущность современных этнических проблем заключается не только в воздействии исторических факторов, но и в элементах кризиса современного общества. Индустриализация, рыночная экономика, урбанизация и масштабная социальная мобильность оказывают огромное влияние на традиционные этнические сообщества и в совокупности приводят к отрыву этносов от территорий, ослаблению объективных и усилинию субъективных компонентов этническости и национализма. Интернет и коммерческие рынки становятся важнейшими каналами «объявления» этнических настроений, а культурная идентичность превращается в поле социальной конкуренции между этническими группами. Музыка, театр, кухня, платформы новых медиа, изначально служившие носителями этнической культуры, постепенно становятся пространственно-временными локациями для выражения этнической идентичности, что объективно может превращать их в инструменты распространения знаний и эмоций узкого национализма. Когда национализм становится субъективным социальным настроением, ресурсом идентичности и инструментом борьбы за ресурсы, этноцентризм с помощью сетевых информационных технологий транслирует социальные настроения через географические границы, искусственно создавая этническую напряженность, которая объективно может не существовать. Люди оказываются в пленах субъективных представлений об этнической идентичности, вплоть до утраты символического значения такой идентификации, которая изначально основывалась на объективных критериях классификации: самые радикальные узкие националисты не обязательно проживают в приграничных районах.

Производство этнологических знаний после начала политики реформ и открытости не смогло адекватно ответить на современные социальные изменения и трансформацию сущности национального вопроса. С 1990-х гг. в западной академической среде наблюдался всплеск исследований национальной политики Китая, включая работы Дру Глэдни о хуэйцах (Gladney 1991) и уйгурах (Gladney 2004), Стивена Харрелла (郝瑞) о народности и Кэтрин Кауп о чжуанах (Kaup 2000), Луизы (路易莎) о мяо, Ральфа Лицингера о яо (Litzinger 2000). Основная теоретическая линия этих исследований, с одной стороны, рассматривает китайскую национальную политику как «ассимиляцию» ханьцами всех неханьских народов (национальных меньшинств), а с другой – утверждает, что эта политика создает некоторые национальные меньшинства, которые «объективно не существовали». Эта логически противоречивая критическая риторика о китайской национальной политике скрывает за собой новую разновидность евроцентристского ориентализма, соче-

таясь с определенными «самоориенталистскими» представлениями в китайской академической среде.

В этом контексте ответные подходы китайской этнологии оказались в значительной степени ограничены двумя ценностными позициями – «замкнутости и слепого следования» (orig.– 封闭与盲从的倾向) (杨圣敏 2008: 327). Проявлением тенденции замкнутости является приверженность старой традиции «этнических исследований» последних десятилетий, самодостаточность и монологичность, усиление «исследований по отдельным национальностям», эссенциализация классификации 56 национальностей, отсутствие исследований ханьцев и китайской нации, использование старых концептуальных инструментов для маскировки теоретической слабости. Слепое следование проявляется в принятии западных теорий в качестве догмы, причем некоторые исследователи придерживаются неосознанной «самоориенталистской» позиции, например, механически применяя западные концепции, возводя мультикультурализм в абсолютный закон, а также усиливая «исследования по отдельным национальностям», размывая концепцию китайской нации и даже косвенно поддерживая западную критику Китая по национальному вопросу.

Нынешние трудности связаны с изменениями, произошедшими в самой дисциплине после ее восстановления. Во-первых, в исследовательском плане этнология стала синонимом изучения этнических меньшинств (особенно западных регионов), сосредоточившись на «традиционных обществах» и уделяя недостаточное внимание современным социальным явлениям. Во-вторых, внутри дисциплины постепенно сформировались три основных направления: история этнических групп, собственно этнология как вторичная дисциплина и марксистская теория национальной политики. Хотя эти направления «разделились», в теоретическом плане они сохранили общую инерцию: акцент на особенностях, различиях и досовременном характере этнических групп. В-третьих, что более важно, произошел отрыв дисциплинарной теории от социальной практики. Марксистская теория национальностей, пришедшая в Китай, изначально развивалась в контексте Европы XIX в. и Советской России начала XX в. При этом основное влияние на Китай оказала советская теория этноса в сталинской интерпретации, которая не соответствовала китайской социальной реальности и фактически не стала основной теоретической базой работы КПК в национальной политике. И тем более она не могла адекватно реагировать на социальную реальность Китая XXI в., где формы «национальности» постепенно эволюционировали в сторону «субъективизации» и «делокализации» (orig.– 主观化, 脱域化). В то же время западная антропологическая традиция, сосредоточенная на изучении культурных особенностей, различий и малых сообществ, игнорирует или даже противопоставляет себя целостному значению государства (как в концепции «Зомии» Дж. Скотта), будучи чрезмерно критичной к современности и недостаточно конструктивной, что также не соответствует потребностям решения проблем национальностей и национализма в процессе государственного строительства в китайском контексте. В результате после 1990-х гг. китайская этнология столкнулась с серьезными вызовами, а в некоторых крайних случаях само производство этнологических знаний стало средством создания, а не решения национальных проблем.

«Китайская основа – западное применение» в интеллектуальной традиции китайской этнологии

Принцип «китайской основы с западным применением» представляет собой ключевую характеристику интеллектуальной традиции китайской этнологии. С самого начала китайская этнология стремилась разрешить противоречие между многообразием имперской «Поднебесной» и идеалом «культурно-политического» единства национального государства. В 1926 г. Цай Юаньпэй в работе «Рассуждения об этнологии» впервые дал определение «этнологии», ссылаясь на классические тексты, такие как «Книга гор и морей» и «Исторические записки», чтобы проиллюстрировать многонациональный характер Китая. Хотя он соглашался, что «национальная культура прогрессирует со временем», он также считал, что подлинная ценность этнологии заключается в ее способности «устранять представления о превосходстве и неполноценности» (ориг. – 化去了优劣的差别见), и именно это может внести фундаментальный вклад в нравственное совершенствование общества (蔡元培 2014: 440–446). В том же 1926 г. У Вэньцзао отметил, что понятия «нация» и «государство» имеют для Китая иное значение, чем для Запада, утверждая, что «одна нация может создать одно государство, но не обязана это делать». Многонациональное государство при достаточно развитой цивилизованной жизни и духе сотрудничества превосходит мононациональное (吴文藻: 1990: 19–36). В 1939 г., после возвращения из Великобритании, Фэй Сяотун, ознакомившись со статьей Гу Цзегана «Китайская нация едина», написал ему письмо, выражая свое несогласие: согласно западному определению «нации», в Китае существует не только пять основных национальностей, но и множество малочисленных народов (顾颉刚 2010: 94–106). Эти дебаты отражали не только противоречие между этническим многообразием и политическим единством, но и несоответствие между западными академическими концепциями и китайским опытом.

Позже, на симпозиуме, посвященном столетию со дня рождения Гу Цзегана, Фэй Сяотун выразил понимание позиции Гу Цзегана и собственную точку зрения: «Понятие нации принадлежит к исторической категории. Сущность китайской нации определяется долгой историей Китая, и, если механически применять западные концепции нации, во многих аспектах невозможно достичь последовательности. Господин Гу в своих исторических исследованиях уже столкнулся с этой трудностью» (费孝通 1993: 6). Выдвинутая Фэй Сяотуном в 1988 г. теория «единства китайской нации в многообразии» (“中华民族多元一体”) сильно окрашена идеей «единства китайской нации», что несопоставимо с его ранними, более западными взглядами на нацию (费孝通 1989). Идейная трансформация Фэй Сяотуна олицетворяет развитие китайской этнологии.

С точки зрения логики познания китайская этнология обладает сильным историографическим геном. Возникшая в начале XX в. на фоне модернизации академической сферы, где доминировала «новая историография», этнология унаследовала глубокие исторические корни. Когда традиционный порядок «Поднебесной» уступил место новой системе национального государства и западной концепции этнологии, национальный вопрос стал эндогенной переменной в процессе модернизации китайского государства. Фактически влияние традиций китайской цивилизации на китайскую этнологию вездесуще. Сыма Цянь, впитав воззрения на досовременные народы, сложившиеся в эпохи доциньского и цинь-ханьского пе-

риодов, выразил свою философско-историческую идею «исследования взаимосвязи неба и человека» в форме «исторических описаний народов», заложив тем самым историографическую традицию составления этнической истории. Поэтому в процессе последующего становления китайской этнологии как дисциплины этническая история содержала наибольшее количество собственно китайских элементов – гораздо больше, чем позднейшие марксистская теория национальностей или западная антропологическая этнология.

В теоретическом плане китайская этнология находилась под влиянием трех основных течений мысли (思想流派): конфликтологического (марксизм-ленинизм), консенсусного (еволюционизм и функционализм) и китайской историографической традиции (история и география пограничных районов). Давление необходимости спасения нации стало первичным импульсом локализации этнологии в Китае – с самого начала проникновения западной этнологии китайские ученые размышляли о том, как ее «локализовать», чтобы противостоять двойному давлению – государственного строительства и кризиса самой современности. Ранние этнографы были больше всего озабочены интеграцией различных теоретических направлений западной этнологии и антропологии в инструмент познания для преобразования китайского общества. Как вспоминал Линь Яохуа, в международной и внутренней атмосфере того времени (1928) многие молодые люди ставили своей целью изучение социальных проблем Китая и поиск «коренных причин», приведших к его слабости и бедности (林耀华 2011: 12). В 1947 г. У Вэнъцзао выдвинул идею «китаизации социологии», считая, что только укоренение социологии в китайской почве и синтез теории с фактами могут привести к ее полной китаизации (林耀华 1947: 1–5). Таким образом, парадигма «интериоризации исследования чужой культуры» (orig. – 异文化研究内部化) стала ядром «локализации» этнологии в Китае, где исследования этнических культур развились в «изучение пограничной политики», а исследования ханьских сообществ – в изучение сельского строительства и социальных реформ, став закономерными плодами такой локализованной этнологии. После образования КНР связь этнологии с государственным строительством стала еще теснее – работы по идентификации национальностей, исследования социальной истории меньшинств и изучение «четырех модернизаций» в национальных районах обеспечили мощную интеллектуальную поддержку реализации национальной политики нового Китая. Из-за общей проблемы «локализации» старшее поколение этнологов никогда не проводило четких границ между этнологией, антропологией и социологией – лишь после восстановления дисциплины между ними начали делать более четкие разграничения.

Подводя итог, можно сказать, что проникновение западной этнологии в Китай в начале XX в. неизбежно несло в себе определенный ориенталистский оттенок, представляя собой экспансию западноцентричной логики власти в сфере знаний, науки и дискурса. В ранних этнологических теориях и методах этот ориентализм содержал как европейские, так и американские гены, включая также российское и японское интеллектуальное влияние. Первые китайские этнологические исследования зародились в полевых исследованиях зарубежных ученых и академической практике китайских этнологов, обучавшихся на Западе, испытывая сильное западное влияние как в теории, так и в методах – некоторые результаты исследований в определенной степени отражали западные общества благодаря использованию китайских материалов в сочетании с западными теориями. После образования КНР различные школы этнологии периода Китайской республики

были преобразованы в марксистскую этнологию, что ознаменовало важный поворот в дисциплине. В условиях идеологического господства классовой теории этнология стала инструментом познания для решения унаследованных от Синьхайской революции противоречий между национальными районами и общегосударственным единством, сыграв в этом активную роль.

С начала политики реформ и открытости становление современности на китайской земле и последовательное появление связанных с ней кризисов стали неотъемлемой частью социальных проблем современного Китая. Перед лицом этой новой ситуации простое заимствование «применения» (теоретических методов и результатов эмпирических исследований) самых передовых достижений международной этнологии и антропологии не может полностью решить проблемы – ключевым становится дальнейшее создание и сохранение «китайской основы» этнологии. Это, конечно, не означает, что китайской этнологии следует отказаться от изучения Запада и активного диалога с западными теориями, но подразумевает создание новых теорий на основе эмпирических фактов китайской практики, что и является подлинным воплощением культурной суверенности. После окончания холодной войны противоречия человеческого общества в основном проявляются как конфликты между цивилизациями и культурами. Фокус этнологических исследований – это культура, а не экономическая база, не борьба за интересы и ресурсы. Именно такие культурные исследования и их кросс-культурная перспектива являются эффективным инструментом для противостояния современности и ее кризисам, и только на этой основе можно создать автономную китайскую систему знаний, обеспечив будущее этнологии как дисциплины.

С момента «распространения западных знаний на Восток» поколения китайских ученых стремились построить культурную субъектность Китая (ориг. – 中国文化主体性). В нынешнем контексте продолжающегося доминирования западной интеллектуальной гегемонии и давления академического дискурса перед китайской этнологией стоит вопрос: каким образом реализовать принцип «китайской основы с западным применением», чтобы дать достойный академический ответ с китайской позиции на различные стигматизированные дискурсы Запада? Именно это составляет ядро построения автономной системы этнологических знаний Китая.

Создание независимой китайской системы этнографических знаний

Генеральный секретарь Си Цзиньпин проницательно заметил: «Необходимо, опираясь на многовековую историю китайской нации, сочетать марксистскую теорию национальностей с конкретными реалиями Китая и превосходной традиционной культурой страны и, следуя исторической и теоретической логике развития китайской нации, научно раскрывать принципы, теоретические основы и философское содержание формирования и развития китайской нации. Следует оптимизировать структуру дисциплины, укреплять ее развитие, точно определять направления исследований, углублять исследования по основным фундаментальным вопросам общности китайской нации, ускорять формирование собственных исторических, дискурсивных и теоретических систем общности китайской нации». Главной линией, направленной на укрепление сознания общности китайской нации, является

фундаментальное руководство по оптимизации и корректировке этнологической дисциплины в новую эпоху.

Установление в новом Китае социалистических межнациональных отношений, основанных на равенстве и сплоченности, а также реализация системы региональной национальной автономии ознаменовали важное явление: Коммунистическая партия Китая превзошла как европейский национализм, так и ленинскую теорию национального самоопределения в советской социалистической революции. Этот прорыв стал результатом сочетания основных принципов марксизма с конкретными реалиями Китая и традиционной культурой Китая, обозначив глубокое теоретическое значение, которое китайская модель модернизации проявляет в сфере национальной работы.

В условиях модернизации современная этнология должна обсуждать, как переосмыслить нацию в период социальных перемен. Этнологии следуют расширить кругозор для рефлексии и решения различных проблем, порожденных модернизацией, таких как государственное строительство, историческое сознание, социальные движения (этнические и религиозные), духовный кризис современности и многие другие актуальные вопросы. С внешней точки зрения современный мир все больше напоминает «самоисполняющееся пророчество» (ориг. – 自我实现的预言) теории столкновения цивилизаций, и это во многом связано с западной современностью и ее кризисами. Претензия на универсальность заложена в духе (ориг. – 精神气质) современности, три основные категории современных знаний (гуманитарные, естественные и специальные науки) различными способами поддерживают веру в универсальность (Wallerstein 1997). После окончания холодной войны Фукуяма оптимистично провозгласил наступление «конца истории» (Fukuyama 2014). Однако именно в этот момент поднялась волна политики идентичности, непрерывно формируя новые социальные границы. Радикальный исламизм, американо-китайское соперничество, российско-украинский конфликт – все эти явления свидетельствуют о расколе глобальных ценностей, что, по всей видимости, подтверждает вывод С. Хантингтона о том, что границы цивилизаций становятся источником мировых конфликтов (Huntington 1998). Тем не менее мы должны видеть, что за теорией столкновения цивилизаций стоит «тень монотеизма» западной цивилизации: сочетание современного субъективизма, включающего концепции индивидуализма, равенства и прав человека, с христианскойteleologической историей (Zhao, Pichon 2019: 46).

Тупик монотеизма заключается в создании абсолютного раскола между «единым богом» и всем, что вне его, причем националистический эгоцентризм – типичное проявление этого раскола. В перспективе модернистской теории националистический примордиализм и конструктивизм противостоят друг другу: примордиалисты, придерживаясь дарвиновской эволюционной точки зрения, считают, что нации развивались с древних времен и поэтому нуждаются в исторической «основе» (ориг. – 因而需要肚脐), тогда как конструктивисты доказывают, что нации созданы «богом» современности (и поэтому не нуждаются в «основе»). На эмпирическом уровне этот спор заведомо бесплоден и в итоге сводится к вопросу, сделал ли Бог Адаму пупок при сотворении (Carvalho, Gemenne 2009). Релятивизм, казалось бы, может усилить доверие к культуре незападного мира, но, как задавал вопрос Э. Гелнер, «может ли в одном мире существовать разная правда?» Ответ Гелнера отрицателен: абсолютный релятивизм просто использует логику монотеизма для создания незападного бога (Gellner 1982: 200).

Будущий мир нуждается в транскультурной (*trans-culture*) перспективе. Люди эпохи глобализации уже образуют «сообщество единой судьбы человечества»⁵, и только преодолев ограниченность собственной культуры и осуществив взаимное обучение цивилизаций, можно достичь взаимовыгодного сотрудничества. Транскультурность означает выход за пределы собственного «культурного водоема» (文化池塘) и контакт с «водоемами» иных культур, в процессе которого происходит интериоризация внешней культуры и реконструкция собственной. Это отличается от внешней, объективистской позиции – это скорее «транс-установка», поглощающая и синтезирующая различные культуры (Zhao, Pichon 2019: 3–4). Философская логика транскультурности – это транссубъективность (*trans-subjectivity*). Описанное Латуром дело современности (ориг. – 现代性事业) – механизмы перевода (разделение субъекта и объекта) и очищения (разделение человеческого и нечеловеческого) – как раз и есть средства формирования современной субъективности (Latour 2010). Интерсубъективность предшествует субъективности, а транссубъективность означает преодоление границ своего «я» и встречу с «другим», через которую происходит вхождение в «мир общих возможностей» (ориг. – 共可能世界) универсальной истины (Zhao, Pichon 2019: 7–26). В условиях высокой развитости современных механизмов временно-пространственной «делокализации» (ориг. – 脱域) – монетизации, экспертных систем, информатизации – феномен «транскультурности» стал глобальной реальностью, что порождает все более насыщную потребность в этнологическом знании с транскультурной перспективой.

С внутренней точки зрения с 1990-х гг. проблемы национальных окраин и новые социальные вопросы привели к резкому обострению противоречий. Это поставило перед этнологией новые задачи – как интерпретировать эти новые острые проблемы китайского общества и предложить пути их решения. В результате исследовательская деятельность в этнологических кругах все больше смешалась в сторону изучения национальных и социальных проблем Китая. Исследовательскую практику и цели все большего числа ученых, занимающихся полевыми исследованиями и изучением реального китайского общества, можно примерно разделить на три типа. Первый тип – исследования, продолжающие применять западные этнологические и антропологические теории, особенно современные западные антропологические идеи. Хотя эти исследователи также стали глубже изучать реальное китайское общество, их цель – использовать эти кейсы для диалога с западными теориями. Это можно назвать теоретически западно-ориентированной моделью исследований (ориг. – 西方理论导向的研究类型). Второй тип – использование теоретических инструментов западной этнологии и антропологии для объяснения и решения проблем реального китайского общества, особенно национальных вопросов. Такой тип исследований можно назвать проблемно-ориентированным (ориг. – 问题导向的研究). Третий тип – исследования, направленные на объяснение и решение проблем реального китайского общества, особенно вопросов окраин и национальностей, но при этом с опорой на западные теории. Они больше ориентированы на поиск и создание новых теорий и методов, объясняющих и решаютих проблемы Китая. Это также проблемно-ориентированные исследования, но их авторы не только стремятся объяснить и способствовать решению современ-

⁵ Основная концепция лидера современного Китая Си Цзиньпина в вопросах международных отношений (прим. пер.).

ных социальных проблем Китая, но и надеются создать новые теории и методы, более подходящие для китайского общества, поэтому этот тип наиболее соответствует цели построения автономной системы этнологических знаний Китая⁶.

С точки зрения эпистемологических характеристик этнологии как научной дисциплины китайская этнология представляет собой область с долгой историей аккумулирования локализованных академических знаний. Опираясь на принципы научно-эмпирических исследований, она использует богатый набор теоретических и методологических инструментов для анализа этнических феноменов в современном обществе. Этнологическая теория – это не философия, она может возникнуть только из практики, а ключ к созданию автономной системы этнологических знаний Китая и прорыву в теоретических инновациях лежит в полевых исследованиях. Цель полевой работы этнологических исследований одновременно включает в себя как теоретическую, так и проблемную ориентацию, которые взаимно дополняют друг друга. Однако, с учетом текущего состояния развития китайской этнологии и реальных условий страны, важнее проводить проблемно-ориентированные исследования. То есть, только исходя в большей степени из проблемно-ориентированного подхода и обнаруживая, обобщая закономерности в эмпирических фактах, можно создать новую теоретическую парадигму и сформировать автономную систему знаний и теоретический дискурс Китая, способствующие решению современных национальных проблем.

Политический опыт Коммунистической партии Китая в решении национальных вопросов обладает высокой исторической обоснованностью. Фактически национальные проблемы сами по себе связаны с более широким кругом социальных вопросов, и в этом смысле отдельные корректировки национальной политики не могут решить национальный вопрос. Успех КПК в решении национального вопроса заключается не только в самой национальной политике, но и в грандиозной силе целостного проекта социалистического революционного строительства (ориг. – 整体性的社会主义革命与建设工程). Национальные проблемы – лишь одна из его деталей.

Управление внутренним разнообразием – задача, с которой сталкивается каждое единое многонациональное государство, причем глобализация сделала этот процесс еще сложнее, чем прежде, а ситуация постоянно продолжает меняться. Провал практики мультикультурализма на Западе показал, что простое признание и защита разнообразия не решают национальных проблем – напротив, такая умиrottворяющая национальная политика привела к росту религиозных экстремистских движений и обострению межэтнических конфликтов. Социальные условия и интеллектуальный контекст Китая определяют, что китайская этнология не может следовать за западной, поскольку различаются социальные условия, проблемное поле и государственная система.

Китайская система этнологических знаний объединяет традиции китайской цивилизации, порядок «великого единства» и современный опыт управления разнообразием. По мере индустриализации Китая традиционное этнологическое понимание «национальной» общности постепенно размывается под воздействием рыночных отношений, индустриализации и урбанизации. Только глубокое понимание современных трансформаций китайского общества позволяет точно иден-

⁶ Лекция профессора Ян Шэнминя (杨圣敏), неопубликованная.

тифицировать и решать национальные проблемы в процессе государственного строительства. Традиционная этнология, в силу своей методологической ориентации на изучение малых сообществ и досовременных культур, не может в полной мере объяснить специфики общности китайской нации своими накопленными знаниями, полученными в рамках изолированных исследований отдельных этносов. В условиях новой эпохи дисциплине предстоит совершить эпистемологический прорыв: интегрировать в исследовательскую парадигму категории современности, государственности и цивилизационной перспективы китайской нации.

В современном мире, где происходит столкновение цивилизаций и раскол ценностей, традиционные китайские концепции «в Поднебесной нет чужих» (ориг. – 天下无外), «единство неба и человека» и «гуманность» предлагают наилучший способ выхода из тупика монотеистического мышления. В этом смысле возвращение современности в исследования национальностей требует не только межкультурного подхода для углубления взаимопонимания между народами, но и изучения способов взаимопонимания между различными цивилизациями, включая западную и незападные. Возьмем для примера религиоведческие исследования в этнологии: с текущих дисциплинарных позиций они включают три основных подхода – этнологический, культурно-антропологический и религиоведческий. Хотя между ними есть пересечения, этнология и культурная антропология больше сосредоточены на связи религии и этноса, тогда как религиоведение изучает религию преимущественно как культурный феномен, уделяя больше внимания ее истории и доктринаам. Несмотря на обильные количественные показатели благодаря междисциплинарности, качество исследований не всегда удовлетворительно. Значительная часть работ по-прежнему упрощенно трактует религию как признак социальной и культурной отсталости либо признает религиями только христианство, ислам, буддизм и даосизм, относя другие народные верования к суевериям. При этом больше внимания уделяется религиозным верованиям как культурному феномену, тогда как исследования религии как социальной и даже политической организации, особенно основанные на эмпирических данных, остаются недостаточными – например, мало изучены экономические модели функционирования религиозных организаций, хотя именно этот аспект часто становится источником специфических проблем.

В этом смысле китайская этнология новой эпохи сталкивается со сменой парадигмы знания (ориг. – 知识范式转换), ключевая задача которой заключается в углубленном изучении практического опыта китайского общества, формировании на этой основе автономной китайской системы теоретической интерпретации и участия в международном производстве этнологических знаний. Миссия этнологии в новую эпоху – служить построению сообщества китайской нации и сообщества единой судьбы человечества, содействовать внутренним и внешним стратегическим приоритетам, а также продвигать новые формы цивилизационного развития и безопасности. Оптимизация и корректировка дисциплины непосредственно обусловлены задачами строительства двух «сообществ», а также тесно связаны с обострением национальных проблем в глобальном масштабе и совершенно новыми вызовами, с которыми Китай сталкивается внутри и вовне. В условиях этой новой политической установки строительство этнологической дисциплины требует четкого самоопределения в рамках гуманитарных и социальных наук, достижения всесторонних инноваций в проблематике, методологии, подготовке кадров и других аспектах, чтобы сформировать автономную китайскую систему академического знания.

Заключение: этнология и строительство сообщества китайской нации

Генеральный секретарь Си Цзиньпин отметил: «Коммунистическая партия Китая всегда придавала первостепенное значение работе с национальными вопросами. На протяжении более ста лет мы последовательно сочетали марксистскую теорию национальностей с конкретной практикой решения этнических проблем в Китае и выдающимися традициями китайской культуры, творчески проложив верный путь решения национального вопроса с китайской спецификой. На этом пути партия сплотила и повела за собой народы всей страны к достижению национальной независимости и освобождению народа, создала новую ситуацию для развития отношений равенства, сплоченности, взаимопомощи и гармонии между всеми этническими группами, способствовала беспрецедентному прогрессу в экономическом и социальном развитии национальных районов и улучшении жизни представителей меньшинств. Произошли грандиозные исторические преобразования в облике китайских этнических меньшинств, в состоянии национальных регионов, в характере межнациональных отношений и в образе китайской нации в целом».

При построении автономной системы этнологических знаний Китая необходимо руководствоваться «двумя сочетаниями» (两个结合), особенно вторым. Необходимо раскрывать современную ценность выдающейся традиционной китайской культуры, черпать интеллектуальную пищу из тысячелетних традиций китайской цивилизации; проводить систематическое переосмысление западных этнологических теорий, их переоценку и систематизацию; активно развивать проблемно-ориентированные эмпирические исследования, изучать актуальные национальные вопросы Китая и мира, обобщать теорию из современной социальной практики Китая; придерживаться полевых исследований как основного метода этнологии.

Китайская цивилизация обладает богатой почвой этнологических знаний и опытом управления разнообразием. Для точного понимания и осмыслиения исторической логики и современной реальности Китая как единого многонационального государства необходимо исходить из позиции локализации этнологических знаний – как в постановке исследовательских целей, так и в выборе объектов изучения. Важно, прежде всего, опираться на местную почву, наследовать превосходные традиции китайской культуры, такие как «Поднебесная – одна семья» (ориг. – 天下一家) и «обучение без различий» (ориг. – 有教无类), а также применять успешный опыт национального управления нового Китая. Важно непрерывно углублять понимание истории и современности сообщества китайской нации, обеспечивать интеллектуальную поддержку модернизации страны и управлению национальными делами, а также разработку и реализацию соответствующих важных политических курсов. Автономная система этнологических знаний, одновременно с ростом комплексной национальной мощи и международного статуса Китая, должна выходить на мировую арену, в процессе международного взаимодействия, диалога и интеграции знаний преодолевать границы государств, обществ и культур, и таким образом вносить вклад в формирование новой формы человеческой цивилизации, которая характеризуется общностью человеческой судьбы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

安德森·本尼迪克特.《想象的共同体:民族主义的起源与散布》,吴叡人译,上海人民出版社 2005年版;

博德利·约翰.《发展的受害者》,何小荣等译,北京大学出版社 2011 年版。

蔡元培.《中国近代思想家文库·蔡元培卷》,欧阳哲生编,中国人民大学出版社 2014 年版。

费孝通.《顾颉刚先生百年祭》 // 读书.1993.年第 11 期。

费孝通.《关于民族问题的讨论》 // 益世报·边疆(周刊).1939 年第.19 期。

费孝通.《中华民族的多元一体格局》 // 北京大学学报(哲学社会科学版).1989 第.4 期。

费孝通.《江村经济:中国农民的生活》,商务印书馆 2001 年版,第 14—15 页。

费正清.《中国:传统与变迁》,张沛译,世界知识出版社 2002 年版。

福山·弗朗西斯.《历史的终结与最后之人》,陈高华译,孟凡礼校,广西师范大学出版社 2014 年版。

盖尔纳·欧内斯特.《民族与民族主义》,韩红译,上海人民出版社 2021 年版。

耿云志编.《中国近代思想家文库·胡适卷》,中国人民大学出版社 2015 年版。

顾颉刚.《顾颉刚全集·宝树园文存(第四卷)》,中华书局 2010 年版。

亨廷顿·塞缪尔.《文明的冲突与世界秩序的重建》,周琪等译,新华出版社 1998 年版。

黄群慧、李芳芳等.《中国工业化进程报告:1995—2020 (工业化蓝皮书)》,社会科学文献出版社 2020 年版。

黄濬.《花随人圣庵摭忆》,李吉奎整理,中华书局 2013 年版。

吉登斯·安东尼,萨顿·菲利普.《社会学(7 版)》,赵旭东等译,北京大学出版社 2015 年版。

蒋中正.《中国之命运(增订版)》,正中书局 1946 年版。

拉图尔·布鲁诺.《我们从未现代过:对称性人类学论集》,刘鹏、安涅思译,苏州大学出版社 2010 年版。

李维汉.《统一战线问题与民族问题》,中共党史出版社 2016 年版。

李约瑟.《文明的滴定:东西方的科学与社会》,张卜天译,商务印书馆 2016.

列文森.《儒教中国及其现代命运》,郑大华、张菁译,广西师范大学出版社 2009 年版。

林耀华.《凉山彝家》,上海商务印书馆 1947 年版。

林耀华.《林耀华自传:在大学与田野间》,北京大学出版社 2011 年版。

罗志田.《传教士与近代中西文化竞争》 // 历史研究.1996.第 6 期,pp. 77—94.

罗志田.《西方的分裂:国际风云与五四前后中国思想的演变》 // 中国社会科学. 1999 . 3 期, pp. 20—35 页。

罗志田.《裂变中的传承: 20 世纪前期的中国文化与学术》,中华书局 2003 年版。

马克思.《1844 年经济学哲学手稿(3 版)》,中共中央马克思恩格斯列宁斯大林著作编译局译,人民出版社 2000 年版。

马克思.《资本论·第三卷(2 版)》,中共中央马克思恩格斯列宁斯大林著作编译局译,人民出版社 2004 年版。

毛泽东.《毛泽东选集·第二卷(2 版)》,人民出版社 1991 年版。

毛泽东.《毛泽东选集·第四卷(2 版)》,人民出版社 1991 年版。

南希·让-吕克.《无用的共通体》,郭建玲等译,河南大学出版社 2016 年版。

人口数据来源于国家统计局网站.
URL: <https://data.stats.gov.cn/search.htm?s=%E4%BA%BA%E5%8F%A3> (дата обращения: 30.12.2024).

孙中山.《三民主义》,九州出版社 2011 年版。

王汎森.《传统的非传统性:章太炎思想中的几个面相》,见王汎森:《章太炎的思想:兼论其对儒学思想的冲击》,上海人民出版社 2018 年版。

王汎森.《中国近代思想与学术的系谱(增订版)》,上海三联书店 2018 年版,

沃勒斯坦等.《开放社会科学:重建社会科学报告书》,刘锋译,生活·读书·新知三联书店 1997 年版。

吴文藻.《人类学社会学研究文集》,民族出版社 1990 年版。

杨圣敏主编.《中国高校哲学社会科学发展报告(1978-2008)·民族学》,广西师范大学出版社 2008 年版.

章太炎.《章太炎的白话文(2 版)》,陈平原选编,贵州教育出版社 2014 年版,第 60 页。

赵汀阳,乐比·雄阿兰.《一神论的影子:哲学家与人类学家的通信》,王惠民译,中信出版社 2019 年版。

Carvalho S, Gemenne F. Nations and Their Histories: Constructions and Representations. Palgrave Macmillan, 2009.

Gellner E. "Relativism and universals", In Martin Hollis and Steven Lukes (eds.). Rationality and Relativism. Oxford: Basil Blackwell, 1982.

Gellner E. Nationalism. London: Weidenfeld & Nicolson, 1997, pp. 37-49.

Gladney D. Dislocating China: Reflections on Muslims, Minorities, and Other Subaltern Subjects. Chicago: The University of Chicago Press, 2004.

Gladney D. Muslim Chinese: Ethnic Nationalism in the People's Republic of China. Cambridge: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1991.

Kaup K-P. Creating the Zhuang: Ethnic Politics in China. Colorado and London: Lynne Rienner Publishers, Inc, 2000.

Kohn H. The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background. New York: Macmillan, 1944.

Litzinger R. Other Chinas: The Yao and the Politics of National Belonging. Durham & London: Duke University Press, 2000.

E. A. Marushiakova, B. Popov

Институт этнологии и социальной антропологии
Словацкой академии наук (г. Братислава, Словакия)

СЕРВИСНЫЙ НОМАДИЗМ ЦЫГАН В ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ЮГО-ВОСТОЧНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Цыгане и их специфический кочевой образ жизни на протяжении столетий привлекали внимание научных кругов и общественности. Для описания этого особого мобильного уклада наиболее подходящим термином является «сервисный номадизм» (или «обслуживающее кочевничество»), что соответствует английскому выражению “service nomadism”. Этот термин, введенный Робертом Хейденом, обозначает кочевой образ жизни, основанный на предоставлении различных товаров и услуг как сельскому, так и городскому населению (Marushiakova & Popov 2002; Черных 2018, 2019; Smirnova-Seslavinskaya 2021). Одна из ключевых характеристик обслуживающего кочевничества – постоянное переплетение кочевого и оседлого укладов, а также полная зависимость кочевников от ресурсов оседлого населения, которое покупает их продукцию и потребляет ими предлагаемые услуги. Общины регулярно меняют место своего проживания, при этом наличие и доступность ресурсов определяют мобильность, масштабы и направления передвижения обслуживающих кочевников (Hayden 1979).

Классическая мобильность обслуживающих кочевников выражается в постоянных циклических перемещениях, чаще всего в составе семейно-родственных групп. Они стремятся находить экономические ниши, позволяющие им заниматься своими традиционными или адаптированными ремеслами и промыслами, предлагая свои услуги окружающему населению. В условиях любой угрозы или нехватки ресурсов общины сервисных кочевников вынуждены менять место жительства, что еще раз подчеркивает ключевую роль этих обстоятельств в определении мобильности цыган – как внутри одного региона, так и при дальних миграциях.

Есть одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое необходимо учитывать при обсуждении кочевого образа жизни цыган. С самого начала академического изучения этой темы кочевничество рассматривалось как имманентная и ключевая характеристика, определяющая цыган как сообщество и формирующая их идентичность. Более того, в англоязычном мире – в том числе в научных исследованиях – термин ‘цыгане’ (Gypsies) нередко используется для обозначения различных сообществ обслуживающих кочевников, независимо от их этнического происхождения (Hancock 2010: 95–96). В некоторых случаях это

приводит к расширенному употреблению названия, включающему, например, даже так называемых ‘морских цыган’ Юго-Восточной Азии (White 1922; Ivanoff 1997). В связи с этим нередко можно встретить мнение, что уникальность цыган связана с их статусом ‘вечных кочевников’ и отсутствием привязанности к земле, на которой они живут, как в духовном, так и в экономическом смысле (Bíró 2013). Цыган часто называют также ‘народом без родины’ (Stewart 1991), ‘гражданами мира и нигде’ (Acton & Gheorghe 2001), или в духе популярных в последние годы идей Джеймса Скотта (Scott 2009): их представляют как народ, освоивший ‘искусство быть неуправляемым’, то есть стоящий (или, по крайней мере, пытающийся стоять) вне общества и не подчиняющийся его нормам и правилам. В то же время существование постоянно оседлых цыганских общин долгое время либо полностью игнорировалось, либо объяснялось исключительно результатом принудительных мер властей, направленных на переход кочевников к оседлому образу жизни. Этот переход, в свою очередь, однозначно осуждался как нарушение прав человека и злонамеренное разрушение древних культурных традиций цыган.

Однако соответствуют ли романтические стереотипы о цыганах и их кочевом образе жизни исторической действительности? Или же картина оказывается гораздо более сложной и многогранной? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо кратко рассмотреть кочевой образ жизни цыган в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе в историческом и современном контексте – то есть в том виде, в каком он существовал с момента их прибытия в Европу в Средние века и каким он остался до наших дней.

Отправной точкой нашего анализа является тот факт, что цыгане никогда не были герметично изолированной и самодостаточной социокультурной системой. Будучи в качестве обслуживающих кочевников или оседлого народа, они всегда напрямую зависели от ресурсов окружающего общества, оставаясь его неотъемлемой, хотя и этнически обособленной, частью (Marushiaikova & Popov 2016). Поэтому их образ жизни следует анализировать в контексте социально-экономических и политических реалий, в которых они жили в прошлом и продолжают существовать сегодня.

Цыгане-кочевники в Средние века и эпоху Просвещения

Категорично определить изначальный образ жизни предков современных цыган на их исторической родине – полуострове Индостан – до их прибытия в Европу невозможно. Считается, что кочевой уклад играл важную роль в культуре ‘прото-ромов’ (Смирнова-Сеславинская 2008), однако имеющиеся исторические сведения на этот счет отрывочны и неоднозначны, а их интерпретация противоречива, что затрудняет формулирование окончательных выводов.

Не углубляясь в исторические детали, можно отметить, что византийские источники, начиная с XI в., использовали термин ‘Αθίγανοι/Ацигани’ (изначально обозначавший религиозную секту) для обозначения предков современных цыган (Soulis 1961). Некоторые исследователи предполагают, что поселившиеся в IX в. во Фракии ‘Ацигани’ были предками цыган (Rochow 1983; Rochow & Matschke 1991). Из этих источников неясно, вели ли цыгане в тот период оседлый или кочевой образ жизни. Однако уже в документах XIV–XV вв., относящихся к венецианским владениям на Балканах, это различие становится очевидным и хорошо прослеживается. В описании острова Крит 1322 года упоминаются «потомки Хама», кото-

рые жили в шатрах, кочевали и не оставались на одном месте более 30 дней (по всей вероятности, речь идет о цыганах-кочевниках). Вместе с тем, согласно другим источникам, которые значительно преобладают, большинство цыган вели оседлый образ жизни: они строили хижины у стен крепостей на Пелопоннесе, занимались кузнечным ремеслом и пользовались налоговыми льготами. Цыгане, занимавшиеся различными ремеслами, также проживали оседло в Дубровнике (1362), Загребе (1373–1378) и Любляне (1387–1397). На острове Корфу было создано особое поместье (*feudum acinganorum*), где они успешно вели кузнечное дело и сельское хозяйство. Управляя этим поместьем их «барон», что свидетельствует о наличии у цыган определенной степени внутреннего самоуправления (Gilsenbach 1994; Kenrick 2007).

С XIV в. на Балканах в Османской империи цыгане, упоминаемые в административных документах как «кыпти» (то есть копты, египтяне) и «чингене», уже занимали свое определенное место в обществе. Они представляли собой этническую категорию, не определяемую ни религией, ни образом жизни – оседлым или кочевым. Вопреки распространенному мнению, в отличие от своих сородичей в Западной Европе, цыгане в Османской империи не находились «на обочине общества» и даже не занимали его низшие ступени. Более того, некоторые из них, особенно мусульмане, имели более высокий социальный статус, чем покоренное местное население. По крайней мере, теоретически, а иногда и на практике, они пользовались определенными налоговыми преференциями. Что еще более удивительно, оседлые цыгане на протяжении всей истории Османской империи значительно превосходили по численности своих кочевых соплеменников.

Уже в первом упоминании о цыганах в Османской империи, датируемом 1430 годом – в налоговом реестре Никопольского санджака (территориально-административная единица) – из 431 зарегистрированных домохозяйств 3,5% составляли цыгане. Они проживали в разных деревнях и занимались земледелием. Цыгане также упоминаются во многих других налоговых реестрах того времени. Наиболее полные сведения содержатся в поименном реестре цыган, проживавших в провинции Румелия (охватывавшей почти весь Балканский полуостров) за 1522–1523 гг. В нем указаны 10 294 христианских и 4 203 мусульманских цыганских домохозяйства. Кроме того, в так называемом Цыганском санджаке (нетерриториальной административной единице, объединявшей цыган, исполнявших определенные воинские обязанности) зарегистрированы еще 2 694 мусульманских домохозяйства. Подавляющее большинство налоговых единиц, известных как джамааты (группы из нескольких семей), состояло из оседлых цыган; лишь 11 джамаатов считались кочевыми. Среди зарегистрированных профессий, помимо музыкантов (самая распространенная профессия), числилось несколько десятков ремесел, большинство из которых явно предполагали оседлый образ жизни. Вероятно, некоторые из этих цыган вели полукочевой образ жизни, совершая кратковременные поездки на небольшие расстояния для сбыта ремесленной продукции. Однако это не отменяет общего вывода: на протяжении всего существования Османской империи на Балканах оседлые цыгане значительно преобладали над кочевыми (Marushikova & Popov 2001).

В Османской империи оседлые цыгане, проживавшие в городах, зарабатывали на жизнь в основном неквалифицированным трудом, различными ремеслами, а также создавали собственные этнически обособленные профессиональные

гильдии – так называемые эснафы. Первые такие цыганские гильдии были зарегистрированы в XVII в. в Стамбуле, а со временем их география расширялась. Наибольшего расцвета они достигли в XIX в., когда во многих балканских городах цыгане уже имели свои эснафы со своим собственным самоуправлением, ежегодными праздниками и флагами (Marushiaakova & Popov 2016). Цыгане, жили также в деревнях и зарабатывали на жизнь сельскохозяйственным трудом. Первое сельское поселение, населенное исключительно цыганами, – Дабижив – было зарегистрировано в XV в. близ Софии. В XVIII–XIX вв. существовали целые деревни, населенные только оседлыми цыганами (Marushiaakova & Popov 2001). Кочевой образ жизни в Османской империи не был запрещен; существовало лишь обязательное требование, согласно которому все подданные должны были иметь место жительства для целей налогообложения. Однако на протяжении многих лет это требование не всегда соблюдалось, особенно в XVIII–XIX вв., когда империя переживала период постоянного кризиса. Тем не менее основные принципы налогообложения и относительно небольшая численность кочевников оставались неизменными.

Модель кочевания цыган в Османской империи была напрямую связана с требованиями налогового резидентства. В теплое время года они кочевали, а зимой останавливались в деревнях, где власти их регистрировали. Обычно цыгане не имели собственного жилья и жили в арендованных помещениях. Хотя их зимние поселения могли меняться, в большинстве случаев цыгане предпочитали оставаться в определенных регионах, где уже были наложены хорошие контакты с местным населением. Таким образом, вся территория империи была разделена на зоны кочевых цыганских единиц, объединенных по родовому признаку (как правило, состоящих из нескольких расширенных родственных семей). Такая модель кочевого образа жизни оказалась устойчивой и сохранялась на протяжении столетий. В определенных обстоятельствах – во время войн, экономических кризисов и т. д. – цыгане могли менять места обитания и осваивать новые территории. Османская империя особенно привлекала кочевые группы цыган из так называемых Дунайских княжеств (Валахии и Молдавии). Показательно, что среди цыганских этногрупп, проживающих на Балканах (в пределах бывшей Османской империи), лишь небольшая часть кочевников (в основном речь идет об оседлых) говорит на диалектах так называемой балканской группы цыганского языка. Большинство же бывших кочевников используют диалекты старо-влашской и ново-влашской групп диалектов, что свидетельствует о переселении их предков с территории Валахии и Молдавии; первая такая массовая миграция происходила в XVII–XVIII вв., а вторая – в XIX–XX вв. (Marushiaakova & Popov 2006, 2018). Единственным исключением из этой миграционной схемы являются две цыганские группы, говорящие на балканском диалекте цыганского языка, которые двинулись в другом направлении. Это Крымуря, которые в XVII–XVIII вв. мигрировали с юго-западных Балкан через Валахию и Молдавию на Крымский полуостров (Marushiaakova & Popov 2004), и Заргари, которые с Балкан двинулись через Сирию в Иран (Marushiaakova & Popov 2010).

Чтобы понять, почему княжества Валахия и Молдавия стали центром, а точнее, своеобразным резервуаром, из которого в Средние века и в Новое время исходили волны миграции цыган-кочевников, необходимо рассмотреть их положение в этих землях. Оба княжества, будучи вассалами Османской империи, сохранили свою

социальную структуру и внутреннее законодательство. Это были единственные места в средневековой Европе, где цыгане на протяжении почти пяти столетий – с конца XIV в. до середины XIX в. – находились в положении рабов. Система цыганского рабства в Валахии и Молдавии имела сложную иерархию. С одной стороны, по принадлежности к различным владельцам цыгане делились на три категории: государственные (так называемые ‘коронные’), монастырские и боярские (принадлежавшие владельцам крупных земельных угодий). С другой стороны, по образу жизни и профессиональной деятельности цыгане подразделялись на две основные группы: оседлые и кочевые (включавшие в себя несколько подгрупп).

Между этими классификациями существовала четкая взаимосвязь. Оседлые цыгане (*Vatrashi*) принадлежали монастырям и боярам, а небольшая часть – лично князьям и княгиням. Они занимались сельским хозяйством, работали прислугой, а некоторые были ремесленниками в городах. Кочевые цыгане в основном находились в собственности государства (короны), однако небольшая их часть принадлежала также монастырям и боярам. Тем, кому разрешалось вести кочевой образ жизни, приходилось платить за это специальный налог. Цыгане-кочевники делились на четыре категории в зависимости от рода занятий: *Rudari* (или *Aurari*) занимались промывкой золота в горных реках (в Трансильвании их называли *Baeши*). *Ursari* предлагали кузнечные услуги, часто водили и показывали в людных местах обученных медведей. *Lingurari* специализировались на изготовлении деревянных предметов домашнего обихода. *Laeshi* не имели четкой профессии и зарабатывали на жизнь различными видами наемного труда в сельском хозяйстве, а также продажей костяных гребней, кожаных сит, железных изделий и других товаров. Все цыгане-кочевники уплачивали ежегодный налог (государству или своим владельцам – монастырям и боярам) дважды в год: на день Святого Георгия (24 апреля) и день Святого Архангела Михаила (8 ноября). Их кочевой образ жизни носил сезонный характер и был связан с датами налоговых выплат и с сельскохозяйственным циклом. Зимой они, как правило, снимали жилье в деревнях (Achim 2004; Marushikova & Popov 2009: 89–124; Rotaru 2023).

Численное соотношение между оседлыми и кочевыми цыганами изменялось в разные исторические периоды, и приводимые данные по этому вопросу часто являются неполными, фрагментарными, и далеко не всегда их можно воспринимать без оговорок и уточнений. Однако, согласно относительно надежным сведениям середины XIX в., наблюдается четкая, хотя и медленная, тенденция к увеличению доли оседлых цыган. Соотношение кочевых и оседлых цыган составляло примерно один к трем.

Кочевые цыгане могли свободно перемещаться, где угодно и сколько угодно (за исключением налоговых дней, которые, впрочем, не всегда соблюдались), в том числе за пределами границ княжеств. Более того, они обладали определенной автономией, включая судебную, – для разрешения споров и иных проблем внутри своей общины, что позволяло им сохранять свои этнокультурные традиции. Государство вмешивалось только в случае серьезных правонарушений (убийства, фальшивомонетничество и т. п.), когда конфликты между кочующими цыганами и окружающим населением угрожали общественному порядку. В остальных случаях законодательство по отношению к цыганам оставалось довольно либеральным. Это их отличало от оседлых цыган, которые проживали в поместьях своих владельцев и находились под их юридической ответственностью.

Сравнительно мягкий подход к кочевым цыганам не противоречит многочисленным историческим свидетельствам о жестоком обращении с их собратьями в княжествах Валахии и Молдавии, так как большинство таких свидетельств касается именно оседлых цыган, живших в полной зависимости от своих хозяев. В отличие от них, кочевые цыгане де-факто пользовались широкими свободами и даже привилегиями, о которых другие сопоставимые социальные слои, особенно крепостные крестьяне, не могли и мечтать.

Именно этим объясняется, почему, несмотря на общую тенденцию к оседанию, в княжествах Валахии и Молдавии сохранялась часть кочевых цыган, выступая своеобразным хранилищем мобильного образа жизни. Более того, эта особая ситуация позволяет лучше понять изменения в жизни цыган-кочевников после их освобождения от рабства.

Процесс освобождения цыган-рабов в княжествах Валахии и Молдавии растянулся на несколько десятилетий в середине XIX в. Однако их новый статус свободных людей фактически означал не только обретение гражданских прав, но и возложение на них новых, зачастую более обременительных, налогов и обязанностей. С этой точки зрения становится ясно, почему отмена рабства цыган в княжествах была важным фактором, но не главным двигателем крупных миграционных волн второй половины XIX – начала XX в. В этот период кочевые цыгане из Валахии и Молдавии постепенно расселялись по соседним странам (прежде всего по Австро-Венгрии), затем по всей Европе, а позднее достигли Северной и Латинской Америки, Южной Африки и Австралии. Однако эти массовые миграции не были прямым следствием обретенной свободы. Напротив, парадоксальным образом они скорее представляли собой бегство от нее – а именно от новых гражданских обязанностей и ответственности, которые кочевые цыгане по разным причинам не могли или не хотели на себя принимать (Marushiaкова & Popov 2006, 2009, 2018).

В Центральной Европе, особенно на территориях, где впоследствии была создана Австро-Венгерская империя, ситуация с кочевниками-цыганами после их окончательного поселения там в XV–XVI вв. была довольно разнообразной (Horváthová 1964; Fraser 1992; Crowe 2006). Долгое время не существовало централизованной государственной политики в отношении цыган, и на практике их положение определяли региональные и местные власти. В некоторых местах им вообще запрещали въезд в определенные поселения или районы; в других – запреты (если таковые имелись) легко обходились. Иногда цыгане даже оседали и находились под покровительством местных феодалов, включая монархов Габсбургов, которые приглашали к своему двору известных цыганских музыкантов. С усилением власти в империи Габсбургов (а с 1867 г. – в Австро-Венгерской империи) началась особая государственная политика в отношении цыган. Она была выражена в указах императрицы Марии Терезии 1761 и 1767 гг., а также в реформах ее преемника, императора Иосифа II, начиная с 1783 г. Конечной целью этой политики была не только социальная интеграция цыган, но и их полная ассимиляция. Цыганский язык был запрещен, и даже само слово ‘цыгане’ (*Zigeuner, Cigányok*) было заменено терминами ‘*Neu Bauer*’ (новые крестьяне) в австрийских землях и ‘*Uj Magyar*’ (новые венгры) – соответственно, в венгерских землях. Кочевой образ жизни запрещался, и цыгане должны были осесть, занимаясь сельским хозяйством. Принятые меры были крайне жесткими: семьи бывших кочевников расселяли среди остального населения, им запрещалось покидать определенное место жительства, они были

обязаны носить такую же одежду, как и окружающее население. Цыганских детей заставляли получать церковное и трудовое воспитание, обучаться различным ремеслам. Планировалось даже изъятие детей из родных семей, чтобы воспитать их в семьях крестьянских.

Однако в конечном итоге политика Марии Терезии и Иосифа II потерпела неудачу: цыгане не только не были ассимилированы, но и меры по их социальной интеграции не принесли значительных результатов. Это привело к формированию крупных маргинализированных масс, утративших свой язык и значительную часть этнокультурных традиций. Тем не менее запрет на кочевой образ жизни произвел определенный эффект. После введения указов, запрещающих кочевничество, в этом регионе больше не осталось цыган-кочевников, говорящих на диалектах так называемой центрально-европейской группы их языка. Единственным исключением стали *Плащуны*, которые покинули регион и обосновались в Российской империи. При этом на территории Австро-Венгерской империи кочевые цыган не исчезло полностью. Однако все эти кочевые цыгане XVIII–XIX вв. были выходцами из-за рубежа – *Синти* из Германии проникали в Австрию и Чехию, а на венгерские земли переселялись группы из Валахии и Молдовы, говорившие на ново-влашских диалектах цыганского языка (позже известные как *Кэлдэрары*, *Ловары* и др.), а также румыно-язычные общины *Беашей*. В результате перепись 1893 года, охватывавшая цыган, проживавших в Венгерском королевстве, показала, что кочевые цыгане были распределены по его территории неравномерно. Лишь в Трансильвании они составляли чуть более половины всего цыганского населения (3849 кочевых семей против 3762 оседлых), тогда как в других регионах их доля была значительно ниже ([п. а.] 1893; Januar 31-en 1895).

Ключевой датой в истории цыган-кочевников стал указ императора Франца Иосифа I от 6 ноября 1865 г., отменявший паспортный контроль на границах для всех выезжающих из Австро-Венгрии. Это позволило многим цыганам беспрепятственно покинуть страну, что ознаменовало начало их массовой миграции по всему миру с конца XIX – начала XX в.

Первые исторические упоминания о проникновении цыган на русские земли относятся к 1660 г.; в них говорится, что цыгане прибыли из Германии через Польшу. Первым государственным документом, в котором они упоминаются, стал указ императрицы Анны Иоанновны 1733 г., в котором определялись податные повинности населения на отдельных территориях (Деметер и др. 2000).

Политика Российской империи традиционно оценивается в литературе через призму правозащитного дискурса, в котором явно подразумевается, что любое ограничение кочевого образа жизни цыган является формой репрессий против них. Однако возможен (и необходим) иной (обратный) взгляд на историю. Окончательное включение цыган в социальную структуру Российской империи и предоставление им гражданских прав произошло согласно указу императрицы Екатерины II Великой в 1783 г. В соответствии с этим указом все цыгане, ранее не зарегистрированные в государственных реестрах населения, а также те, кто числился собственностью помещиков (т. е. их крепостные), были отнесены к категории государственных крепостных и стали обязаны уплачивать налоги, соответствующие этому гражданскому статусу. Согласно установленным требованиям, государственные крестьяне, как и крепостные, имели право свободно передвигаться по территории империи, выплачивая определенный ежегодный оброк,

и зарабатывать себе на жизнь различными способами. Таким образом, кочевой образ жизни не запрещался, а лишь регулировался. Государственная политика стремилась не ограничивать свободу передвижения цыган, а сделать их полноценными подданными империи, предоставляя права, но одновременно требуя выполнения обязанностей. Этот принцип оставался неизменным во всех последующих государственных мерах, связанных с цыганским населением. В 1800 г. был издан сенатский указ, предписывающий в кратчайшие сроки зарегистрировать цыган в податных реестрах. При этом указывалось, что их регистрация в сословия купечества или мещан не нарушает закон, если они исправно уплачивают налоги. Таким образом, цыганам предоставлялась возможность перехода в другие, более высокие сословия.

Процесс обязательной сословной и, прежде всего, связанной с ней налоговой регистрации цыган шел медленно, что подтверждают многочисленные правительственные документы XIX в. В этот период кочевые цыгане получали все больше и больше новых стимулов для регистрации, что фактически должно было привести к их полной интеграции в правовую систему и социальную структуру империи. В отдельных регионах, например в Бессарабии и на Северном Кавказе, цыган даже включали в военное казачье сословие, что давало им дополнительные привилегии. Конечный результат всех этих законодательных инициатив, однако, подтверждает известный афоризм: «Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения».

Данная ситуация во многом объясняет, почему в Российской империи кочевые цыгане значительно преобладали над оседлыми. Такое соотношение сохранялось в течение многих лет, даже несмотря на присоединение к империи новых территорий (особенно Бессарабии и Крыма), где проживало значительное число оседлых цыган. Дополнительным фактором, способствовавшим сохранению кочевого образа жизни, был географический, а именно огромные просторы империи. Однако к концу XIX в. уже наметилась тенденция к оседанию кочевых цыган в некоторых регионах, например в Украине и в северо-западных губерниях России. Там некоторые цыгане начали приобретать дома в деревнях, а летом они разъезжали по окрестностям, предлагая свои ремесленные и прочие услуги, также работали как наемные сельскохозяйственные рабочие (Marushiaakova & Popov 2003). Однако подавляющее большинство цыган в империи продолжало вести кочевой образ жизни, снимая жилье на зиму в деревнях и небольших городах. Этот уклад сочетался с частой сменой мест кочевья и освоением новых территорий. Среди различных цыганских этногрупп наблюдалась определенная специализация по ассортименту товаров и услуг, предлагаемых местному населению. Например, у группы *Руска Рома* (которая проживала разбросанно по всей империи) основными занятиями мужчин были коневодство, конная торговля, а также музыка и танцы. *Сервы* и *Влахи*, живущие преимущественно на Украине и юге России, зарабатывали на жизнь кузнецким делом. В то же время женщины во всех этногруппах традиционно занимались гаданием и попрошайничеством.

В конце XIX – начале XX в. в Российскую империю массово проникали кочевые цыгане (в основном *Кэлдэрары*), большей частью из Австро-Венгрии. Они здесь изменили традиционную модель своего кочевого образа жизни, адаптируя ее к местным условиям. Эти цыгане предлагали новые виды ремесленных услуг, в частности

изготовление и ремонт медных сосудов. В отличие от остальных кочевых общин, которые перемещались между деревнями, новые мигранты предпочитали селиться в крупных городах. Основным средством передвижения для них стала железнодорожная сеть, что позволило им освоить огромные территории империи.

Трудно точно подсчитать соотношение кочевых и оседлых цыган в Российской империи накануне Первой мировой войны, но в целом не менее трех четвертей из них вели кочевой или полукочевой образ жизни. В то же время значительная часть цыган Бессарабии и Крыма, а также проживающих в двух столицах – Санкт-Петербурге и Москве – вела оседлый образ жизни. Последний факт особенно интересен, поскольку он опровергает распространенные на Западе стереотипы о цыганах как вечно маргинальном сообществе. В Москве и Петербурге на протяжении нескольких поколений сформировалась особая прослойка цыган – известных певцов и музыкантов, объединенных в так называемые *цыганские хоры*, которые пользовались сравнительно высоким, хотя и специфическим, общественным авторитетом. Благодаря своей профессии они постоянно взаимодействовали с высшими слоями общества Российской империи – аристократией, богатыми купцами, поэтами, писателями, музыкантами и т. д. – и смешанные браки с ними в высшем обществе при этом были далеко не редкостью.

Цыгане-кочевники в современную эпоху (до Второй мировой войны)

Во второй половине XIX в., в условиях трех многонациональных империй Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы (Австро-Венгерской, Османской и Российской), зародилось новое историческое явление, оказавшее влияние на цыганское кочевничество. Этот процесс заслуживает особого внимания, так как связан с движением за гражданскую эмансипацию цыган. Именно в этот период цыгане начинают (или, по крайней мере, пытаются) становиться творцами своей собственной истории, превращаясь в активный субъект исторических процессов, особенно в контексте развития их сообщества (Marushikova & Popov 2021, 2022).

Процессы создания наций в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе являются одними из ключевых характеристик современной эпохи в трех великих империях региона. В соответствии с концепцией национализма Иоганна Готфрида Гердера, эти процессы включают формирование и утверждение национальной истории, языка и литературы. Это, в свою очередь, вызывает повышенный интерес к истокам нации, историческому прошлому, родному языку, традиционным культуре и фольклору. На этой основе возникают гражданские организации и политические движения, стремящиеся создать национальные институты и, в конечном итоге, собственное государство. Гражданская эмансипация цыган во многом повторяет эти процессы, хотя и развивается медленнее и в меньших масштабах. Несмотря на фрагментарность, она очерчивает основные направления дальнейшего развития национального строительства в регионе. Стоит отметить, что этот процесс для некоторых народов продолжается и сегодня.

Первые участники движения за гражданскую эмансипацию цыган, судя по их программным текстам и политической деятельности, не затрагивали проблему кочевого образа жизни. Это объяснимо: новая гражданская элита формировалась преимущественно среди оседлых цыган и существенно отличалась от традицион-

ных кочевых вожаков. В отличие от последних, она обладала более высокой степенью социальной интеграции, что позволяло ей уловить дух эпохи национализма и адаптировать его к проблемам своего сообщества.

Тем не менее проблема кочевого образа жизни, пусть и неявно, проявилась в одной из первых публичных акций цыганского движения за гражданскую эманципацию. В 1865 г. Янош Калдараш, 'вайда' (то есть предводитель) цыган-кочевников, проживавших в Бихаре (ныне уезд Бихор в Румынии), и его соратник Сава Михай из Szunyogd (ныне Šuiug/Шуюг) подали прошение в Венгерскую королевскую канцелярию о создании отдельной территориально-административной единицы ('Cigány-Vajdaság' на венгерском, 'Zigeuner-Wojwodina' на немецком). Как видно из этих данных, Янош Калдараш представлял кочевое сообщество, тогда как Сава Михай вел оседлый образ жизни в городе. Это свидетельствует о взаимодействии и сотрудничестве во имя общей цели между разными общинами внутри цыганского сообщества, несмотря на их различный уклад жизни. Сам факт запроса на выделение отдельной территории для цыганской административной единицы подразумевает, что кочевой образ жизни в ее границах либо прекратится, либо будет значительно ограничен (Marushiaakova & Popov 2022: 1–3).

Окончание Первой мировой войны ознаменовало начало нового важного этапа в развитии кочевого образа жизни цыган, проживающих в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе. На месте трех великих многонациональных империй возникли новые национальные государства, а также несколько супер-национальных образований, таких как СССР и Югославия. Эти изменения привели к установлению новых государственных границ и, что еще важнее, к формированию новых социальных контекстов (например, после войны территория Румынии значительно увеличилась за счет присоединения Трансильвании, где, как уже упоминалось, значительная часть цыган вела кочевой образ жизни; таким образом, хотя точные демографические данные сложно установить, Румыния стала страной с самой большой численностью кочевых цыган в Европе). В результате цыганам-кочевникам пришлось адаптироваться к изменившимся условиям, которые варьировали от страны к стране.

В этот период в ряде стран региона власти предпринимали различные меры для ограничения и регулирования кочевого образа жизни цыган в рамках общей правовой и административной системы. В некоторых случаях вводилось специальное законодательство, направленное против кочевников. Например, в Чехословакии в 1927 г. был принят Закон о бродячих цыганах (Pivoň 2001), а в Венгрии год спустя издан указ о более эффективном контроле за цыганами-бродягами (Mezey 1986). Эти меры включали регистрацию кочевников, постоянный контроль над ними и издание специальных документов, позволяющих перемещаться в определенных границах. Иногда эти запреты звучали гораздо жестче, например, в Болгарии кочевой образ жизни официально запретили еще в 1882 г., с принятием Закона о муниципалитетах, который обязывал всех кочевников переходить к оседлости. Этот запрет был подтвержден в 1886 г. в Законе о городских муниципалитетах и в Законе о сельских муниципалитетах (Марушиакова & Попов 2025). Эти запреты неоднократно повторялись в поправках к двум законам на протяжении многих лет, но их почти никогда и никто не применял на практике. Типичный пример их неисполнения – случай 1927 г., когда Управление полиции разослало циркуляр всем областным директорам и окружным инспекторам полиции, напоми-

ная, что «кочевничество на всей территории царства запрещено». В Софийской области это распоряжение было передано главам районов, которые, в свою очередь, направили послания старостам деревень с требованием «обеспечить, чтобы в регионе больше не было бродячих цыган». Фактические результаты подобных мер проясняются из другого циркуляра Управления полиции от 24 ноября 1931 г., где вновь подчеркивается, что «бродяжничество в нашей стране запрещено». В том же документе говорится: «Эти правовые нормы действуют уже 45 лет, но почти никто их не соблюдает! [...] Печальный факт!» (Marushikova & Popov 2021: 174–175). В целом эффективность этих запретов оказалась крайне низкой, если не сказать, что их воздействие на практике было практически незаметным.

Устные свидетельства цыган-кочевников подтверждают неэффективность всех перечисленных государственных мер по ограничению их образа жизни. Согласно собранным нами рассказам среди цыган Болгарии, на протяжении многих лет существовал механизм обхода действующих правовых и административных норм. Зимой кочевники останавливались в определенных поселениях, где поддерживали хорошие отношения с местными властями и даже иногда получали временный вид на жительство. С наступлением теплого времени года они вновь отправлялись в путь. Перед тем как войти в деревню, вожак группы обращался к местному старосте и за небольшую взятку получал устное разрешение на временную остановку на окраине. По истечении оговоренного срока они отправлялись дальше, следуя тому же принципу.

То, чего не удавалось добиться государству – а именно заставить цыган-кочевников вести оседлый образ жизни, – произошло (по крайней мере, частично) благодаря общему социально-экономическому развитию. В 1920–1930-е гг. добровольное оседание цыган-кочевников наблюдалось по всей Юго-Восточной Европе, причем они в основном селились в городах. Переход к Новому времени в регионе сопровождался ростом городов и сокращением сельского населения. Доступность (хотя и ограниченная) индустриальной продукции сузила рынок товаров и услуг, которыми традиционно занимались цыгане, что неизбежно привело к кризису кочевого образа жизни. В результате бывшие кочевники стали селиться в городах, где было больше возможностей заработать на жизнь, пусть даже низко-квалифицированным трудом. Эти процессы протекали с разной интенсивностью в разных странах, но их общая тенденция очевидна.

В межвоенный период в странах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы активно развивалось движение за гражданскую эмансиацию цыган. Возникало множество общественных организаций и местного, и национального уровня. До начала Второй мировой войны в странах региона издавалось в общей сложности 22 (!) органа цыганской печати: газеты и журналы (Roman, Zahova, Marinov 2021). В этот период представители новой цыганской гражданской элиты в своих ведущих публичных посланиях призывали власти принять действенные меры для улучшения положения цыган. Среди ключевых требований были обеспечение гражданского равноправия, повышение образовательного уровня, улучшение экономического положения и т. д. В повестке дня цыганского гражданского активизма в большинстве стран региона вопрос кочевничества практически не поднимался. Это свидетельствует о том, что цыганские лидеры не рассматривали его как приоритетную проблему для развития своей общины. Исключениями стали лишь две страны – Румыния и СССР, что вполне объяснимо. В Румынии в это время проживало

самое большое число кочевых цыган в Европе в абсолютном выражении, представляющее значительную часть всей цыганской популяции страны (не менее трети). В СССР же кочевники составляли более 80% всех цыган, проживающих в государстве.

В Румынии уже на первом политическом собрании цыган, состоявшемся 16 января 1919 г. в Трансильвании, были выдвинуты конкретные требования к местным властям и представителям нового румынского государства, включая содействие кочевникам в переходе на оседлый образ жизни (Marushiaakova & Popov 2021: 306–309). Аналогичное отношение к проблеме отражено и в документах, а также в деятельности двух национальных организаций, созданных в 1933 г.: *Всеобщей ассоциации цыган Румынии* под руководством Иона Поп-Шербояну и *Всеобщего союза ромов Румынии* во главе с Георге Лазареску-Лазурикой. В своем *Обращении ко всем цыганам Румынии* Ион Поп-Шербояну обозначил одной из целей организации «настойчивое стремление к колонизации (то есть переходу на оседлый образ жизни) всех кочевых цыган путем предоставления им необходимых земель в разных частях страны» (Marushiaakova & Popov 2021: 332–337). В уставе Всеобщего союза ромов Румынии также подчеркивалась важность этой задачи: «Настаивать на том, чтобы кочевники селились на землях на окраинах городов или в деревнях, чтобы они больше не кочевали» (Marushiaakova & Popov 2021: 355–368). Призывы цыганских активистов к оседлости не вызвали никакой реакции со стороны румынского государства. Однако идея искоренения кочевого образа жизни среди цыган парадоксальным образом вписывается в общий исторический контекст. Несколько лет спустя, во время Второй мировой войны, был проведен трагический эксперимент по решению проблемы кочевничества – депортация цыган-кочевников в Губернаторство Транснистрия (так называлась административно-территориальная единица, образованная во время Второй мировой войны румынскими властями на территории части оккупированных Винницкой, Одесской, Николаевской областей Украинской ССР и левобережной части Молдавской ССР). Президент Генеральной ассоциации ромов Румынии, Георге Никулеску, обратился к властям с отчаянной просьбой прекратить эту акцию, однако его призывы остались без ответа.

Цыганский активизм в раннем СССР (в 1920–1930-е гг.), как иногда приходится слышать и читать, якобы был полностью инициирован и контролирован Коммунистической партией и советским государством. Однако на самом деле ситуация была гораздо сложнее. Цыганские активисты стремились быть не просто исполнителями воли власти, а полноценными партнерами советского государства и творцами собственной истории. Во многих случаях они играли активную роль в этом диалоге: предлагали идеи и концепции цыганской политики, которые советская власть либо принимала, либо модифицировала, либо отвергала. Таким образом, советское государство оставалось ведущей (и в конечном итоге решающей) стороной этого изначально неравного сотрудничества, и за ним всегда оставалось последнее слово.

В 1924 г. было создано *Общество по организации пролетарских отсталых цыганских масс города Москвы и Московской губернии*. После длительных обсуждений устава организации с советскими учреждениями в 1925 г. оно было зарегистрировано под названием *Всероссийский союз цыган РСФСР*. Сразу после официальной регистрации Союз направил своих представителей в руководящие

советские учреждения, чтобы инициировать формирование ведущих направлений советской политики в отношении цыган. При активном участии Цыганского союза в 1926 г. были приняты два постановления ВЦИК: *О мерах содействия переходу кочевых цыган к оседлому трудовому образу жизни* и *О наделении землей цыган, переходящих к оседлому трудовому образу жизни* (1928). Эти постановления предоставляли множество преференций тем кочевым цыганам, которые желали осесть и создать собственные колхозы (позже названные ‘цыганскими колхозами’). Однако влияние этих поощрительных мер оказалось незначительным. Поэтому руководители Всероссийского Цыганского союза неоднократно обращались к властям с предложением ускорить процесс перехода к оседлому образу жизни. В частности, они предлагали предоставить цыганам-кочевникам свободную территорию на Северном Кавказе. По их словам, к переезду на новое место готовы были 100 тысяч цыган (хотя, согласно переписи 1926 г., в СССР проживало всего 61 234 цыгана). Однако на данном этапе советские власти не были готовы поддержать политику контролируемой государством принудительной седентаризации (оседания) кочевых цыган. В 1927 г. в НКВД поступило письмо от местных властей Тверской губернии с жалобами на цыган-кочевников и просьбой принять меры для прекращения их бродяжничества. Ответ Главного управления НКВД был категоричным и недвусмысленным – «постановка вопроса о насильственном ограничении цыганских кочевий принципиально недопустима... [так как] советское законодательство не предусматривает возможности введения подобных мер». В результате цыганским активистам, призывающим к борьбе с кочевым образом жизни, было официально разрешено вести только «моральную борьбу» с кочевничеством (Marushiaakova & Popov 2024).

Процесс массовой коллективизации сельского хозяйства в СССР (1929–1932) дал толчок развитию цыганских национальных колхозов, созданных преимущественно оседающими цыганами-кочевниками. К середине 1930-х гг. таких колхозов насчитывалось около двух десятков, но большинство из них оказались нестабильными и просуществовали недолго. В связи с этим цыганские активисты начали публичную кампанию, призывая советское правительство вмешаться в процесс оседания кочевых цыган и создать для них национальный район, который впоследствии мог бы стать автономной областью, а в перспективе – Цыганской Автономной Советской Социалистической Республикой. В рамках этой кампании известные цыганские деятели и представители кочевых групп направили многочисленные письма советскому руководству, в том числе самому Сталину. В центральной советской прессе также появились предложения о создании Цыганской АССР (Marushiaakova & Popov 2020). В начале 1936 г. в Отделе по национальностям при ЦИК СССР состоялось расширенное совещание с участием представителей ведущих советских учреждений и множества цыганских активистов. Все присутствующие на встрече поддержали идею создания территориально-административной единицы для оседания кочевых цыган. Вскоре после этого Президиум ЦИК СССР принял Постановление «О мероприятиях по трудоустройству кочующих и улучшению хозяйственного и культурно-бытового обслуживания трудящихся цыган», предусматривающее конкретные шаги в этом направлении. Однако между различными советскими учреждениями, вовлеченными в процесс, возникли разногласия. Местные власти в целом отказывались выделять цыганам бесплатные земли для поселения, и только Запад-

но-Сибирский край согласился, но потребовал значительно увеличить бюджетные субсидии. Цыганские активисты и Отдел по национальностям ВЦИК настаивали на Северном Кавказе, где в селе Канглы, недалеко от Минеральных Вод, уже был создан цыганский национальный сельсовет. НКВД, в свою очередь, предлагал территорию в Поволжье, а затем настаивал на поддержке нескольких уже существующих цыганских колхозов, чтобы сначала оценить результаты и только потом переходить на следующий этап по созданию национального района. В конечном итоге организацией будущей территориально-административной единицы для цыган занялся Всесоюзный переселенческий комитет НКВД, и как следствие, из лагерей ГУЛАГа начали отправлять в разные области железнодорожные составы с лесоматериалами для строительства жилья и хозяйственных построек для оседавших цыган-кочевников (Marushiaakova & Popov 2020, 2024).

Работу по созданию цыганской автономии перервало кардинальное изменение советской национальной политики. 1 декабря 1937 г. Оргбюро ЦК ВКП (б) пересмотрело вопрос о национальных районах и сельсоветах и сочло нецелесообразным продолжать существование как особых национальных районов, так и сельсоветов, и уже 17 декабря 1937 г. Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило Постановление «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». В этой ситуации вопрос о создании национальной цыганской территориально-административной единицы был снят с повестки дня, и вся деятельность в этом направлении была постепенно прекращена. Через несколько лет после этого началась Великая Отечественная война, и в послевоенных условиях к вопросу о создании цыганской автономной территории советские власти больше не возвращались. После войны все забыли о существовании цыганского сельсовета в Канглы, и он просуществовал до 1952 г., когда был официально закрыт и когда цыгане там уже давно не жили (еще со времен войны и немецкой оккупации) (Marushiaakova & Popov 2020, 2024).

Основной вопрос здесь заключается в том, почему советское государство в ранний период СССР не ликвидировало кочевой образ жизни цыган, а лишь пыталось мотивировать их к оседлости. Подобное отношение к кочевым цыганам выглядит удивительно на фоне общей политики раннего СССР, где борьба с кочевым образом жизни считалась одной из важнейших задач и необходимым условием перехода к социализму. Государство активно проводило седентаризацию (то есть перевод кочевых народов к оседлому образу жизни или их контроль через создание постоянных зимних и летних поселений) среди пасторальных кочевников Центральной Азии и других регионов, а также среди малых народов Севера. По данным Александра Хацкевича, секретаря Совета национальностей ЦИК СССР, накануне Октябрьской революции, в 1917 г., в Российской империи насчитывалось более 10 миллионов человек, ведущих кочевой образ жизни; к 1933 г., в результате предпринятых советским государством мер, более 7 миллионов из них перешло к оседлости (На оседлость переведено... 1933: 4). Однако цыгане оставались исключены из этих мер. Вероятной причиной такого подхода стало то, что другие кочевые общины имели стратегическое значение для советской экономики: они обеспечивали государство важными продуктами (мясо, молоко, меха и т. д.). Цыгане-кочевники, в отличие от них, не представляли экономической ценности, и поэтому вопрос их оседлости был отложен на неопределенный срок.

Нет сомнений, что, если бы советское руководство в 1920–1930-х гг. действительно стремилось насилием седентаризировать цыган, оно легко добилось бы этой цели. Учитывая, что за короткий срок были принудительно переведены на оседлый образ жизни миллионы других кочевников, сделать то же самое с около 50 тысячами цыган не составило бы особого труда.

Цыгане-кочевники в социалистическом лагере (после Второй мировой войны)

На протяжении нескольких десятилетий после Второй мировой войны в странах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, где установились коммунистические режимы, происходили процессы оседания цыган-кочевников. Первый шаг в этом направлении был сделан в СССР, где Вторая мировая война привела к полной разрухе советской экономики. За этим последовали трудные послевоенные десятилетия для всего советского общества, включая цыган-кочевников. Специфическим явлением того времени стала частичная реномадизация значительной части уже осевших цыган. Согласно воспоминаниям цыган, в первые годы после войны огромные цыганские таборы (десятки, а иногда и сотни семей) направлялись в крупные города и селились на их окраинах в поисках средств к существованию.

В этой ситуации старые цыганские активисты продолжали попытки убедить советское государство возобновить активную политику ‘положительной деятельности’ (по терминологии Терри Мартина) в отношении цыган, проводившуюся в межвоенный период. В начале 1950-х гг. в высшие советские инстанции было направлено несколько писем, в которых цыганские активисты излагали свои требования. Среди них: письмо Николая Панкова Петру Поспелову, секретарю ЦК КПСС, в 1953 г.; письмо Панкова Никите Хрущёву, новому первому секретарю ЦК КПСС, в 1954 г.; письмо Андрея Таранова в ЦК КПСС, Совет Министров СССР и газете «Правда» в 1954 г.; письмо Панкова Никите Хрущёву в марте 1956 г.; письмо Панкова маршалу Клименту Ворошилову, председателю Президиума Верховного Совета СССР, в августе того же года (Marushiaakova & Popov 2020, 2024). Эти письма остались без ответа, но в конечном итоге привели к неожиданному (и нежелательному для их авторов) результату. 5 октября 1956 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством». Нельзя с полной уверенностью утверждать, что издание этого указа стало прямым следствием писем цыганских активистов; вполне возможно, что советские власти пришли к такому решению самостоятельно. Однако здесь можно увидеть символическое совпадение. На первый взгляд кажется, что цыганским активистам, после более чем трех десятилетий усилий, наконец удалось убедить советское государство в необходимости искоренения кочевого образа жизни их сограждан. Однако они явно не ожидали, что после издания указа о переходе к оседлости не последует никаких дальнейших действий. Таким образом, советские власти одним махом лишили старую цыганскую элиту ее главного аргумента существования – необходимости борьбы с кочевым образом жизни. Этот аргумент активисты постоянно использовали, пытаясь убедить власти в важности

проведения специальных политик ‘положительной деятельности’ в отношении цыган во всех других сферах, но после указа старая цыганская элита стала просто не нужна.

Когда мы говорим о странах так называемого социалистического лагеря, важно учитывать, что в вопросах внутренней национальной политики они обладали значительной автономией. Поэтому меры, принимаемые в отношении цыган, не были одинаковыми в разных странах. Соответственно, формы и методы перехода цыган от кочевого к оседлому образу жизни различались уже в исходных условиях этого процесса. Точные данные здесь привести сложно, но в общем можно сказать, что в послевоенные годы более 3/4 цыган в Польше и как минимум 2/3 всего цыганского населения Советского Союза вели (полу)кочевой образ жизни. В другом (противоположном) положении находились Болгария и Чехословакия, где кочевые цыгане, охваченные государственными программами, составляли менее 5% от общей численности цыганского населения. В остальных странах доля кочевых цыган колебалась между этими двумя полюсами: в Румынии и Югославии кочевники составляли не более 1/3, а в Венгрии и Албании – не более 1/4 от общего числа цыган в этих странах (Marushiaakova & Popov 2008).

В большинстве стран региона оседание цыган-кочевников происходило в результате государственного акта или партийного решения (что, по сути, было одно и то же). Аналогичные меры, как в СССР, были приняты и в других странах социалистического лагеря, но везде была своя специфика. В Болгарии в 1958 г. было принято Постановление Совета Министров под названием «О регулировании вопросов цыганского населения в Болгарии». В Чехословакии в том же году был издан закон «О постоянном поселении кочующих лиц» (Pivoň 2018). Как видно из самого названия закона, он был направлен на отдельных индивидов, а не на коллективную этническую общность цыган, что контрастирует с подходом, применявшимся в СССР и Болгарии. В Польше, после неудачной попытки 1952 г. убедить кочевых цыган поселиться на западных территориях страны (освободившихся после депортации местного немецкого населения), в 1964 г. было принято Постановление Министерства внутренних дел, обязывавшее цыган-кочевников осесть. Однако этот акт был реализован лишь частично (Krzyżanowski 2017). В Румынии специальные государственные меры, направленные на оседłość цыган-кочевников, начали предприниматься только после 1977 г., когда Центральный комитет Румынской коммунистической партии принял *Программу социальной интеграции цыган*, в которой оседание кочевых групп было лишь одним (но не самым важным) аспектом целого комплекса мер (Achim 2004). В других странах социалистического лагеря оседание цыган-кочевников происходило не на основании специальных указов или законов, а постепенно, в рамках общих правовых и административных норм, действовавших для всех граждан, например, обязанности иметь постоянное местожительство, трудоустройство и т. д. В Венгрии этот процесс постепенно проходил во второй половине 1950-х гг., а в Албании и Югославии – вплоть до 1960–1970-х гг.

Следует отметить, что несмотря на государственную политику по искоренению цыганского кочевничества, конечные результаты не всегда были успешными. В СССР часть цыган, хотя формально считались оседлыми, продолжали вести полукочевой

образ жизни вплоть до 1960-х гг. (а в некоторых случаях – и позже), пока они окончательно не адаптировались к новым видам экономической деятельности, исключаяющим кочевничество. В Болгарии некоторые цыганские группы (например, фракийские калайджии), хотя и числились оседлыми, имели дома и формальные документы о постоянной занятости, но фактически продолжали странствовать на протяжении всего периода коммунистического правления – по старой традиции разбивая палаточные лагеря в теплое время года, предлагая сельским жителям свои услуги лудильщиков. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Югославии, а особенно в Румынии, где такой кочевой образ жизни у части цыган сохранился вплоть до наших дней.

Несомненно, интересен вопрос о том, как с современной точки зрения оценивается процесс оседания цыган-кочевников. В этом контексте можно выявить определенные несоответствия. В подавляющем большинстве академических публикаций до сих пор преобладает правозащитный дискурс, сформировавшийся еще во времена холодной войны. После падения коммунистических режимов в регионе к этому добавилась интерпретация этого процесса как одного из множества преступлений канувшего в Лету политического и социально-экономического строя. Такой подход поддерживают и многие современные активисты из некоммерческого сектора, большинство из которых происходят из цыганских сообществ, ведущих оседлый образ жизни на протяжении веков. Однако среди самих цыган, ранее практиковавших кочевой образ жизни (а также среди их потомков), в целом преобладают положительные оценки мер, направленных на оседлость (Marushiaakova & Popov 2002; Pivoň 2001).

Другое обстоятельство гораздо важнее для правильного понимания и оценки политики оседлости. Период с 1950-х по 1970-е гг. в странах региона характеризовался кризисом кочевого образа жизни, основанного на полукультуральном и в значительной степени замкнутом сельскохозяйственном хозяйстве (частном или государственно-кооперативном). В новых социально-экономических реалиях, на фоне стремительной модернизации, индустриализации и урбанизации, возможности для продолжения существования за счет сервисного номадизма оказались практически исчерпанными. Этот процесс происходил неравномерно в разных странах, поскольку стартовые условия были разными (например, в Болгарии после Второй мировой войны сельское население составляло более 80%, тогда как в других странах этот показатель был более низким). Однако тенденции к индустриализации и к модернизации сельского хозяйства были общими для всего региона и, по сути, являлись одной из главных целей коммунистических режимов. Сервисные номады напрямую зависели от общего социально-экономического развития, и в условиях этих перемен они искали возможности для перехода к оседлому образу жизни и новым стратегиям экономической адаптации. Активное вмешательство государства произошло в подходящий исторический момент – что бывает крайне редко в государственных политиках в отношении цыган. Государственная политика в социалистических странах региона, будь то специализированная (направленная непосредственно на цыган как общность) или общая (включавшая их в более широкий социальный контекст), существенно способствовала происходящим внутри сообщества процессам и облегчала интеграцию цыган в общество. Это происходило прежде всего через раздачу им земельных участков, предоставление кредитов, помощь

в строительстве жилья, в трудоустройстве и т. д. Именно этим объясняется тот факт, что потомки цыган-кочевников по всему региону и сегодня воспринимают политику оседлости, проводившуюся коммунистическими режимами, не как форму репрессий, а, напротив, как акт поддержки со стороны государства, за что они остаются ему благодарны.

Цыганское кочевничество в последние десятилетия

В 1989–1991 гг. коммунистические режимы в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе рухнули, многонациональные государства (Чехословакия, СССР, Югославия) распались, и цыгане региона оказались в новой реальности. Переход к демократии и рыночной экономике во многих из этих стран сопровождался серьезным социальным и экономическим кризисом, что еще больше осложнило процесс адаптации к новым условиям. Бывшие кочевые цыгане, будучи частью макрообщества, испытали на себе все эти сложные перемены (хотя в сравнении с оседлыми цыганами их положение оказалось менее уязвимым).

В ответ на трудности переходного периода, в поисках выхода из резко ухудшившихся условий жизни, в переходный период даже некоторые оседлые цыганские общины, проживавшие на одном месте веками, стали переходить к специальному квази-кочевому образу жизни (Marushiaкова & Popov 2003). Типичный пример этого – венгероязычные цыгане Закарпатья. Их предки осели еще во времена реформ Марии Терезии и Иосифа II. После Второй мировой войны регион был присоединен к СССР, и после распада Советского Союза Закарпатье осталось в составе Украины. Значительная часть местных цыган массово направилась на заработки в Москву и Санкт-Петербург, где они селились лагерями в лесах на окраинах городов, а их женщины и дети занимались попрошайничеством на улицах. В начале XXI в. контроль на границе между Украиной и Российской Федерацией усилился (до этого цыгане свободно передвигались со старыми советскими паспортами), и эта специфическая форма мобильности, внешне очень напоминающая кочевой образ жизни цыган в прошлом, перенаправилась в крупнейшие украинские города, и в первую очередь в Киев. Однако временные лагеря закарпатских цыган на окраине украинской столицы неоднократно становились мишенью для атак со стороны местных властей и, в особенности, националистических парамилитарных группировок.

Ситуация в Центральной и Юго-Восточной Европе вновь изменилась в начале XXI в., когда большинство стран региона либо вошли в Европейский Союз, либо находились в процессе присоединения. В этих государствах появился новый ключевой фактор – массовая трудовая миграция на Запад, которая значительно изменила жизнь цыган (особенно в Румынии, Болгарии, Польше, Словакии). Бывшие кочевые цыгане, как часть своих гражданских наций, также были вовлечены в эти европейские миграционные процессы. Встает важный вопрос: можно ли рассматривать трансграничную трудовую мобильность цыган в объединенной Европе как новую, модифицированную форму традиционного кочевого образа жизни? Не углубляясь в теоретические рассуждения, можно сказать, что, скорее всего, нет. Миграция потомков бывших кочевников в рамках общеевропейских трудовых миграционных потоков – это неотъемлемая часть современной мобильности рабочей силы в границах Европейского союза, где доминируют не только оседлые цыгане,

но и не-цыгане. По своей структуре эти перемещения следуют тем же моделям трудовой миграции, что и у окружающего населения, и не соответствуют традиционному цыганскому кочевому укладу (Marushiaakova & Popov 2018).

Тем не менее существуют случаи, когда можно говорить о модифицированных формах традиционного кочевого образа жизни. Однако это касается лишь относительно небольшой части цыган-мигрантов из Румынии. Они продолжают следовать старым миграционным стратегиям и в нынешней волне переселений продолжают использовать традиционные способы заработка: женщины и дети занимаются попрошайничеством на улицах крупных городов. Из-за этого образа жизни, а также из-за характерного стиля одежды такие мигранты заметны для окружающего общества. В результате именно они формируют стереотипный образ цыганского мигранта в глазах местного населения. Таким образом, миграция этих цыган становится «видимой» для властей и СМИ. В то же время все остальные виды цыганских мигрантов остаются в значительной степени незаметными для общества, исследователей и государственных структур, поскольку воспринимаются как часть общей европейской трудовой миграции (Marushiaakova & Popov 2018).

Во многих случаях политика принимающих стран становится ключевым фактором, определяющим, какой тип миграционной стратегии будет воспринятым значительной (хотя далеко не всей) частью румынских цыган. Самый яркий пример – Италия, где не только цыгане-беженцы из бывшей Югославии, но и большая часть цыган-мигрантов из Румынии автоматически объявляются ‘кочевниками’. При этом никто не интересуется их реальным образом жизни – ни традиционным, ни современным. Согласно этой политике, цыгане исключены из общих программ интеграции для беженцев и мигрантов и направляются прямиком в так называемые ‘лагеря для номадов’ (*campi nomadi*) (Picker 2011: 77–87; Picker 2013). Эти меры приводят к маргинализации и десоциализации цыган из бывшей Югославии (большинство из которых вели оседлый образ жизни на протяжении веков). В то же время для части румынских цыган, использующих миграцию как способ заработка, такие условия оказываются экономически выгодными. Парадоксально, но многие из них, воспринимаемые как ‘кочевники’, вкладывают значительную часть своих доходов в строительство больших домов на родине – так называемых «цыганских дворцов» (Calzi, Corno, Gianferro 2007; Preda, Vijilie, Lequeux-Dincă 2018). Чтобы воспользоваться социальными льготами (бесплатным жильем, пособиями, гуманитарной помощью от муниципалитетов и НКО), достаточно заявить о себе как о цыганах – то есть как о номадском сообществе – и внешне демонстрировать свою принадлежность к нему. В других странах, например в Испании, ситуация складывается прямо противоположным образом. Там те же самые румынские цыгане (включая прямых родственников тех, которые установились как «кочевники» в Италии) остаются «невидимыми» для общества, они обосновываются в обычных городских районах и адаптируются к местной социальной среде.

Ситуация, подобная итальянской, – скорее, правило для Западной Европы, чем исключение. В ряде стран, включая Францию, Бельгию, Нидерланды, скандинавские государства и некоторые регионы Германии, можно наблюдать аналогичные случаи преднамеренного разделения румынских цыган-мигрантов и их отличие от мигрантов из других стран. Кроме того, цыгане, главным образом из Румынии,

нередко создают нелегальные лагеря или временные поселения в разных уголках Европы. Эти поселения периодически сносятся властями, но их возникновение связано не с традиционным кочевым образом жизни, а с экономическими и социальными факторами.

Ключевой вопрос при изучении цыганской миграции заключается в том, каково соотношение между кочевыми (или бывшими кочевыми) цыганами из Румынии и другими цыганами-мигрантами из Центральной и Юго-Восточной Европы. Это соотношение зависит от множества факторов и чрезвычайно сложно для точного определения – в первую очередь из-за отсутствия достоверной статистики, постоянного перехода от одного миграционного типа к другому и изменений в политике принимающих стран. Тем не менее можно сделать некоторые общие наблюдения. Например, около десяти лет назад, когда мы жили в Берлине, число цыганских семей, приезжавших на несколько месяцев для попрошайничества на улицах, составляло сотни. В то же время количество постоянно проживающих цыганских семей, как старых, так и новых мигрантов (из бывшей Югославии, Болгарии, Турции и других стран), исчислялось тысячами, если не десятками тысяч. Разумеется, это лишь один частный случай, который может не отражать общую картину. Однако, когда речь заходит о цыганской миграции, общественное внимание и медиадискурс обычно сосредоточены на ее наиболее заметных аспектах – своеобразной ‘верхушке айсберга’. Истинные масштабы этого процесса до сих пор остаются не до конца изученными и требуют дальнейших исследований.

Логично возникает вопрос: почему большинство современных исследований цыганской миграции сосредоточены исключительно на «видимой» части этого процесса, а изучение «невидимой» мобильности остается в тени? На практике основное внимание СМИ, некоммерческих организаций и национальных или местных властей в Западной Европе привлекают лишь те цыгане-мигранты, которые живут в бедственных условиях или создают социальные проблемы. Следуя этой логике, академические исследования зачастую невольно способствуют стигматизации цыган как кочевого народа, то есть как ‘проблемного сообщества, требующего особого подхода’ (а также соответствующих финансовых вложений). Пока не наблюдается никаких признаков того, что этот подход изменится в ближайшем будущем.

Заключение

В завершение стоит сказать несколько слов о позиции современной цыганской (или, как принято говорить на Западе, ромской) гражданской и интеллектуальной элиты по вопросу кочевого образа жизни. С общеевропейской точки зрения это отношение остается сложным и неоднозначным. После Второй мировой войны цыганское движение постепенно приобрело международное измерение, а поворотным моментом в этом процессе стал Первый международный ромский конгресс, состоявшийся в Лондоне в 1971 г. (Kenrick 1971). Еще на этом конгрессе стали очевидны противоречия между представителями Западной и Восточной Европы. Для западных участников главной проблемой были ограничения, накладываемые на

кочевой образ жизни цыган, который они считали важнейшей и определяющей чертой своей идентичности. Восточноевропейские делегаты, напротив, стремились добиться полного равноправного гражданского статуса цыган в своих социалистических странах и видели в отказе от кочевого образа жизни ключевой шаг к социальной интеграции (Rixon 2019). Эти разногласия не были прямо оглашены и дискутированы при создании Международного ромского союза, но они существовали и продолжают существовать по сей день.

Один из примеров этого конфликта – публичная дискуссия в Facebook, разгоревшаяся несколько лет назад между М. Д., цыганским мигрантом из Чехии в Великобританию, и Sh. С., представителем так называемых ‘цыган и путешествующих’ (Gypsies and Travellers) из Великобритании. М. Д. считал, что главными элементами цыганской идентичности являются индийское происхождение, язык и культура («то, что делает нас цыганами»). Его оппонент настаивал на том, что главным критерием принадлежности к цыганам является кочевой образ жизни, который определяет их идентичность и сохраняет традиции. В итоге компромисс оказался невозможным: собеседники говорили буквально «на разных языках», поскольку их представления об основах цыганской идентичности кардинально отличались.

Разумеется, цыганская идентичность – это социальный конструкт. Однако в зависимости от региона этот конструкт формируется на разных основаниях: на Востоке – через этническое происхождение (индийские корни), на Западе – через кочевой образ жизни. Этот спор, по сути, отражает разные уровни социальной интеграции цыган в Восточной и Западной Европе, где отношение к кочевому образу жизни играет ключевую роль. Этого противоречия не могут избежать и европейские и международные институты, которые долгие годы, начиная с 70-х гг. прошлого столетия, пытаются найти общий знаменатель, объединяющий все эти разнородные группы в одно целое. Они стремятся ввести единое обобщающее название, охватывающее все общности, называемые в разных странах различными терминами, которое чаще всего переводят на английский как ‘Gypsies’, а на русский как ‘цыгане’. Однако многочисленные попытки закрепить термин ‘Roma’ как универсальное обозначение для них всех не увенчались успехом, и в последние годы европейские структуры в своих официальных документах вновь вернулись к двукомпонентному названию – ‘Roma and Travellers’ (Ромы и путешествующие). Это показывает тупиковую ситуацию, к которой приводят попытки социального инженерства, направленные на объединение столь разнообразных сообществ в одну универсальную категорию (Marushiaakova & Popov 2018).

Из всего сказанного становится очевидно, что кочевой образ жизни цыган в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе напрямую зависит от специфических социально-экономических условий каждой страны и проводимой политики по отношению к ним. Таким образом, кочевой образ жизни цыган представляет собой историческое явление, возникновение, существование, развитие, модификация, трансформация и, в конечном итоге, исчезновение которого обусловлены конкретными социальными, экономическими и политическими факторами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган. Новый взгляд. Воронеж: Институт этнологии и антропологии РАН, 2000.

Марушиакова Е., Попов В. Първите. Гражданска еманципация на циганите/ромите в България (до края на втората световна война). София – Братислава: Парадигма, 2025.

На оседлость переведено 7 миллиона кочевников // Правда. 1933. 24 сент. С. 4.

Смирнова-Сеславинская М. Культурная матрица проторомов как фактор формирования ромской этнической субкультуры и проблемы социализации цыган в России // Наукові записи. Київ, 2008. Т. 15 (Роми України). С. 364–384.

Черных А. В. Мобильность и социальная коммуникация в цыганских общинах России // XIII Конгресс антропологов и этнографов России. Сборник материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / Отв. ред. М. Ю. Мартынова. М. – Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. XLIII–LI.

Черных А. В. Цыганскийnomadizm: Российские модели (XIX – первая половина XX в.) // Этнография/Etnografia. 2018. № 2. С. 111–130.

Achim V. The Roma in Romanian History. Budapest – New York: Central European University Press, 2004.

Acton T., Gheorghe N. Citizens of the World and Nowhere: Minority, Ethnic and Human Rights for Roma during the Last Hurrah of the Nation-state // Between Past and Future: the Roma of Central and Eastern Europe. Ed. Guy, W. Hatfield: University of Hertfordshire Press, 2001. P. 54–70.

Bíró A. The Price of Roma Integration // From Victimhood to Citizenship / Ed. Guy, W. Budapest: Kossuth Kiadó Zt., 2013. P. 11–40.

Calzi R., Corno P., Gianferro C. Gypsy Architecture: Houses of the Roma in Eastern Europe. Edition Axel Menges, 2007.

Crowe D. M. From Persecution to Pragmatism: The Habsburg Roma in the Eighteenth Century // Austrian History Yearbook. 2006. № 37. P. 99–120.

Fraser A. The Gypsies. Oxford: Blackwell, 1992.

Gilsenbach R. Geschichte der Roma in Daten. Eine Weltchronik der Roma und Sinti, der Luri und Zott, der Boza, Ghurbat und Karachi, der Athinganoi, Cingani, und Agarenos, der Tattern, Heiden, Bohémien und Faraoni, der Tscharuri, Rudari und Ursari, der Lowara und Kalderasch, der Romanitschel und Manouches, der Gypsies and Gitanos und aller anderen ethnischen Minderheiten, die "Zigeuner" genannt werden. Band 1. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1994.

Hancock I. Danger! Educated Gypsy. Selected Essays. Hatfield: University of Hertfordshire Press, 2010. С. 95–96.

Hayden R. M. The cultural ecology of service nomads // Eastern Anthropologists. 1979. № 32, 4. P. 297–309.

Horváthová E. Cigáni na Slovensku: Historicko-etnografický náčrt. Bratislava: Vydavatelstvo Slovenskej akadémie vied, 1964.

Ivanoff J. Moken: Sea-Gypsies of the Andaman Sea. Post-War Chronicles. Bangkok: Cheney, 1997.

Kenrick D. The Romani World: A Historical Dictionary of the Gypsies (Romanies). Lanham, Maryland, MD – Toronto – Plymouth, UK: The Scarecrow Press, 2007. (2nd ed.).

Kenrick D. The World Romani Congress // Journal of the Gypsy Lore Society. 1971. III Ser. № L, 3. P. 101–108.

Krzyżanowski P. J. Między wędrówką a osiedleniem. Cyganie w Polsce w latach 1945–1964. Gorzów Wielkopolski: Wydawnictwo Naukowe Akademii im. Jakuba z Paradyża, 2017.

Magyarországon 1893. Január 31-en végrehajtott Cigányosszeiras Eredmenyei. Budapest, 1895.

Marushiaikova E., Popov V. (Eds.) Roma Voices in History. A Source Book. Roma Civic Emancipation Elite in Central, South-Eastern and Eastern Europe from 19th Century until the World War II. Paderborn: Brill & Ferdinand Schöningh, 2021.

Marushiaikova E., Popov V. (Eds.). Roma Portraits in History. Roma Civic Emancipation in Central, South-Eastern and Eastern Europe from

- 19th Century until the World War II. Paderborn: Brill & Ferdinand Schöningh, 2022.
- Marushiakova E., Popov V.* 'Letter to Stalin': Roma Activism vs. Gypsy Nomadism in Central, South-Eastern and Eastern Europe before WWII // Social Inclusion. 2020. № 8, 2. P. 265–276.
- Marushiakova E., Popov V.* De l'Est à l'Ouest. Chronologie et typologie des migrations tsiganes en Europe // Etudes Tsiganes. 2006. № 27–28. P. 10–26.
- Marushiakova E., Popov V.* Ethnic Identities and Economic Strategies of the Gypsies in the Countries of the Former USSR // Orientwissenschaftliche Hefte. 2003. № 9. P. 289–310.
- Marushiakova E., Popov V.* Gypsies in the Ottoman Empire. Hatfield: University of Hertfordshire Press, 2001.
- Marushiakova E., Popov V.* Gypsy Guilds (Esnafs) on the Balkans // Roma: Past, Present, Future / Eds. H. Kyuchukov, E. Marushiakova, V. Popov. München: Lincom Academic Publishers, 2016. P. 76–89.
- Marushiakova E., Popov V.* Gypsy Slavery in Wallachia and Moldavia // Nationalisms Today / Eds. T. Kamusella, K. Jaskulowski. Oxford: Peter Lang, 2009. P. 89–124.
- Marushiakova E., Popov V.* Migration vs. Inclusion: Roma Mobilities from East to West // Baltic Worlds. 2018. № 11, 2–3. P. 88–100.
- Marushiakova E., Popov V.* Migrations West to East in the Times of the Ottoman Empire: The Example of a Gypsy/Roma Group in Modern Iran // Anthropology of the Middle East. 2010. № 5, 1. P. 93–99.
- Marushiakova E., Popov V.* Roma Labelling: Policy and Academia // Slovenský národopis. 2018. № 66, 4. P. 385–418.
- Marushiakova E., Popov V.* Roma portairs in history Roma Civic Emancipation Elite in Central, South-Eastern and Eastern Europe from the 19th Century until World War II. Brill, Schöningh, Paderborn, 2022.
- Marushiakova E., Popov V.* Segmentation vs. Consolidation. The example of Four Gypsy Groups in CIS // Romani Studies. 2004. Ser. 5. № 14, 2. P. 157–158.
- Marushiakova E., Popov V.* Stalin vs Gypsies: Roma and Political Repressions in the USSR. Paderborn: Brill & Ferdinand Schöningh, 2024. P. 1–69.
- Marushiakova E., Popov V.* State Policies under Communism // Information Fact Sheets on Roma History. Strasbourg: Council of Europe, 2008.
- Marushiakova E., Popov V.* Vom Nomadentum zum Sesshaftigkeit – wie die Zigeuner der Süddobrudscha ihre Geschichte Überliefern // Orientwissenschaftliche Hefte. 2002. № 4. P. 75–88.
- Marushiakova E., Popov V.* Who Are Roma? // Roma Culture. Myths and Realities / Eds. E. Marushiakova, V. Popov. München: Lincom Academic Publishers, 2016. P. 7–34.
- Mezey B.* (Ed.) A magyarországi cigánykérdés dokumentumokban 1422–1985. Budapest: Kossuth Könyvkiadó, 1986.
- Picker G.* Inclusione, esclusione, exclusion: Per un' ethnografia della governance di rom migranti in Italia // Il mosaico rom: Specificità culturali e governance multilivello / Eds. Z. Moreno, S. Baldin. Milano: Franco Angeli, 2011. P. 77–87.
- Picker G.* Sedentarisation and 'the right to nomadism': The urban and regional fabric of nomad camps in Italy (1967–1995) // Zeitgeschichte. 2013. № 5. P. 276–286.
- Pivoň R.* K realizácii zákona č. 74/1958 Zb. o trvalom usídení kočujúcich osôb na území Veľkej Bratislavы // Studia Ethnologica Pragensia. 2018. № 1. P. 30–46.
- Pivoň R.* Zakon o potulných Cigaňoch z roku 1927 // Romano džaniben. 2001. № 3–4. P. 78–86.
- Preda M.-D., Vijulie I., Lequeux-Dincă A. I.* The Palace Architecture of the Roma Population in Romania // Eastern European countryside. 2018. № 24. P. 189–217.
- Puxon G.* An Account of the First World Roma Congress Held in London in 1971 // Harvard FXB Guest Writer. 2019 (<https://fxb.harvard.edu/wp-content/uploads/sites/2464/2019/05/1st-WRC-Guest-Blog-FINAL-updated-5-13-19.pdf>).
- Rochow I.* Die Häresie der Athinganer im 8. und 9. Jahrhundert und die Frage ihres Fortlebens // Studien zum 8. und 9. Jahrhundert

in Byzanz. Berlin: Akademie-Verlag, 1983. P.163–178.

Rochow I., Matschke K.-P. Neues zu den Zigeunern im Byzantinischen Reich um die Wende vom 13. zum 14. Jahrhundert // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. 1991. № 41. P. 241–254.

Roman R. B., Zahova S., Marino A. (Eds.). Roma Writings. Romani Literature and Press in Central, South-East, Southern and Eastern Europe from 19th Century until the Second World War. Paderborn: Brill & Ferdinand Schöningh, 2021.

Rotaru J., Gaunt D. The Wallachian Gold-Washers. Paderborn: Brill & Ferdinand Schöningh, 2023.

Scott J. C. The Art of Not Being Governed. An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven & London: Yale University Press, 2009.

Smirnova-Seslavinskaya M. Service Nomadism of the Roma / Gypsies in the Russian Empire: A Social Norm and the Letter of the Law // Ab Imperio. 2021. № 1. C. 51–92.

Soulis G. C. The Gypsies in the Byzantium Empire and the Balkans in the late Middle Ages // Dumbarton Oaks Papers. 1961. № 15. P. 142–165.

Stewart M. Un peuple sans patrie // Terrain: Revue d'ethnologie de l'Europe. 1991. № 17. P. 39–52.

White W. G. The Sea Gypsies of Malaya: An Account of the Nomadic Mawken People of the Mergui Archipelago with a Description of their Ways of Living, Customs, Habits, Boats, Occupations, etc. London: Seeley, Service & Co, 1922.

Анинхалли Васави
Исследовательская группа Punarchit (г. Бангалор, Индия)

ЭРОЗИЯ АГРОКУЛЬТУР И ВОПРОСЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ¹

Господствующее влияние капиталистического индустриально-химического сельского хозяйства, а также наследие превалившейся масштабной коллективизации в разных странах привели к тому, что агрокультурные комплексы по всему миру переживают множественные формы эрозии. Среди них – утрата локальных систем знаний, навыков добывания средств к существованию, а также продолжающееся разрушение традиционных структур сельских обществ. Все эти процессы в сочетании с утратой идентичности и чувства принадлежности усугубляют три глобальные проблемы: изменение климата, растущее экономическое неравенство и ослабление демократических институтов. На этом этапе антропологии необходимо осмыслить и отразить эти тенденции в разнообразных агрокультурных системах мира, а также задаться вопросом о том, какое влияние измененные агрокультуры окажут на смыслы и жизненные уклады будущих цивилизаций.

Опираясь на многочисленные этнографические исследования и вторичные источники со всего мира, в данной работе автор стремится раскрыть ключевые тенденции, которые играют важную роль в изменении отношения человека к сельскохозяйственным угодьям. Вначале анализируются термины и значения, посредством которых выражались и формировались связи между человеком и землей в досовременных сельскохозяйственных практиках и обществах, подчеркивается их значимость. Далее рассматриваются легитимирующие нарративы и принципы, благодаря которым происходили изменения в агрокультурах, и последующее разрушение отношений между человеком и землей. При этом внимание автора сосредоточено на трансформациях в эпистемологии земли, корпусе знаний, социальных структурах, производственных отношениях, а также в самой агентности и социальной ценности тех, кто связан с сельскохозяйственными землями. В заключение обосновывается необходимость учета антропологией текущих процессов разрушения сельских сообществ и их культурной значимости в условиях гиперглобализованного мира.

¹ Статья поступила в редактору на английском языке. Перевод осуществлен научным сотрудником Института гуманитарных исследований УрО РАН Е. И. Соболевой. В случае использования специальных терминов в скобках приведены данные первоисточника с пометкой «ориг.». Список литературы приведен на языке первоисточника.

В период между гегемонией капиталистического сельского хозяйства США и принудительными моделями коллективизации (*mega collectivisation*) в бывшем Советском Союзе и Китае сельское хозяйство и аграрные системы подверглись значительному разрыву с традицией. Поскольку глобальный капитализм разрушает, поглощает или вытесняет плюралистичные и разнообразные аграрные системы по всему миру, антропологии необходимо формулировать вопросы, выходящие за рамки «земельного вопроса» марксистской политico-академической мысли или вопроса о продуктивности и прибыли, который продвигается неолиберальными программами. Для современной антропологии земельный вопрос заключается не в переходе к капитализму, социализму или коммунизму, но в сохранении сельского хозяйства как ключевого источника средств к существованию и разнообразных жизненных укладов, которые оно воплощало и представляло.

Магия досовременного и некапиталистического сельского хозяйства

Начиная с детального описания Б. Малиновским (1937) «магических заклинаний», сопровождавших сложную систему земледелия у тробрианцев, до современных сложных споров, связанных с положением земли, антропология исследовала и документировала множество сельских и аграрных жизненных укладов, представляющих различные формы обществ и их культур². Последующие исследования влияния колониализма, капитализма, коммунизма, социализма и других национальных и международных программ также расширили корпус антропологических исследований земли³.

В социально-природных жизненных укладах – досовременных, малых, негосударственных и коренных обществ – земля, особенно сельскохозяйственные/садоводческие и пастбищные угодья, обладала особой аурой. К ней обращались с магическими напевами и ритуалами, которые укрепляли агрокультурные космологические системы. Земля была источником богатого набора ритуальных символов, а ее ключевые элементы – почва, вода, семена, дождь, орудия труда (мотыга, плуг, серп) – занимали важное место в различных ритуальных комплексах. Земля, интегрированная в сакральный корпус различных аграрных культур, обожествлялась: она была Пачамамой, Бхуми, Осирисом, Деметрой, Лордом Гибискусом/Шунем, Государем-просо/Хоуцзи и Тласолтеотль, а также множеством других божеств и духов в различных агрокультурах, умилостивление которых символизировало подчинение человека силам природы. Ритуалы сельскохозяйственного производства – вспашка, посев, прополка и сбор урожая – и ритуалы социального воспроизводства – совершенолетие, брак, беременность, рождение и смерть – демонстрировали

² Начиная с основополагающей работы Малиновского и заканчивая ранними этнографиями Эванса-Пritcharda, Макса Глюкмана, М. Н. Шриниваса и некоторых других, сельское хозяйство или сельская местность были основными контекстами, в которых изучались общества.

³ Начиная с конца 1960-х гг. этнографические и антропологические исследования инициировали дискуссии о влиянии колониализма, капитализма, социализма и других политических программ на аграрные общества. Знаковыми в формировании новых направлений стали работы Эрика Вульфа, Комароффа, Майкла Тауссига и других.

сходные гомологии и метафоры, указывающие на общую семантику (демонстрировали структурные параллели и символические соответствия, указывающие на общность смысловых структур (Bourdieu 1986). Сельскохозяйственные земли в таких обществах охватывали природу так же, как индивид охвачен коллективом (Comaroff 1985). Во многих из этих контекстов земля, выдержавшая даже разрушительное воздействие колониализма, рассматривалась как дар и вверение (Shipton 2010), обрабатывалась на основе прав пользования, выделяемых общиной, а не индивидуальной собственности. Земля часто была источником принадлежности и идентичности, определяя как личную ценность, так и социальный статус.

Множество агрокультур, от переложного земледелия в высокогорных районах стран Юго-Восточной Азии и севооборота коренных групп Южной Америки до интенсивных методов влажного земледелия на Бали и во Вьетнаме, воплощали сложные системы знаний и практик, которые как «технэ» были специфичны для конкретного контекста, адаптированы к местным экологическим особенностям и социальным потребностям, а также гибки и открыты для импровизации (Vasavi 2012; Flachs 2021; Stone 2022). Такие сельскохозяйственные комплексы подчеркивают степень взаимосвязи земли, социальных отношений и знаний, создавая родство, которое объединяло членов общества, даже несмотря на то, что эти связи включали иерархические аграрные структуры, санкционирующие и воспроизводящие те или иные формы эксплуатации.

Местные культуры, возделываемые, одомашненные и интегрированные в различные агрокультурные комплексы, благодаря проверенным методам были вплетены в культурную память и повседневные миры аграрных обществ. Сельскохозяйственные культуры формировали основу ритуалов, которые представляли собой воплощение социальных взаимодействий, пищевых культур и идентичности земледельцев. Несколько примеров из разных стран мира свидетельствуют о ритуальном и сакральном статусе ключевых культур. Ямс в Меланезии и на островах Тробриан считался источником пропитания и богатства. Он олицетворял труд, духовную силу, социальное могущество и престиж. Кукуруза занимала особое место в аграрной иконографии Южной Америки, организуя «пространство, время и историю людей, сделанных из кукурузы» (Galeano 1987: 28). Точно так же сакральность риса в Восточной Азии и почитание картофеля в Южной Америке – зафиксированные и признанные культурные практики.

«Чары» капитала, науки и технологий

Тем не менее за последние полтора века магия и принципы досовременного земледелия были вытеснены новыми «чарами» науки и технологий, которые продвигались капиталистическими интересами или режимами, стремившимися преодолеть социально-экономическое неравенство, присущее докапиталистическим агрокультурам. После глубоких потрясений, вызванных колониализмом, распространением индустриализма как доминирующего способа производства и попытками колLECTIVизации в бывшем СССР и Китае, совокупность национальных и глобализированных программ, которые инициировались государствами, международными агентствами развития, торговыми соглашениями и конгломера-

ратами агробизнеса, стремилась воспроизвести капиталистически-индустриальную модель американского сельского хозяйства (Mazoyer, Roudart 2008) и продвигала капитализированное, основанное на науке и технологиях земледелие в качестве одновременно биополитического и геополитического процессов (Patel 2013). Зеленая революция стала ярким примером такой модели для Южной и Юго-Восточной Азии и до сих пор продолжает оказывать разнообразное влияние в форме «Долгой зеленой революции» (Patel 2013), тогда как ее новое воплощение – «Альянс за зеленую революцию в Африке» (AGRA) – продвигает филантропокапитализм. Возглавляемый Фондом Гейтса под лозунгами повышения продуктивности, борьбы с голодом и недоеданием, а также помощи малоимущим фермерам в извлечении прибыли со своих земель, AGRA представляет собой биополитический механизм, призванный трансформировать аграрные системы Африки. Аналогичным образом на обширных территориях Южной Америки сложилась «агробиополитика», при которой скомпрометированное государство способствует экспансии корпоративного агробизнеса через институты и процессы, изменяющие смыслы труда, производства, благосостояния и гражданства (Hetherington 2020). Подобные трансформации производства легитимизируются не только через повышение доходов и обеспечение средств к существованию и продовольственной безопасности, но и посредством внедрения лабораторных и научно обоснованных концепций, которые на практике превращаются в «фактиши» (ориг. – factish) (Flachs 2019a) и вынуждают земледельцев следовать «модным тенденциям» (Stone 2007) в использовании коммерческих ресурсов. В регионах, где корпоративный агробизнес осваивает новые территории, он либо вытесняет государственные системы, либо имитирует государственные структуры (Aga 2021), проникая в сердцевину традиционных агрокультур и становясь доминирующей формой сельскохозяйственного производства (McMichael 2006; Patel 2013; Flachs 2021; Aga 2021; Hetherington 2020). Системы массового производства, основанные на передовых технологиях, ископаемом топливе, химикатах, ГМО-семенах, гормонах роста, пестицидах, удобрениях, антибиотиках, гербицидах и фунгицидах (Robin 2008; Dorin 2021; Schurman and Munro 2010; Aga 2021; Flachs 2019a), активно внедряются в сельское хозяйство. Тем не менее большая часть этих изменений в землепользовании, производстве и переработке может сохраняться в рамках некапиталистических отношений, где капитал или предприятия не несут рисков или бремени производства. Капитализм, таким образом, кооптирует существующие аграрные структуры эксплуатации, поскольку его главная цель – максимизация прибыли. Однако изменение самой природы производства и отношений человека с землей запускает цепь трансформаций, разрушающих множественность сельскохозяйственных миров.

Разрушение локальных и многообразных агрокультур

В то время как формирование нового аграрного режима происходит через легитимизирующие нарративы о повышении продуктивности и прибыли, одновременно происходит разрушение множества локальных, дифференцированных

агрокультур и связанных с ними комплексов социальных отношений, ритуальных практик, знаний и навыков. Когда земля становится собственностью, а возделывание – производством для рынка, возникают новые порядки отношений собственности и труда, организующие доходы и богатство, распределение зерна и инвестирование излишков. Способствуя накоплению капитала, сельскохозяйственные земли и их излишки формируют основу для новых процессов производства, переработки, сбыта и переупаковки. Хотя последствия таких преобразований связаны с экологическими катастрофами (включая потерю агробиоразнообразия, снижение уровня грунтовых вод, эрозию почв и др.) – все это было широко задокументировано и изучено⁴ – социальные и культурные последствия такого разрушения требуют гораздо более пристального внимания.

Вспоминая Н. И. Вавилова и его вклад в понимание семян как основы сельскохозяйственного разнообразия и продовольственной безопасности, мы можем выявить значительные эрозии, которые утрата разнообразия растений/семян нанесла различным сельскохозяйственным системам мира. По мере того как местные сорта семян вытесняются другими или утрачиваются, а гибридные семена преподносятся как панацея для решения проблемы продуктивности, происходят изменения в самой эпистемологии отношений «человек – земля» и культурной значимости семян.

От иконизации – к капитализации сельскохозяйственных культур

Современные этнографические исследования по всему миру фиксируют изменения символического статуса и характера взаимоотношений между людьми и сельскохозяйственными культурами. Кукуруза, «превратившаяся» в более привлекательный в рекламе маис⁵, наиболее широко культивируемую гибридную и генетически модифицированную культуру в мире, стала частью транснационального агробизнеса, больше ассоциируясь с «зерно-маслично-животноводческим комплексом», чем с локальными агрокультурами. В Малави превращение кукурузы из высоко ценимой профилирующей культуры в маис превратило людей в «маисовый народ», зависимый не от местного производства, а преимущественно от импортных и гуманитарных поставок продовольствия (Jakobsen, Westengen 2021). Картофель, или «великая госпожа» (ориг. – great lady), прошедшая путь от высокогорий Америки до столов России и Европы и ставшая их основным продуктом питания, потеряла свой некогда царственный статус; теперь эта культура стандартизована и выращивается по контрактной системе как обычный рыночный товар.

⁴ С момента публикации знаковой работы Дональда Уорстера (1979) о «Пыльном котле» (Dust Bowl), раскрывшей разрушительные последствия промышленного сельского хозяйства, появилось множество исследований, в которых подробно описывается экологический ущерб, наносимый современными агротехнологиями по всему миру.

⁵ Этимология слов «cōgō» (кукуруза) и «tāize» (маис) представляет особый интерес: корень слова «cōgō», возможно, немецкий (как «отдельное зерно злака»). Маис изначально назывался «индийской кукурузой», термин «tāize» происходит из языка народа таино (коренные жители Карибского бассейна), которые называли его «mahiś» (личное сообщение: Андрес Леон Арайя).

Хотя рис по-прежнему почитается в заболоченных районах Восточной и Южной Азии как основной продовольственный продукт и источник жизни, его сакральный статус находится под угрозой из-за потери биоразнообразия и распространения гибридных «чудесных сортов» риса. Эти новые «чудо-сорта», часто генетически модифицированные для повышения питательности, продвигаются различными предпринимателями, экспертами и учеными, часто с явным или скрытым одобрением властей. Они продвигают эти «чудо-сорта» под предлогом общего блага человечества, тогда как на деле их деятельность разрушает сельские сообщества и агрокультурные миры.

По всему миру распространяется американская (калифорнийская) система земледелия, превращающая сельскохозяйственные культуры в дешевую продукцию массового производства, лишенную индивидуального подхода к выращиванию и уходу. Отделенные от растений-компаньонов и священных алтарей, промышленные культуры возвышаются как «бум-культуры», «суперфуды» или «гибкие культуры» ‘boom crops’, ‘super foods’ or ‘flex crops’. На обширных внутренних районах Индонезии и Малайзии масличные пальмы становятся «бум-культурой», вытесняя большие участки тропических лесов. Соя превращается в королеву агроэкспорта Бразилии и Уругвая (см. Hetherington 2020) (see Hetherington, this volume) и захватывает огромные площади некогда пышных лесов, принося с собой целый арсенал перерабатывающей техники. Чира, некогда ценная питательная культура, выращиваемая мелкими фермерами в перуанских высокогорьях, становится «суперфудом», производимым для удовлетворения гастрономических капризов Запада, в то время как местное население в местах ее происхождения страдает от недоедания⁶. В ряде случаев разложение агрокультур на составные элементы не только вытесняет местные культуры из пищевых традиций и ритуальных практик аграрных обществ, но и порождает страх перед новыми коммерческими культурами, что свидетельствует о разрушительном социальном воздействии этих нововведений на земледельцев. Как описывает ЧАО (2018), в глубинных районах Западного Папуа пальмовые деревья (савит) стали источником кошмаров – считается, что они «поглощают» людей, поскольку они вытесняют местные культуры и сложившиеся космологические представления о растениях и животных, а также вызывают новые виды заболеваний и социальные проблемы. А в Парагвае, значительная часть которого превратилась в «Соевую республику», богатые растительным белком растения стали называть не иначе как «соя-убийца» (*la soya mata*), отражая представления людей о разрушениях, вызванных экспансиею соевых плантаций (Hetherington 2020). Капитализация сельскохозяйственных культур приводит к обесцениванию экологической устойчивости земель, экономической жизнеспособности фермерских хозяйств и социального статуса самих земледельцев. Землю и тех, кто ее обрабатывает, охватывают новые сети рисков, которые разрушают саму репродуктивную основу обществ, одновременно заманивая их в ловушку высокопродуктивных систем.

⁶ Подробнее о влиянии экспортного сельского хозяйства на сельские экономики см. Robin (2008). См. также материалы Альянса за продовольственный суверенитет в Африке (www.afafrica.org), объединяющего частных лиц и организации, которые выступают против международного сельскохозяйственного режима и стремятся возродить локальные формы земледелия в Африке.

Сеть рисков и утрата идентичности

Несмотря на то, что подавляющее большинство сельхозпроизводителей мира являются мелкими и малоземельными фермерами, капиталистическое производство стремится поставить их в еще более подчиненное и эксплуататорское положение. Результатом стало уничтожение мелких ферм и фермеров по всему миру. То, что Чаянов отмечал в Советской России – центральную роль и вклад мелких производителей в сельское хозяйство – остается актуальным для всего мира, где большинство земледельцев, таких как мелкие и малоземельные фермеры, оттесняются на периферию.

Подвергаясь воздействию нарративов, процессов и режимов, в которых локально-специфические формы взаимоотношений человека и земли были стерты, чтобы освободить место для новых отношений, ориентированных на инвестиции и прибыль, многие земледельцы по всему миру оказались впутанными в неразрешимую сеть рисков, сплетенную агрокапитализмом. Растущие затраты на покупку внешних ресурсов, долги для преодоления частых рыночных сбоев, потери продукции из-за климатических аномалий и производственные риски от болезней приводят многих к тому, что Вакулабхаранам (2005) назвал «разорительным ростом» – цикл, в котором земледельцы вынуждены увеличивать вложения и производительность, тогда как растущие затраты и риски такого производства вгоняют их в долговую зависимость. Попав на беговую дорожку завышенных ожиданий и периодических экономических убытков, жизнь многих земледельцев превращается в «биографию риска». Такие биографии малоимущих земледельцев ставят их в уязвимое положение, где экономические потери сопряжены с утратой социального статуса и значимости. Тот факт, что земледельцы по всему миру – от крупных фермеров модельных хозяйств США до мелких и малоимущих фермеров Кореи, Индии, Южной Африки и некоторых регионов Европы – решаются на самоубийство, свидетельствует о неразрывной сети рисков, охватившей сельхозпроизводителей. В таких замкнутых социальных кругах долг становится не просто экономическим бременем, но социальной ношей, чреватой потерей поддержки коллектива и отсутствием альтернативных средств к существованию. Попадая в замкнутый круг долгов и выплат, каждый земледелец становится подчиненным агентом в сложных финансовых операциях капитализированного сельского хозяйства. Неплатильщики сталкиваются не только со стрессом от неурожаев или неудач на рынке, но и с утратой чувства собственной идентичности, личного достоинства и социального статуса. Как следствие, самоубийства фермеров стали ключевым проявлением глубокого структурного и культурного кризиса сельского хозяйства. Они демонстрируют, в какой степени разрушение аграрных социальных и культурных структур привело к опустошению самой личности земледельца (Vasavi 2012). Эти самоубийства отражают масштабы, в которых «чудеса» агрокапитализма не смогли компенсировать утрату того, что Нароцки и Беснье определяют как неэкономическое богатство, которое включает «отношения доверия и заботы, экономику аффекта, сети взаимопомощи, охватывающие как материальные, так и нематериальные ресурсы, а также материальные и эмоциональные трансферы, которые подкреплены моральными обязательствами» (2014: S6).

Это разрушение социальных структур аграрных обществ согласуется с пропорционной критикой Герберта Маркузе в адрес развитых промышленных капиталистических и коммунистических экономик, которые ставили «производительность» выше человеческого благополучия и оказались разрушительными для общества. Его концепции «деструктивной производительности» и «самодвижущейся производительности», в ловушку которых попадают люди и которые ведут к десублимации общества (Marcuse 1969), сегодня находят свое подтверждение на обширных сельских и аграрных территориях мира. По мере того как научно-технологические чудеса производительности становятся основой для опустошения аграрных жизненных миров, они обеспечивают рост мета-агробизнес-корпораций, которые бросают вызов некоторым основополагающим принципам агрокультур, демократии и прав работников аграрного сектора.

Отказ в правах и признании сельских граждан

Административные и доминирующие нарративы, принижающие роль и вклад мелких землевладельцев в сельское хозяйство, способствовали реализации программ, ведущих к маргинализации аграрных вопросов и сельских граждан. В результате процессы обнищания, декрестьянизации и массового перемещения сельского населения в нестабильные городские экономики стали повсеместным явлением во всем мире. С одной стороны, земля как спекулятивный актив глобального рынка стимулирует свою концентрацию у ограниченного круга лиц, в результате чего крупные землевладения сверхбогатых интегрированы в международный «режим неравенства» (Piketty 2020), в котором политический режим и режим собственности совпадают. С другой стороны, политика намеренно игнорирует давно укоренившиеся аграрные структуры, которые воспроизводят неравенство и эксплуатацию и благодаря этому сохраняют докапиталистические отношения, способствующие производительности и прибыли. Рост и консолидация таких крупных землевладений и последующая девальвация мелкомасштабных агрокультур находят отражение в опустошении некогда устоявшихся политических философий, которые превозносили ценность земли как общественного блага, имеющего значение для общего блага человечества и политического статуса сельских граждан. Приобретение земли в качестве инвестиций в США (Linklater 2013), возглавляемое сегодня IT-магнатами – крупнейшими землевладельцами мира – разрушает джефферсоновский идеал «фермера-йомена» как основы американской демократии. В Индии интеграция разнообразных сельскохозяйственных систем страны в гегемонистскую модель «Зеленой революции» перечеркнула любую возможность реализации концепции «экономики постоянства (economy of permanence)⁷ гандианского экономиста Дж. К. Кумараппы, которая должна была преодолеть ограничения сельского хозяйства, основанного на росте и продуктивности. Китайская на-

⁷ Дж.К. Кумараппа (1892–1960) – гандианский экономист и философ, критик западного индустриализма. Помимо разработки концепции «экономики постоянства», он основал несколько децентрализованных сельских производственных центров и выступал за то, чтобы Индия пошла по новому экономическому пути (подробнее см. Govindu and Malghan, 2016).

циональная идеология, якобы опирающаяся на успех революции, возглавляемой сельским обществом, теперь сталкивается с реальностью «сельских пустот» ('rural voids') (Driessen 2017), где заброшенные деревни свидетельствуют об антисельской повестке глобализирующегося Китая. Аналогичная ситуация наблюдается в постсоветской России, где сельское хозяйство как занятие и сельская местность как место производства были отодвинуты на второй план (Emelianov 2012).

Культуры в постаграрном мире?

Новые методы повышения продуктивности и получения прибыли, как мы видим на примере сельского хозяйства, превратились в инструменты, которые стали основой для современных форм «расколдовывания мира» (*disenchantment*) и привели к дезинтеграции разнообразных аграрных обществ. Огромные территории некогда плодородных сельскохозяйственных регионов мира превратились в зоны экологического бедствия, характеризующиеся не только разрушением экосистем и утратой природных ресурсов, но и распадом сельских сообществ. Калифорния и Средний Запад США – родина фруктово-овощных и зерновых корзин Соединенных Штатов – сегодня представляют собой места продолжающегося экологического опустошения; некоторые страны Южной Америки хранят глубокие шрамы разрушенных сельскохозяйственных обществ, жители которых идут на отчаянные меры, чтобы стать рабочими-мигрантами в Северной Америке. Сахель в Африке превратился в зону хронического голода; амазонские регионы Южной Америки, «легкие планеты», были выжжены под гигантские соевые плантации и мясные фермы, лишившись своего биологического разнообразия; Пенджаб в Индии, некогда национальная житница, столкнулся не только с эпидемией рака, но и с опустошением сельских территорий. Афганистан, который сегодня является одной из самых неспокойных стран мира, демонстрирует не только последствия неудачной геополитики, но и пример того, как некогда богатые аgro-садоводческие модели были разрушены, а доминирующей и теневой экономикой стала система выращивания, переработки и продажи опиума. На Ближнем Востоке утрата аграрной цивилизационной основы осталась незамеченной на фоне нефтедолларовой системы, которая определяет политическую экономику региона. На островах Тробриан пышные сады, создававшие богатые хранилища ямса – символа статуса, богатства и благополучия – сегодня сталкиваются с последствиями глобального потепления⁸.

Мы наблюдаем трансформацию разнообразных агрокультурных жизненных миров в комплексы агробизнеса, которые теперь определяют человеческую жизнь и цивилизации. Это переход от логики устойчивости к беговой дорожке экстрактивной экономики; от земли как общинного владения к земле как товару; от био-

⁸ См. Porch 1986, Robin 2008, Newbury and Newbury 2000, Sandhu 2019, Philbot 2020, Ayl 2021, Li 2014. О современных условиях на островах Тробриан см. Senft 2014.

разнообразных местных продовольственных систем к монокультурным глобальным продовольственным режимам; от коллективных производственных моделей к индивидуализированным рискам; от сакрализации местных культур к коммодификации и даже демонизации капитализированных культур. В разрушенных сельских мирах кризис проявляется как множественная эрозия: чувства приналежности, социально сформированной и подтвержденной идентичности, осмысленного труда, способности производить/воспроизводить свои социальные структуры. Если «расколдовывание» (*disenchantments*) капиталистического сельского хозяйства указывает на последствия превращения земли в элемент продуктивистской модели или возникающих ассамбляжей (*assemblages*), то стирание потенциала сельхозземель как важнейшего источника и символа культурного разнообразия, а также их роли в определении цивилизационной множественности остается незамеченным.

Антропологии необходимо учитывать последствия набирающих силу концепций «ферм без фермеров» или «мира без сельского хозяйства» (Timmer 2009, цит. по Dorin 2021). Перед лицом этих тенденций антропология может использовать свои проверенные методы глубинного понимания, чтобы отобразить великий распад агрокультур и аграрных обществ и сформулировать несколько вопросов.

Позволит ли такое переосмысление отношения к сельскохозяйственным землям и их использования создать условия для формирования постпродуктивистских и посткапиталистических аграрных представлений? Может ли земля стать основой новых экономик «антироста» (*de-growth economies*), площадкой для восстановительных, природоохранных, агроэкологических и общинных форм сельского хозяйства? Можно ли противопоставить легитимизированные ради продуктивности, эффективности, приватизации, бесконечного роста и превращения земли в ассамбляж (*assemblage*), альтернативное видение сельхозземель и методов их обработки как пространства эпохи постантропоцене? Сталкиваясь с множественными кризисами, угрожающими планете и человечеству, может ли антропология предложить ориентиры для восстановления сбалансированных отношений человека и земли вместо их подчинения капиталистической прибыли? Антропологии предстоит продолжить изучение последствий капитализированного сельского хозяйства и стать наукой, сопровождающей человечество на пути к переосмысленным и укрепленным агрокультурным обществам и культурам.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

- Aga Aniket.* Genetically Modified Democracy: Transgenic Crops in Contemporary India. New Haven: Yale University Press, 2021.
- Ajl Max.* 2021. Does the Arab Region have an Agrarian Question? // Journal of Peasant Studies. 2021. Vol. 48 (5). P. 955–983.
- Bourdieu Pierre.* Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Chao Sophie.* In the Shadow of the Palm: Dispersed Ontologies among Marind, West Papua // Cultural Anthropology. 2018. Vol. 33 (4). P. 621–649.
- Comaroff, Jean.* Body of Power, Spirit of Resistance: The Culture and History of a South African People. Chicago: University of Chicago Press, 1985.
- Dorin Bruno.* Theory, Practice and Challenges of Agroecology in India // International Journal of Agricultural Sustainability. 2021. Vol. 20 (2). P. 153–167.
- Emelianov Yuri.* A note on Agriculture in Russia Today // Review of Agrarian Studies, 2012. Vol. 2 (1). P. 162–170.
- Flachs Andrew.* The Factish in the Field: An Anthropological Inquiry of Genetically Modified Seeds and Yields as Beings // Science and Technology Studies. 2019. Vol. 32 (3). P. 26–43.
- Flachs Andrew.* 2021. Planting and Performing: Anxiety, Aspiration, and “Scripts” in Telangana Cotton Farming // American Anthropologist. 2021. Vol. 121 (1). P. 48–61.
- Galeano Eduardo.* Genesis: Memory of Fire. Part I. London: Quartet, 1987.
- Hetherington Kregg.* The Government of Beans: Regulating Life in the Age of Monocrops. Durham: Duke University Press, 2020.
- Jakobsen Jostein and Westengen Ola T.* The Imperial Maize Assemblage: Maize Dialectics in Malawi and India // Journal of Peasant Studies. 2021. 20 Apr. P. 536–560.
- Linklater Andro.* Owning the Earth: The Transforming History of Land Ownership. New York: Bloomsbury, 2013.
- Malinowski Bronislaw.* Coral Gardens and their Magic: A Study of the Methods of Tilling the Soil and of Agricultural Rites on the Trobriant Islands (Vol I: the Descriptions of Gardening). London: George Allen and Unwin Ltd, 1934.
- Marcuse Herbert.* An Essay on Liberation. Boston: Beacon Press, 1969.
- McMichael Philip.* Feeding the World: Agriculture, Development and Ecology, In Coming to Terms with Nature. Eds. Leo Panitch and Colin Leys. New Delhi: Socialist Register / Left Word Books, 2006.
- Narotzky Susana and Besnier Niko.* Crisis, Value and Hope: Rethinking the Economy. An Introduction to Supplement 9 // Current Anthropology. 2014. Vol 55 (supplement 9). P. 4–16.
- Patel Raj.* The Long Green Revolution // Journal of Peasant Studies. 2013. Vol. 40 (1). P. 1–63.
- Piketty Thomas.* Capital and Ideology. Translated by Arthur Goldhammer. Cambridge/Mass: Belknap/Harvard University Press, 2020.
- Robin Marie-Monique.* The World According to Monsanto: Pollution, Politics, and Power. An Investigation into one of the World’s Most Controversial Companies. (translated from the French by George Holoch). New Delhi: Tulika Books, 2008.
- Stone Glenn Davis.* Agricultural Deskilling and the Spread of Genetically Modified Cotton in Warangal. // Current Anthropology. 2007. Vol. 48 (1). P. 67–103.
- Stone Glenn Davis.* The Agricultural Dilemma: How Not to Feed the World. New York: Routledge, 2022.
- Vasavi A. R.* Suicides and the Predicament of Rural India. Gurgaon: Three Essays Collective, 2012.

А. А. Асанканов

Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова
Национальной академии наук Кыргызской Республики
(г. Бишкек, Кыргызстан)

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КЫРГЫЗОВ С НАРОДАМИ АЛТАЯ

Совместные полевые этнографические экспедиции (интервью, беседы с местными жителями, посещение Национального музея и других национально-культурных центров), состоявшиеся в 2022–2024 гг. в г. Горно-Алтайске (Республика Алтай), в особенности в его южной части (ОНгудайский, Кош-Агачский и Улаганский районы), дали дополнительные материалы, способствовавшие выявлению этногенетических и историко-культурных связей народов Центральной Азии, в том числе кыргызов, с этническими общинами Алтая. Перед этнологической экспедицией стояла задача проследить общее и отличительное в этногенезе, этнической истории, хозяйстве, материальной и духовной культуре традиционного общества в конце XIX – начале XX в.

Как известно, наличие идентичных, параллельных племен, имеющихся у кыргызского этноса и народов Алтая, служит важным источником по изучению их этногенеза и этнической истории с древности до средневековья. Эти племена, как составные и неотъемлемые части двух этнических общин, имеющиеся и у кыргызов, и у алтайских народов, на наш взгляд, прежде всего, свидетельствуют об их тесной этногенетической и этнокультурной взаимосвязи (см. табл. № 1). Такое обильное наличие идентичных этнических племен и родов у кыргызов и алтайских народов не встречается ни в одном из тюркоязычных народов Евразии, даже у соседнего и близкого по языку и в этнокультурном отношении к кыргызам народу – у казахов. Существование таких племен среди двух народов свидетельствует об их совместном пребывании в одном этносоциальном ареале, что, безусловно, влияло на формирование их общей этнической истории, хозяйства и культуры.

Географическая и экологическая среда юга Республики Алтай, начиная с южной части Онгудайского района, включая Кош-Агачский и Улаганский районы, где наряду с другими алтайскими этническими племенами расселены некоторые упомянутые общности, резко отличается от северной части, территория которой в основном представлена тайгой.

Таблица № 1

**Наличие параллельных племен и родов
среди кыргызского и алтайских народов**

Народ	Кыргыз (уруулар)	Алтайцы (сөөк)	Тувинцы (сумоны)
<i>род</i>	долон		долоон
<i>племя</i>	азык	ас	
<i>род</i>	торт тамга	торт ас, ач кештим	
<i>племя</i>	кыпчак	кыпчак	
<i>племя</i>	мундуз	мундус	
<i>род</i>	коткор мундуз, жарыке,	кочкор мундус, дъарык (ярык), чулум мундус	
<i>племя</i>	төөлөс (дөөлөс)	төөлөс (телес)	
<i>род</i>	чулум кашка	чулум мундус	
<i>племя</i>	меркит	меркит (мирkit, мүркүт)	иргит
<i>род</i>	бүркүт, керейит (төөлөс) (дөөлөс)	кергит, ирkit	адай-иргит, ак иргит
<i>племя</i>	найман	найман (майман)	
<i>род</i>	кара найман, көкөнайман	көгөл найман	
<i>племя</i>	саруу	балыкши	балыкчи
<i>род</i>	балыкчи		
<i>племя</i>	куу уул	куу кижи	куулар (лебеди)
<i>род</i>			кезек куулар
<i>род</i>	таздар (тастар), чоро	тастар, йыттас, чор, чорос	
<i>род</i>	тогуз уул, тогузак, монол (моңолдор)	тогус, могол,	
<i>род</i>	туума, туума кашка	тумат, ак тумат, кара тумат	тумат- (улуг тумат 'большой тумат')
<i>племя</i>	сарт		- сат, (борбак сат - букв. круглый сат', кезек сат - часть сатов, шыргай сат - густой, т. е. много, сат')

Народ	Кыргыз (уруулар)	Алтайцы (сөөк)	Тувинцы (сумоны)
<i>род</i>	сарт кыпчак	сарт	сарт уул
<i>род</i>		кыргыз, пурут	
<i>племя</i>	төбәй	тубалар, телеут, теленгет (төлөнгүт)	делег-делек, телеут или теленгит
<i>род</i>	төлөк	'телеут или, теленгит	делег-делек, дөлөк
<i>род</i>	кабели	кообалы	ховалыг
<i>племя</i>	саруу	алтысары	сарыглар
<i>род</i>	жабагы	ябак, сарыглар	эдегей сарыглары, ак сарыглары (акские арыглары)
<i>племя</i>		кыргыз, кыргыс	кыргыс 'кыргыз' 'доргунский кыргыз', Улуг-Хем кыргыстары, эрзин кыргыстары, кыргыс-маады, кыргыс-ховалыг
<i>род</i>	мады		маады (кезек маады, кыргыс-маады)
<i>племя</i>	муңгуш		моңгуш-монгуш
<i>род</i>			адай-моңгуш, ак моңгуш, биче моңгуш (младший монгуш), кара моңгуш, улуг моңгуш
<i>род</i>	ондон		ондар-кара ондар, кара уйгур ондар, ой ондар (ондар из низины), улуг ондар (большой ондар)
<i>племя</i>	саяк		саая
<i>племя</i>	адыгине		адыг-тулуш

В таблице использованы материалы члена Международной экспедиции С. Н. С.,
К. И. Н. Р. Жолдошева.

Южную часть Республики Алтай, в которой расселены племена из табл. № 1, занимают плоские, невысокие «голые горы» с редкими лесными растениями и долинами между ними. Чем дальше на юг, тем реже становится лесной массив и усиливается просторный степной хребет с альпийскими лугами. Высокие и степные хребты разделяются узкими и глубокими речными долинами, редкими широкими межгорными котловинами, удобными для выпаса скота и вертикального кочевания скотоводов. На Алтае, в том числе на юге, – суровые климатические условия, высокогорье и мерзлота. Если зимой температура спускается до -40, то летом поднимается до +40. Особенностью Алтайских гор является протяженность на 1847 км. Районный центр Кош-Агач находится на высоте 1800 м. Это значительно ниже, чем в Республике Киргызстан, высота территории которой над уровнем моря составляет в среднем 2750 м. Если провести параллели с точки зрения экологической среды, юг Республики Алтай и Киргызстана, как показала экспедиция, очень похожи. Экологическая среда этих местностей, как Киргызстана, так и юга Алтайской Республики, предрасположены к формированию идентичного традиционного хозяйства – скотоводства, вертикального кочевания.

Киргизы, как и алтайцы, в основном держат овец, коз, коров, лошадей, верблюдов и яков. У рассматриваемых этнических общин, прежде всего, в системе животноводства, овцы и козы занимают первое место, на втором – лошади, затем коровы и верблюды, и на последнем месте – яки.

Алтайцы, как и киргизы, в течение одного года в поисках сочной зеленой травы перекочевывают вертикально, с долин в горы и обратно, с одного места на другое, четыре раза. Названия сезонных стойбищ и пастбищ совпадают. В частности, теленгиты Кош-Агача называют зимнее стойбище *кышту* (у киргизов – *кыштоо*), весенне – *жазы* (кирг. – *жаздоо*), осенне – *кузу* (кирг. – *куздөө*), летние пастбище – *жайлу* (кирг. *жайллоо*). Расстояние между сезонными стойбищами и пастбищами и у киргизов, и у алтайцев составляет примерно 30–100 км. Теленгиты традиционно кочевали по таким летним пастбищам, как Көгөрү-Башы, Чүй-Башы, Боро-Бургусу, Талдуу-Айры, Бугусун, Жумгалуу.

У киргизов и у алтайцев названия скота в зависимости от возраста также очень сильно похожи, с небольшими различиями. В частности, названия разных возрастных категорий для овец: алтайцы – *Козу*, *Курган*, *Кунан*, *Дөнөн*; киргизы – *Козу*, *Токту*, *Кой*. Маточных овец алтайцы называют *төрөр кой* (кирг. *туут кой*). Кастрированных баранов называют *куча* или *кочкор* (кирг. *кочкор*), а некастрированных обозначают словом *ирик* (кирг. *ирик*). Возраст овцы определяют, осматривая зубы. Коров называют *инек* (*ийнек*), тогда как в нижних зонах – *уй*. Некастрированные быки называются *бука* (кирг. *бука*), а кастрированные – *чар*. Названия лошадей по возрасту также схожи: алтайцы – *кулун*, киргизы – *кулун*; алтайцы – *жаба*, киргизы – *жабагы* (*тай*); алтайцы – *кунан*, киргизы – *кунан*; алтайцы – *дөнөн*, киргизы – *ат* (*бир асый*). Кобылу как алтайцы, так и киргизы называют *бее*, некастрированного жеребца – *айгыр*, а кастрированных лошадей называют *ат*.

Алтайцы, как и киргизы, готовили впрок мясо на зиму – *согым* (кирг. *согум*), в основном – конину. Традиционно алтайцы предпочитали мясо лошадей, особенно молодых особей 1,5–2,5 лет. Режут молодое животное обычно в ноябре – декабре, мясо хранят в квадратной деревянной нише. Туда сначала засыпают снег,

потом мясо, которое таким образом хранится до весны. У южных алтайцев, как и у кыргызов, любимые и наиболее почитаемые блюда: чочух (кырг. чучук) – колбаса из мяса передней брюшной стенки конины, и карта (кырг. карта) – конская толстая кишка, вывернутая наизнанку (жиром внутрь).

В период исследований в селе Мөндүр Соккон Уст-Канского района автору удалось увидеть на хозяйственной полке *айыла* (кырг. алачык) очищенный – крестьец уча (задок) молодого (годовалого или двухгодовалого) жеребца (*тай* или *кунан*). Хозяйка дома объяснила, что этот уча они с мужем получили в гостях у сватов, во время свадьбы дочери (Полевые материалы автора (ПМА) 2022, с. Мөндүр Соккон, Р. Алтай). У алтайских народов уча подают только на свадьбе, в конце церемонии, в качестве кульминации пиршества, и только самым почетным гостям. Уча в первую очередь подается матери невесты. По традиции хозяева дома хорошо чистят мясо от костей и ставят на видном месте полки *айыла*, и уча находится там, пока не появится ребенок и молодая семья не окрепнет. Только тогда, когда родители убедятся в том, что молодые крепко держатся друг за друга, а семья уверенно становится на ноги, уча убирают с полки. Таким образом, уча, по алтайским обычаям, служит символом и молодой, крепкой семьи, и продолжения рода. Однако кыргызы подают уча не только на свадьбе, но и на других семейных торжествах, не только свату и свахе, но и почетным гостям, часто – старшим по возрасту людям. На наш взгляд, после того как кыргызы в середине II тыс. н. э. оказались на Тянь-Шане (Мокеев 2010: 16), этот древний обычай, вероятно, претерпел изменения, и уча начали подавать на других семейных и общественных торжествах или поминках. Подавали старшему по возрасту или почетному гостю. Так или иначе, эти параллели в традиционном приеме пищи у южных алтайских народов и кыргызов свидетельствуют об их этногенетической и историко-культурной связи в прошлом.

В период этнологической экспедиции автору, как и другим членам экспедиции, удалось зафиксировать, как южные алтайцы режут и разделяют барана, и порядок подачи его мяса гостям. С небольшим отклонением от традиции кыргызов, у алтайцев процесс почти такой же. В частности, алтайцы пускают кровь и умертвляют барана не разрезанием передней части шеи (горла), а через небольшой разрез грудной клетки, указательным пальцем, ловко вырывая аорту. После чего мясник касапчы отделяет шкуру от мяса, убирает голени. Алтайцы сдирают кожу с головы барана. Не разделяют нижнюю часть головы от верхней, а варят ее целиком (ПМА 2022, Устканский район Р.Алтай). Остальные процессы разделки туши в целом проходят также, как у кыргызов. Названия двенадцати костей (*жиликов*), головы (*башы*) у алтайцев, почти как у кыргызов, с небольшой разницей. Во время экспедиции, прежде чем вскрыть внутренности барана, *касапчы* отрезал небольшой тонкий кусок мяса с шерстью, размером чуть больше ладони руки, с грудины (*төш*) для *керчөө* (по-алтайски также *керчөө*) и передал помощнику. Последний, немного посолив, продержав и поджарив мясо на огне в течение 5–10 минут, разрезал его на небольшие куски и угостили всех присутствующих слегка обжаренными кусками мяса – *керчөө*. Молодые женщины и девушки, которые помогали разделщику мяса, тщательно очистили водой кишки, заполнили кровью из внутренностей и приготовили колбасу из крови *кан-быжы* (по-алтайски также *быжы*). Из кишок, внутреннего жира,

тонко нарезанного карына (брюхо) и легкого женщины заплетали косичку в форме ленты жөргөм (по-алтайски – дөргөм).

Пока варилось мясо в казане полтора-два часа, через полчаса с начала варки гостям подали куйрук-боор (алт. Куйрук-боор) – тонко нарезанные печень и жир от куйрука – задка, немного пересоленное. Еще через полчаса подали вареную быжы – колбасу из крови. А еще через некоторое время подали гостям жөргөм (дөргөм). Таким образом, алтайцы, как и кыргызы, пока варились мясо баранины, поочередно подавали к столу быстро варящиеся части – куйрук боор, быжы и жөргөм, и тем самым не давали голодать гостям, пока те ждут основное блюдо – вареное мясо.

Наконец, через два часа подали основную еду – вареную баранину в виде устуканов (костей с мясом на ней) на большом подносе, вместе с бульоном с талканом (толокно). Распределитель костей – жиликов, неплохо знавший, кто и какую часть туши должен получить, раздал их всем гостям. Жилики подавали, учитывая возраст и статус гостей.

Автору статьи, как самому старшему из всех присутствующих гостей, подали грудину төш, самый почетный по алтайским традициям устукан. Самый младший член экспедиции, наоборот, получил жамбаш – тазобедренную кость.

Представляется, что этот обычай требует внимательного изучения. На наш взгляд, во времена обитания кыргызов на Алтае вместе с алтайскими этническими общинами подача костей-жиликов людям, принимающим участие в трапезе, вероятно, имела сакральное значение. Когда во II тыс. н. э. они оказались на новом месте, на Тянь-Шане, соприкасаясь с совершенно иной этносоциальной средой, культурой и религией, эта традиция получила новую форму, более практический характер. Однако этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

В период пребывания в районном центре Онгудайского района (с. Онгудай), что находится к югу от г. Горно-Алтайска, автору пришлось увидеть, услышать, даже поиграть с известным мастером традиционной игры, Президентом республиканской федерации народной игры «Чатыраш» (ПМА 2022, с. Онгудай, Р. Алтай). Эта народная игра активно бытует среди алтайцев, проходят даже турниры республиканского масштаба. За последние полстолетия алтайцы восстановили, возродили эту забытую игру, проводятся личные и командные чемпионаты на уровне республики. Они организуются по правилам, утвержденным комитетом по физической культуре и спорту Республики Алтай. Строки об игре «Чатыраш» («Шатра») встречаются в устном народном творчестве алтайцев. Например, в эпосе «Козын-Эркеш» говорится:

Жажыл торко чиби бүриле
Кеен јараш јапаш эткен
Козын-Эркеш баатыр ла
Байым-Суур – кеен кыс
Шатра ойнол, јыргап отурды (Символика алтайской игры).

Перевод автора:
Сделав себе чудесный шалаш

Из шелковисто-зеленых ветвей ели,
Богатырь Козын-Эркеш
С девушкой-красавицей Байым-Суур,
Играя в «Шатру», веселились.

По мнению алтайских исследователей, умение хорошо играть в «Шатру» («Чатыраш») считалось одним из достоинств положительного героя.

В разделе «Чон каза» эпоса «Манас» есть такие строки:

Андан мурун эр Манас
Аралап ётүп көп колдон,
Кымкаптаган чатырда
Чай кайнатып, нан малып,
Сары аякка бал салып,
Чатыраш ойноп, даң салып
Отурган эле кошунда (Манас 2016: 161 б).

Перевод:

Прежде всего храбрый Манас
Прорвался через многочисленные войска.
В красиво украшенной палатке
Окунал свой хлеб в заваренный чай
С медом в желтой пиалке,
Сидел в окружении своих соратников,
Играл в игру «Чатыраш»,
Издавая громкие возгласы!

Поскольку в эпосе «Манас» есть такие строки, значит, кыргызы когда-то играли эту игру. В эпосе «Манас» сведения об игре чатыраш встречаются несколько раз, представлено несколько вариантов. Однако в наше время у кыргызов она практически забыта. Вместе с тем слово «Чатыраш» до сегодняшнего дня сохранилось. Оно означает «рисунок в клетку», то есть, например, «Чатыраш дептер» (кырг.) переводится как «тетрадь в клетку» или дикое растение. Но оно медленно, постепенно выходит из языка и редко применяется в бытовой речи.

Этимология слова «шатра» по «Древнетюркскому словарю» объясняется перенятым с персидского языка словом «шатрандж», обозначающим «шахматы» (символика алтайской игры). Знаток алтайского языка протоирей В. И. Вербицкий в своем «Словаре алтайского и аллагского наречия тюркского языка» пишет, что *шатра* – это игральные шашки, *шатра ойно* – игра в шашки (Вербицкий 2002: 447). В учебном пособии «Манасоведение», подготовленном рядом ученых и манасоведов для образовательных учреждений Кыргызстана, пишется, что «игра кыргызов чатыраш – это шахматы» (Учебное пособие 2011). Однако, как показали результаты наших полевых исследований в Онгудайском районе Республики Алтай, традиционная игра алтайцев «чатыраш» не является игрой в шашки или шахматы. Как по форме, так и по содержанию игра «шатра» отличается от них. Для нее берутся специальная доска и два вида фигур: богатыри (*баатырлар*) и воины (*јуучылдар*) (Символика ал-

тайской игры). В традиционном варианте игры шатра, описанном С. Я. Пахаевым, участвуют две стороны игроков. Заключается она в сражении двух богатырей с 24 воинами. Богатыри стремятся «порубить» наибольшее число воинов и тем самым одержать над ними победу. Целью воинов является пленение богатырей (Учебное пособие 2011).

Конечная цель игры для стороны, играющей воинами, состоит в «пленении» обоих богатырей, т. е. в создании такой позиции, когда те лишены возможности сделать очередной ход. Богатыри могут быть закрыты на любых точках доски, как в «крепости», так и в поле. Цель стороны, играющей богатырями, – взятие наибольшего числа фигур воинов и недопущение «пленения» ими богатырей. Для противника, играющего воинами, проигрышем служит потеря большинства, т. е. 13 фигур, и отсутствие возможности «пленить» богатырей; положение, когда в течение 24 ходов с момента получения права передвижения фигур не осуществлено «пленение» богатырей; а также троекратное повторение ходов одной и той же фигурой на одни и те же точки. Для противника, играющего богатырями, партия считается проигранной, если воины «пленили» обоих богатырей, т. е. этими фигурами нельзя сделать очередного хода. Партия заканчивается только тогда, когда победит одна из играющих сторон. Подобные алтайской игре «шатра» игры имеются и у других народов Центральной Азии (монголы, тувинцы и др.) (Учебное пособие 2011).

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов. Уча, по алтайским обычаям, служит символом и молодой, крепкой, дружной семьи, и продолжения рода. Его подают только свату и свахе на свадьбе, как и у кыргызов. Однако кыргызы подают уча не только на свадьбе, но и на других семейных торжествах, не только свату и свахе, но и почетным гостям или старшим по возрасту людям. После того как кыргызы оказались в середине второго тысячелетия на Тянь-Шане, этот древний обычай, вероятно, претерпел изменения, уча начали подавать и на других семейных и общественных торжествах или поминках старшему по возрасту или почетному гостю. В любом случае эти параллели в традиционном приеме пищи у южных алтайских народов и кыргызов свидетельствуют об их этногенетической и историко-культурной связи в прошлом. Традиционные приемы разделывания туши овцы, как было показано выше, в названиях ее костей, традиции подачи вареного мяса во время трапезы у алтайцев с кыргызами почти одинаковы и особых различий не имеют. Алтайцы и кыргызы в традиционной пище отдавали предпочтение в выборе мяса конине и внутренностям после раздела туши. Традиционная логическая игра «чатыраш» как у кыргызов, так и у алтайских народов (*шатра*), бытовала в древности, что свидетельствует об их этногенетической связи и историко-культурной общности. Сейчас эта традиционная игра сохранились в быту алтайцев, а у кыргызов – только в устном народном творчестве, в частности в героическом эпосе «Манас».

Выше нами показаны только отдельные, встречавшиеся в период полевой этнологической экспедиции, этносоциальные параллели, бытующие до сих пор в культуре алтайских народов, исчезнувшие или забытые в быту кыргызов, но оставшиеся в названиях явлений в культуре.

Собранные членами этнологической экспедиции 2022–2024 гг. по южной части Республики Алтай материалы и найденные параллели в явлениях этнической культуры отражают этногенетические и историко-культурные связи кыргызов с народами Горного Алтая в древности и средневековье.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Вербицкий В. И. Словарь алтайского и ала-дагского наречий тюркского языка. Издание второе. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2005.

Мокеев А. Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. Бишкек, 2010.

Манас. Баатырдык эпос. Училтиктин биринчи бөлүгү. Канондоштурулган вариант. Бишкек, 2016.

Манасоведение. Учебное пособие / Под ред. К. К. Иманалиева, Р. З. Кыдырбаевой,

А. А. Бакирова, Ж. К. Орозобековой, Т. А. Бакчиева, Н. Х. Бекмухамедова. Бишкек, 2011.

Полевые материалы автора (ПМА). Село Мөндүр Соккон Устканского района, Онгудайский район Республики Алтай, 2022.

Символика алтайской игры в Шатра [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/topic-73021882_31158599 (дата обращения: 07.05.2025).

М. С. Каменских

Институт гуманитарных исследований УрО РАН (г. Пермь, Россия)

А. В. Плотников

Глава Коми-Пермяцкого округа – министр Пермского края
(г. Кудымкар, Россия)

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ ОКРУГ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА: ХХ–ХХІ ВВ.

(к 100-летию Коми-Пермяцкого округа Пермского края)

В 2025 г. исполняется 100 лет с момента создания первого в истории российского государства национального округа – Коми-Пермяцкого, заложившего новый период в истории российского федерализма, связанный с созданием национальных округов – этнотERRиториальных автономий внутри более крупных административных образований. Исторический опыт округа показывает уникальность этой территории и в истории российского государства, и в системе отечественного федерализма ХХ–ХХІ вв., что и будет показано в рамках данной статьи.

Если говорить об истории данной территории, в ее основе лежит культура коми-пермяцкого народа. В единое этническое образование предки коми-пермяков стали складываться с V в. н. э. К их прямым предкам исследователи относят племена родановской археологической культуры IX–XV вв. (Чагин, Черных 2002: 17). С предками коми-пермяков связана и история государственного образования Пермь Великая, которое вошло в состав Московского государства в XV в., став первым иноэтнокультурным образованием, вошедшим в состав Московского государства (Оборин 1990: 96–145). Большое значение в процессах интеграции этой территории в составе Русского государства сыграло принятие большинством коми-пермяков христианства в XIII–XV вв. (Чагин 2013: 77–81).

До конца XVIII в. протекали процессы этнической консолидации коми-пермяцкого народа. В результате к началу ХХ в. их компактное проживание сложилось на территориях Оханского, Чердынского и Усольского уездов Пермской губернии, а также Орловского и Глазовского уездов Вятской губернии (Каменских, Черных, Вайман 2024). В Пермской губернии эти территории условно назывались *Пермяцким краем*, по бытовавшему тогда этнониму *пермяки*. В 1920-е гг., когда в стране происходили серьезные изменения в административно-территориальном устройстве, учитывавшие этнические границы при определении границ административных (Слезкин 1994), *пермяцкое* население Пермской губернии также оказалось вовлечено в эти процессы.

Коми-Пермяцкий округ в дискуссиях о советском этнофедерализме 1920-х гг.

В 1920-е гг. коренное население Пермяцкого края стало частью больших дискуссий между «экономистами» и «националистами». С одной стороны, этнически пермяки были близки к соседнему зырянскому народу, который на волне советской национальной политики получил свою автономию, с другой стороны – исторически и экономически тяготели к Пермской губернии с преимущественно русским населением. Дискуссии о статусе пермяцкого населения во многом демонстрируют особенности советской национальной политики 1920-х гг. как с точки зрения нациеобразования, так и с позиции определения административных границ с учетом этнического фактора.

Этот период подробно освещен в историографии. Автор одной из последних фундаментальных работ по истории национальной политики в России В. Г. Чеботарева посвящает процессу создания Коми-Пермяцкого округа отдельный раздел своей монографии (Чеботарева 2003: 173–185). Специальный параграф по данной теме выделен и в последней коллективной монографии «История Коми с древнейших времен до современности», вышедшей в 2011 г. в Сыктывкаре (История Коми 2011: 281–284). В работах пермских ученых А. Е. Коньшина (Коньшин 2004), С. И. Пономарева (Пономарев 1970), М. А. Чугаева (Чугаев 1965), Г. Т. Бачева (Бачев 1975) и др., а также финского исследователя С. Лаллукки (Лаллукка 2010) представлены основные этапы дискуссии, события и участники этого процесса.

Процесс создания округа длился почти пять лет, в разные периоды судьба данной территории могла сложиться по самым различным сценариям. Первый этап в истории образования автономии связан с действиями создаваемой в 1921 г. Автономной области Коми. Проведенный 8 января 1921 г. в г. Усть-Сысольске I Всезырянский съезд Российской коммунистической партии высказался за создание автономной области для народов коми. Автором данного проекта был заведующий зырянотделом Наркомнаца Дмитрий Александрович Батиев. По его представлениям, в область должны были войти земли Прикамья, нижней Печоры, Шпицберген. Применительно к Пермской губернии речь в проекте шла о волостях Усольского и Чердынского уездов, населенных коми-пермяками. Нескольким волостям со смешанным пермяцко-русским населением Оханского уезда предлагалось рассмотреть вопрос о вхождении в область только после волеизъявления (ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 4). Из 42 делегатов съезда трое представляли Пермяцкий край Пермской губернии (Тараканов 1990: 16). Сразу после съезда Коми отдел Наркомнаца направил областным и уездным комитетам Архангельской, Северо-Двинской, Вятской и Пермской губерний информацию о подготовке создания автономной области Коми. В уезды с коми населением были направлены инструкторы (История Коми 2011: 276).

Инструктором по Пермской губернии стал участник Гражданской войны, выходец из батрацкой семьи Федор Гаврилович Тараканов, 1900 г. р. С 1916 г. он сотрудничал с нелегальными социалистическими кружками, в октябре 1917 г. поддержал Октябрьский переворот, участвовал в ликвидации антисоветских мятежей в Кудымкаре весной 1918 г., был заведующим отделом Кудымкарского РайЧК (Тараканов 1990: 7). Обладая незаурядными ораторскими и организаторскими способностями, Ф. Г. Тараканов в будущем не раз добьется целого ряда важных решений, которые в дальнейшем зададут векторы в развитии всего коми-пермяцкого народа.

Заручившись поддержкой Всезырянского съезда, имея на руках решения X Съезда РКП (б), зырянские коммунисты инициировали рассмотрение проекта

Д. А. Батиева через структуры Наркомнаца. Уже 11 мая 1921 г. административная комиссия ВЦИК постановила не возражать против передачи автономной области Коми 14 волостей Усольского уезда и 8 волостей Чердынского уезда Пермской губернии, признать желательным их отход с 1 ноября 1921 г. (ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 3).

Первоначально сами пермяки отнеслись к данной инициативе отрицательно. 21 апреля 1921 г. делегаты Кудымкарской партийной конференции высказались против вхождения своего края в состав проектируемой автономной области Коми, учитывая ее отдаленность и экономическое развитие (История Коми 2011: 277). В мае 1921 г., после решения Президиума ВЦИК, Ф. Г. Тараканов и его единомышленники начали широкую разъяснительную работу среди пермяцкого населения, агитируя за отделение от Пермской губернии (История Коми 2011: 281). В своей агитации они делали упор на существовавшее более «приниженнное» положение пермяков в этнически преимущественно русской губернии. О том, какие тезисы включала в себя агитация, может свидетельствовать статья Ф. Г. Тараканова «О включении пермяков в автономную область Коми», опубликованная в журнале «Жизнь национальностей» в мае 1922 г. Там, в частности, говорится: «Русификаторская политика царизма находила среди пермяков, кажется, наивысшее свое применение. С остервенением убивалось все пермяцкое и насаждалось все чуждое» (КПГОА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 121. Л. 1–2). Вероятнее всего, такая риторика использовалась и на встречах с населением. Там агитаторы также обещали снижение налогов и сборов со стороны органов власти автономной области Коми, поскольку именно в этот период шла непопулярная у населения продразверстка. На эти факты, в частности, указывал в своем отчете в обком председатель Верхне-Камского окружкома Писарев: «Проводившийся под руководством Пасютина (Я. К. Пасютин, один из активистов движения пермяков за автономию – авт.) плебисцит (через голову и без ведома областных и окружных центров) дал значительный крен в настроении крестьянских масс, ожидавших облегчение налоговых тягот и других льгот в случае присоединения к области коми-зырян». По его словам, собираемость налогов по коми-пермяцким районам сократилась до 50% (ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 2).

Тем временем 22 августа 1921 г. ВЦИК постановил образовать автономную область Коми (История Коми 2011: 271). Уже 27 августа Коми-Зырянский облревком издал приказ № 1 «О присоединении Пермяцкого края к автономной области Коми» и принял решение продолжить работу (Коми-Пермяцкий округ 2001: 19).

Действия властей автономной области Коми не могли остаться незамеченными в губернском центре. В Перми была создана административная комиссия при губкоме, которой было поручено разобраться в вопросе возможного отчуждения пермяцких земель. Принимая во внимание решения Наркомнаца, но не желая отдавать «свои» территории, власти Пермской губернии сделали акцент на экономическом факторе, обращая внимание, что отделение Пермяцкого края разрушит сложившиеся экономические связи, а также угрожает срыву продналоговой кампании. 10 сентября 1921 г. президиум Пермского губисполкома постановил: «...вопрос о выделении волостей рассмотрен лишь с национальной точки зрения. При вынесении постановления не принято во внимание экономическое тяготение волостей к Пермской губернии» (ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 5). В постановлении губисполкома № 165 проект автономии для пермяцкого населения объявлялся «шагом назад как в культурном, так и в экономическом отношении» (ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 31).

С октября 1921 г. Пермский губком потребовал прекратить проведение собраний с пермяцким населением, а некоторые источники даже сообщают о фактах преследования коми-пермяцких активистов со стороны властей Чердынского и Усольского уездов (Тараканов 1990: 23). Этот период С. Лаллукка рассматривает как проявление национализма со стороны «русской администрации» Пермской губернии: «Можно предположить, что руководство в Перми просто хотело наказать те территории и их активистов, которые стремились отделиться от губернии... притеснение коми-пермяков получило черты национальной дискриминации» (Лаллукка 2010: 66).

Репрессивная политика губернских властей вкупе с агитацией автономной области Коми буквально за полгода сделала идею выхода Пермяцкого края из подчинения губернии весьма популярной. 22–24 декабря 1921 г. в Кудымкаре ими вновь была созвана районная партийная конференция. В этот раз она выразилась за выход из состава Пермской губернии. В резолюции говорилось: «Просить ВЦИК направить в край независимую комиссию для расследования бесчинств пермских властей. Твердо настаивать перед ЦК об обязательном включении Пермяцкого края в состав Коми области» (Коньшин 2004: 37). К концу 1921 г. вопрос оставался нерешенным. С одной стороны, было решение Наркомнаца, с другой стороны, пермские власти из соображений экономической целесообразности не стали его выполнять. При этом ряд сторонников объединения с автономной областью Коми подверглись преследованиям.

Используя свое влияние в Наркомнаце, власти автономной области Коми должны были закрепить свое решение позицией ВЦИК. 6 января 1922 г. коллегия Наркомнаца вновь постановила считать присоединение целесообразным, а 11 марта 1922 г. уже административная комиссия ВЦИК приняла решение присоединить к автономной области Коми 25 волостей Пермской губернии (Чеботарева 2003: 181). Фактически решение было принято, оставалось только закрепить его постановлением Президиума ВЦИК. 21 июля 1922 г. всепермяцкая партийная конференция высказалась за желательность выделения коми-пермяков в одну административно-хозяйственную единицу с центром в с. Кудымкар. «Теперь виднее и легче судить, чья колокольня, Кудымкарская или Усольская, оказалась выше и дальновиднее, крыть наши карты им нечем», – говорилось в резолюции (ПермГАСПИ. Ф. 820. Оп. 1.Д. 24. Л. 15).

Несмотря на решение конференции, Президиум ВЦИК 13 июля 1922 г. постановил оставить Пермяцкий край в составе Пермской губернии (ПермГАСПИ. Ф. 820. Оп. 1.Д. 24. Л. 94). Решение в пользу пермяков не было принято по ряду факторов. На лето 1922 г. приходится пик дискуссий о формах автономии в СССР и РСФСР. В. И. Ленин уже серьезно болел. 27 июля 1922 г. президиум ВЦИК утвердил декрет о реорганизации Наркомнаца, куда Сталин включил своих сторонников, менее активно выступавших в поддержку текущих проектов (Чеботарева 2003: 25). А Пермская губерния в это время была вовлечена в процесс районирования Уральской области, поэтому решение пермяцкого вопроса было отложено. 5 сентября 1922 г. президиум Пермского губкома РКП (б) постановил: «...при данном экономическом состоянии губернии выделение признать преждевременным и дальнейшее разрешение этого вопроса передать в административную комиссию при губисполкоме на общих основаниях» (ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1.Д. 341.Л. 40).

Следует отметить, что и власти Автономной области Коми прекратили активно проводить в жизнь идею объединения с пермяками, поскольку не могли добиться

консенсуса в формах автономии внутри области. В этот период Ф. Г. Тараканов принимает решение самостоятельно добиваться какой угодно формы автономии для Пермяцкого края. По его инициативе в течение 1922 г. обсуждалась идея создания коми-пермяцкой коммуны, по образцу уже созданной тогда карельской. Но в сентябре 1922 г. губисполком не поддержал и эту идею (Тараканов 1967: 234).

В 1923 г. дискуссии о пермяцких волостях Пермской губернии начались с новой силой. В мае 1923 г. Наркомнац вновь ходатайствовал перед Президиумом ВЦИК рассмотреть вопрос о границах автономной области Коми. Следует отметить, что одним из участников решения этого вопроса был недавно назначенный на должность наркома внутренних дел РСФСР Александр Георгиевич Белобородов, уроженец Александровского завода Соликамского уезда Пермской губернии, ранее (с января 1918 г.) занимавший должность председателя Уральского облисполкома. Безусловно, он не мог не знать о ситуации с пермяцким населением. 5 июля 1923 г. административная комиссия ВЦИК (председатель – А. Г. Белобородов) вновь признала необходимым присоединить Пермяцкий край к автономной области Коми, на 15 августа 1923 г. было назначено заседание Президиума ВЦИК, которое могло утвердить данное решение. А. Г. Белобородов как действующий на тот момент председатель Президиума ВЦИК сообщил об этом решении в Пермь срочной телеграммой. «Если имеете возражения, представьте мотивированную записку к означенному сроку или пришлите представителя», – говорилось в документе (ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 23). Благодаря телеграмме А. Г. Белобородова пермские власти получили время на то, чтобы представить собственную позицию. На заседание президиума ВЦИК был направлен представитель губкома А. М. Плешков. Он также взял с собой карты Пермской губернии и Автономной области Коми, чтобы наглядно продемонстрировать отдаленное положение пермяцкого населения и его экономическое тяготение к Перми. В итоге было решено создать специальную комиссию ВЦИК с целью ознакомления с данным вопросом (Тараканов 1986: 20).

После создания в ноябре 1923 г. Уральской области территории проживания пермяцкого населения были отнесены к Верхнекамскому округу Уральской области (Пермская губерния 1923: 16–17), а центр принятия решений был уже в Свердловске. Источники сохранили упоминания о переговорах Ф. Г. Тараканова с председателем уральского облисполкома Д. Е. Сулимовым. «Сулимов заявил мне, что ввиду крайней бедности края и отсутствия людей, способных руководить будущим округом, об организации последнего не может быть и речи», – писал он в 1955 г. Д. Е. Сулимов якобы не поддержал идею отдельного округа для пермяков и даже выгнал Тараканова из своего кабинета [Тараканов 1990: 32–33]. Казалось, идея собственного округа для пермяцкого населения не осуществима.

В этот период позиция самих пермяков относительно своего будущего двигалась в сторону идеи собственного округа. 15 октября 1923 г. Верх-Иньвенский и Кудымкарский волостные съезды приняли решение о поддержке идеи создания национального округа с центром в с. Кудымкар внутри Уральской области. Но областные власти эту идею не поддержали. В этот период в стране происходят важные изменения, особенно в части решения национального вопроса. В конце 1923 г. И. В. Сталин постепенно сокращает штаты Наркомнаца до минимума, его роль в советском правительстве практически была сведена к нулю. После смерти В. И. Ленина Наркомнац не проработал и трех месяцев, 9 апреля 1924 г. он был ликвидирован, общее руководство национальной политикой было передано отде-

лу национальностей при президиуме ВЦИК, вопросами дальнейшего районирования с учетом этнического фактора занялся Комитет содействия народам северных окраин (Чеботарева 2003: 58). На конец 1924 г. предпосылок к автономии для пермяков уже не было.

Что же повлияло в итоге на начало работы по созданию Коми-Пермяцкого округа? По одной из версий, возобновление работы могло быть связано с политической борьбой внутри советского руководства после смерти В. И. Ленина. Известно, что еще при его жизни уральские коммунисты поддерживали Л. Д. Троцкого (История Урала 2006: 322–324). После того как И. В. Сталин окончательно пришел к власти, он начал вести политику преследования своих оппонентов. Ф. Г. Тараканов в своих воспоминаниях ссылается на председателя Кomi облисполкома Е. М. Мишарина, который якобы присутствовал при встрече председателя Уралплана Л. Е. Гольдича и И. В. Сталина. Гольдич доказывал нецелесообразность создания округа, на что Stalin якобы ответил: «Вы там затеяли мышиную возню с коми-пермяками, избили и разогнали национальные кадры, вместо того чтобы их энергию направить на культурно-хозяйственное возрождение своего края. Верните немедленно разогнанные вами кадры на работу и организуйте округ» (Тараканов 1990: 44). Сегодня нет источников, подтверждающих эти слова И. В. Сталина, однако именно с середины 1924 г. вопрос о пермяцком населении начинает решаться быстро под прямым контролем Президиума ВЦИК, даже несмотря на противодействие уральских властей.

В августе 1924 г. ВЦИК создал комиссию, куда вошли представители Уральской области, автономной Кomi области и Пермяцкого края. Комиссия работала на территории Верхнекамского округа, проводились встречи с местным населением. 21 октября 1924 г. результаты работы комиссии были рассмотрены на заседании Президиума ВЦИК. Комиссия выразилась за создание Коми-Пермяцкого округа как наиболее приемлемой формы национального устройства. 15 января 1925 г. административная комиссия ЦК РКП (б) сочла наиболее целесообразным выделить Кomi край в отдельный национальный округ в составе Уральской области, а 26 февраля 1925 г. Президиум ВЦИК принял соответствующее решение. Из протокола заседания: «Слушали: вопрос 10. О пермяцком крае Уральской области (внес. отд. нац. ВЦИК). Постановили: 1. Ввиду значительной территориальной удаленности Пермяцкого края от области Кomi и отсутствия экономической взаимной связи между этими районами отклонить ходатайство автономной области Кomi и представителей пермяцкого населения о входении в состав области Кomi, оставив Пермяцкий край в пределах Уральской области. 2. Считать целесообразным выделить Пермяцкий край в особый национальный округ со специальными сокращенными штатами, подчинив этот округ непосредственно Уральскому исполнительному и обязав его одновременно поддерживать связь по всей работе с Верхне-Камским окружным исполнкомом» (Дас дас год 2025: 84). Прошедший 3–5 апреля 1925 г. окружной Съезд Советов Уральской области отметил своевременность создания Коми-Пермяцкого округа, определил границу, структуру, бюджет, штатное расписание, наметил пути социально-экономического развития. Председателем окрисполкома стал бывший председатель совета рабочих депутатов в Майкоре С. Ф. Давыдов (Коми-пермяцкий округ 2001: 27).

Дискуссии о пермяках длились более пяти лет, решения об их статусе то принимались, то отменялись. В отдельные периоды этот вопрос «продвигали» разные

люди и ведомства (ведь вопрос о коми-пермяках пережил Наркомнац). Появление округа как формы автономии оказалось максимально благоприятным для коми-пермяков как отдельного народа. Ведь вхождение в автономную область Коми означало неминуемую ассимиляцию пермяцкого населения более многочисленным зырянским, а нахождение без статуса автономии и мер поддержки языка и культуры в составе Верхнекамского округа в перспективе означало постепенное обрушение. Сегодня же коми-пермяки являются самостоятельным народом с представлениями о собственной идентичности и уникальности.

По образцу Коми-Пермяцкого национального округа в 1920–1930-е гг. было создано еще 12 округов, 10 из которых продолжили существовать в послевоенный период (Каменских 2024). Таким образом, появление на карте РСФСР совершенно новой административной единицы – Коми-Пермяцкого национального округа – открыло новый этап в истории отечественного федERALизма.

Коми-Пермяцкий округ в истории административной реформы 2000-х гг.

Последняя крупная административная реформа в РФ также началась с Коми-Пермяцкого округа. В начале 2000-х гг., в результате административных преобразований начала 1990-х гг., 10 национальных округов России, включая Коми-Пермяцкий автономный округ, получили статус равноправных субъектов РФ. Однако в 1990-е гг. разрыв общих экономических связей с Пермской областью и тяжелая ситуация в целом в стране стали причиной экономического кризиса и резкого снижения уровня жизни населения. 20 июня 1992 г. в Кудымкаре прошел Съезд народных депутатов Коми-Пермяцкого автономного округа. В резолюции съезда рекомендовал окружному Совету и главе администрации «добиться издания указа президента РФ “О неотложных мерах по социально-экономическому развитию Коми-Пермяцкого автономного округа”» (КПОГА. Ф. 292. Оп. 1. Д. 15. Л. 2). Такой указ был подписан Президентом РФ Б. Н. Ельциным 16 сентября 1992 г. Однако данные меры не могли обеспечить стабильное развитие экономики. Осенью 1994 г. в округе работала Правительственная комиссия под руководством заместителя министра финансов РФ С. А. Королева, по итогам которой округу была оказана единовременная финансовая поддержка в размере 30 млрд руб., намечены долгосрочные меры по выходу из кризиса, нашедшие отражение в «Программе социально-экономического развития Коми-Пермяцкого автономного округа на период до 2000 года» (Коми-Пермяцкий автономный округ... 2000: 26).

Такая ситуация была характерна практически для всех автономных округов России того времени, что актуализировало вопрос о целесообразности их существования. Одним из возможных решений было включение округов в состав более крупных субъектов, в которые они входили ранее. Первым было решено реформировать Коми-Пермяцкий автономный округ, где население воспринимало идеи объединения с Пермской областью в целом позитивно. Обсуждение проекта объединения началось после избрания Ю. П. Трутнева губернатором Пермской области. Создание единого субъекта из области и округа было одним из основных пунктов его предвыборной программы (Объединение КПАО и ПО... 2005). В марте 2002 г. Ю. П. Трутnev дал развернутое интервью, в котором подчеркнул, что «есть всего четыре-пять человек, интересы которых объединение затрагивает напрямую», что

«округу в одиночку не решить всех своих проблем» (Ликвидация во имя... 2002). На первом этапе переговоров руководство округа и местная интеллигенция выказалось категорически против идеи объединения. В апреле 2002 г. глава округа Г. П. Савельев написал Президенту РФ В. В. Путину письмо с критикой губернатора Пермской области Ю. П. Трутнева, пытаясь защитить автономию коми-пермяков от «односторонних действий отдельных пермских политиков» (Лаллукка 2010: 254–255). В июле 2002 г. Ю. П. Трутnev совместно с Г. П. Савельевым совершили выезд в п. Майкор, вошедший в состав округа только во второй половине XX в. и населенный преимущественно русскими. Там идея объединения была наиболее популярна. После обсуждения приоритетных направлений сотрудничества между округом и областью Ю. П. Трутнев предложил Г. П. Савельеву подписать совместное обращение к Правительству России об объединении. Этот документ губернатор Пермской области привез с собой. Слова Ю. П. Трутнева были встречены аплодисментами (Зиновьев 2005).

Инициатива получила федеральную поддержку. Состоялись визиты в округ Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации С. М. Миронова и Полномочного представителя Президента Российской Федерации в ПФО С. В. Кириенко. Уже тогда стороны согласовали план совместной работы. В «Предварительных предложениях Администрации Коми-Пермяцкого автономного округа Администрации Пермской области по вопросу о возможности объединения двух субъектов Федерации в новый субъект Федерации» от 19 июля 2002 г. было отмечено, что «объединение не должно оказать негативного влияния на развитие национальной коми-пермяцкой культуры, языка, сохранение и приумножение традиций коренного населения Пармы... разработать и начать реализацию широкомасштабной программы развития национальной коми-пермяцкой культуры, языка, включая вопросы преподавания языка, родной истории, культуры, их пропаганды, издания соответствующей литературы и др.» (Лаллукка 2010: 258). После этого главы субъектов выезжали в Москву для консультаций с Президентом РФ В. В. Путиным.

До конца 2002 г. в округе с официальными визитами побывало еще немало политиков федерального уровня, каждый из которых поддерживал губернатора Ю. П. Трутнева и идею воссоединения Коми-Пермяцкого автономного округа и Пермской области. 17 сентября 2002 г. распоряжением главы округа Г. П. Савельева была образована рабочая группа для согласования позиций по вопросам объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Обсуждение концепции объединения субъектов пришлось на конец 2002 г. При всех сложностях сторонам удалось договориться о порядке формирования органов государственной власти, передаче властных полномочий, формировании совместного бюджета и др. 11 февраля 2003 г. окружные депутаты на внеочередном заседании почти единогласно (только один был «против») приняли Договор «О согласованных действиях по образованию нового субъекта РФ путем объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа» и Меморандум «Об образовании нового субъекта Российской Федерации путем объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа». Оба документа были подписаны высшими должностными лицами субъектов 17 февраля 2003 г., хотя скорость принятия решений и подписания основополагающих документов до основного референдума вызвали немало вопросов у депутатского корпуса (Коньшин 2004: 146). Уже

18 февраля 2003 г. руководители исполнительной и законодательной ветвей власти округа вышли на Президента РФ с «предложением о возможности создания нового субъекта Российской Федерации путем объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа» (КПОГА. Ф. 292. Оп. 1. Д. 24. Л. 9-9об.). А 7 апреля 2003 г. была создана межведомственная рабочая группа по подготовке обоснования целесообразности образования нового субъекта Российской Федерации (Зиновьев 2005). После этого процесс объединения субъектов путем создания нового региона, Пермского края, вступил в завершающую стадию.

Итогом федеральной кампании стала рабочая поездка Президента РФ В. В. Путина в Пермскую область и Коми-Пермяцкий автономный округ 31 октября 2003 г. По итогам был подписан президентский Указ «О мерах по социально-экономическому развитию Коми-Пермяцкого автономного округа и Пермской области» (Указ Президента... 2003), который предусматривал целый пакет мероприятий по поддержке субъекта в первый период его существования, реализацию крупных инфраструктурных проектов.

7 декабря 2003 г. в Пермской области и КПАО были проведены референдумы по вопросу: «Согласны ли Вы, чтобы Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ объединились в новый субъект Российской Федерации – Пермский край, в составе которого Коми-Пермяцкий округ будет являться административно-территориальной единицей с особым статусом, определяемым Уставом края в соответствии с законодательством Российской Федерации?». В округе за объединение проголосовало 89,76%, в Пермской области – 83,81% (Зиновьев 2005). 19 февраля 2004 г. Президент РФ внес на рассмотрение в Государственную Думу проект Федерального конституционного закона «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа», а 19 марта 2004 г. Государственная Дума в трех чтениях приняла Федеральный конституционный закон «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа». С 26 марта 2004 г. Федеральный конституционный закон «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа» официально опубликован в «Российской газете» и вступил в силу (Федеральный Конституционный Закон... 2004). Округ вошел в состав Пермского края «как административно-территориальная единица с единой территорией и особым статусом». В 42-й статье действующего Устава Пермского края указано, что исполнительные органы государственной власти края «обязаны обеспечить условия для сохранения и развития языка, духовной культуры и иных этнических составляющих этнической самобытности коми-пермяцкого народа» (Устав Пермского края 2007).

Официальной датой образования Пермского края было объявлено 1 декабря 2005 г., в этот же день состоялась инаугурация губернатора Пермского края О. А. Чиркунова (Олег Чиркунов официально... 2005).

В результате административно-территориальной реформы 2003 г. Коми-Пермяцкий округ в статусе территории с особым статусом вошел в состав Пермского края. В период до 2012 г. еще пять округов включены в состав новых субъектов. В каждом отдельном случае территории получали разный статус, от практически полной автономии (автономные округа Тюменской области), до понижения территории до статуса

муниципального района (Красноярский край). В ряде случаев объединение приводило к ухудшению социально-экономического благосостояния (Иркутская область) и даже политическим протестам (Сахалинская область). В ситуации с Коми-Пермяцким округом нельзя отрицать и тот факт, что решение о создании Пермского края привело в регион немало инвестиций. Бюджетная поддержка общественных проектов по сохранению и развитию коми-пермяцкой культуры выросла в разы в рамках реализуемых государственных целевых программ (см. ниже).

Коми-Пермяцкий округ сегодня: меры государственной поддержки коми-пермяцкого языка и культуры на современном этапе¹

Демография и экономика. Сегодня Коми-Пермяцкий округ Пермского края занимает 20% территории Пермского края (32,8 тыс. кв. км). Здесь сосредоточено около 4% жителей региона. Плотность населения – 3,1 человека на 1 кв. км (в 5 раз ниже, чем в Пермском крае). Территория является единственным местом компактного проживания коми-пермяков. По данным статистики, на 1 января 2025 г. численность населения округа составила 100,7 тыс. человек. Основу экономики Коми-Пермяцкого округа традиционно составляют лесное хозяйство, лесозаготовки, деревообработка, сельское хозяйство, пищевая отрасль. В округе функционируют более 2,3 тыс. хозяйствующих субъектов, численность экономически активного населения составляет 48,3 тыс. человек. Ежегодно здесь отгружается четверть краевого объема древесины, производится 8% валовой продукции сельского хозяйства Пермского края. Среднемесячная номинальная заработная плата составляет 53 718 руб. Порядка 70% фонда заработной платы в Коми-Пермяцком округе формируется в организациях бюджетной сферы.

В 2005–2024 гг. в Коми-Пермяцком округе построены и введены в эксплуатацию 216 объектов социальной сферы, введено порядка 600 тыс. кв. м жилья. Все социально значимые объекты подключены к высокоскоростному интернету, осуществлены работы по устройству волоконно-оптической линии связи и установке базовых станций, благодаря чему 84% населенных пунктов Коми-Пермяцкого округа обеспечены сотовой связью, широкополосный доступ к сети Интернет есть у 91% населения округа. Пищевая продукция местных товаропроизводителей пользуется большим спросом у потребителей всего Пермского края, за последние два года ускорилось ее продвижение за пределами округа (бренд «Кудымкарская продукция»). В 2024 г. в Косинском муниципальном округе запущено производство концентрированных соков из лесных ягод.

Одним из приоритетных и перспективных направлений развития на территории округа является туризм. В соответствии со Стратегией развития туризма в Пермском крае на период до 2035 г. приоритетными видами туризма для территории являются культурно-познавательный и этнографический.

Развитию Коми-Пермяцкого округа способствует активное участие в национальных проектах и государственных программах. Мероприятия с привлечением федеральных средств реализуются в рамках 14 государственных программ.

¹ Информация предоставлена Министерством по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края.

За 20 лет существования Коми-Пермяцкого округа предприняты значительные усилия по повышению популярности **коми-пермяцкого языка и культуры**. Так, в 2010 г. в Пермском крае был учрежден День коми-пермяцкого языка – 17 февраля (Указ губернатора Пермского края № 6 от 12.02.2010). В 2012 г. экзаменам по родному коми-пермяцкому языку и литературе в 9-м классе присвоен статус краевых (Закон Пермского края № 81-ПК от 28.08.2012). В 2024 г. олимпиада по коми-пермяцкому языку включена в число федеральных олимпиад, а их победители получают преимущества при поступлении в вузы. В номинации «Учитель родного языка» всероссийского конкурса «Учитель года» представители округа в 2024 г. впервые вошли в число лауреатов. С 2017 г. краевая госпрограмма «Общество и власть» поддерживает проведение акции «Всеобщий диктант по коми-пермяцкому языку». Акция оказалась весьма востребованной и в первый же год привлекла более 500 участников из округа, Перми, Сыктывкара, Москвы, а в 2025 г. число участников приблизилось к 1700.

С 2023 г. реализуется комплекс дополнительных мероприятий по развитию коми-пермяцкого языка и этнокультурного образования. Проекты «Новый коми-пермяцкий учебник» и «Коми-пермяцкий язык в школе: новое измерение» позволили в течение ряда лет полностью обновить комплекс учебной, учебно-методической литературы, дидактических материалов. Разрабатываются и издаются учебно-методические комплексы по коми-пермяцкому языку, литературному чтению и коми-пермяцкой литературе, ведется работа по их включению в федеральный перечень учебников (к настоящему времени в федеральный перечень включены пять учебников коми-пермяцкого языка – для 5–9-х классов).

В 2024 г. начал действовать корпус коми-пермяцкого языка в сети Интернет. В российской интернет-энциклопедии РУВИКИ создан и активно пополняется коми-пермяцкий сегмент. Большой массив информации о коми-пермяцком языке сосредоточен на сайте «Интернет-энциклопедия по коми-пермяцкому языку» <http://www.kpenc.ru/>

Современное функционирование и развитие коми-пермяцкого языка происходит в условиях активного русско-коми-пермяцкого билингвизма. Сфера использования родного коми-пермяцкого языка не расширяется, он остается языком домашнего (семейного) общения и групповой коммуникации на территориях компактного проживания народа. Среди основных проблем в преподавании языка – сокращение сельских школ и отказ от изучения языка со стороны отдельных семей, нехватка современных вузовских учебников по коми-пермяцкому языку, недостаточное количество высококвалифицированных кадров.

Несмотря на общее снижение численности изучающих коми-пермяцкий язык, к положительным моментам можно отнести стабилизацию общего количества изучающих коми-пермяцкий язык как предмет на уровне 12–14%. Позитивной тенденцией последних лет стало появление родного языка в расписании образовательных учреждений районных и окружного центра (с. Кочево и г. Кудымкар).

В сфере **науки** в настоящий момент исследовательская работа по коми-пермяцкой тематике сосредоточена в Институте гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН и Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете. Среди значимых научных изданий последнего десятилетия можно выделить «Коми-Пермяцкий этнографический сборник», издательский проект Института гуманитарных исследований, поддержанный Русским географическим обществом, «Коми-пермяки на фотографиях» в двух книгах (вторая половина XIX – начало XX в., первая половина XX в.) (Черных 2021; Коми-пермяки 2023).

Среди значимых научных трудов в языкоznании можно выделить исследования Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа ПГГПУ, в том числе отмеченные на российском уровне (Шляхова С. С., Лобанова А. С. 2011), несколько публикаций текстов на коми-пермяцком языке и словарей лингвистов Пермского государственного национального исследовательского университета. В этом направлении можно отметить и проекты Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа «Наследие», «Съыв да ов» («Живи с песней»), «Ниммез» («Имена»), «Парма мастеровая».

Сохранение и развитие коми-пермяцкого языка невозможно без поддержки **литературы и книгоиздания**. С 2010 г. выходит единственная за историю округа газета полностью на коми-пермяцком языке «Кама кытшын» («В окружении Камы»), финансируется издание двухязычного журнала для детей «Сизимок». Кроме этого, в округе реализуется и несколько издательских проектов, самый значительный из которых – «Коми-пермяцкая классика», включающий в себя публикацию в единой серии произведений коми-пермяцких писателей. К настоящему времени издано 11 книг. Значимыми для сохранения творческого наследия коми-пермяцких ученых и деятелей культуры стали книги серии «Замечательные люди Пармы» (издано 9 книг, посвященных жизни и творчеству известных уроженцев округа). Большое значение для книгоиздания имело воссоздание в структуре Коми-Пермяцкого этнокультурного центра сектора редакционно-издательской деятельности (с 1 января 2022 г.). Отметим, что многие издания отмечены на всероссийском уровне, а книга «Сиг, Падей да Горань. Игры коми-пермяков» в 2022 г. удостоена Серебряного диплома Ассоциации книгоиздателей России.

В развитии коми-пермяцкой литературы и национального книгоиздания значительную роль играет литературное объединение «Писатели Пармы» – возрожденная в Пермском крае литературная организация писателей Коми-Пермяцкого округа. Для авторов лучших изданий на коми-пермяцком языке учреждены две ежегодные литературные премии: имени Андрея Зубова в области поэзии и имени Михаила Лихачева в области прозы. Кроме упомянутых литературных премий, Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа ежегодно присуждает по семь премий в области национальной культуры и искусства.

В сфере **культуры** важным событием с точки зрения реализации этнокультурного потенциала Коми-Пермяцкого округа стало создание в 2010 г. государственного краевого учреждения культуры «Коми-Пермяцкий этнокультурный центр». С момента своего образования центр является учредителем и организатором большинства окружных мероприятий этнокультурной направленности (Субботина 2013). Кроме Этнокультурного центра, систему государственных культурных учреждений округа сегодня представляют Коми-Пермяцкий драматический театр – один из ведущих национальных театров России; Коми-Пермяцкий краеведческий музей им. П. И. Субботина-Пермяка; Коми-Пермяцкая центральная национальная библиотека. В округе также действует разветвленная сеть муниципальных учреждений культуры (домов культуры, библиотек, музеев).

Одним из важных инструментов сохранения языка через культуру стали окружные брендовые фестивали, наиболее известные из которых «Акань», «Ай да Рыжик» и «Бур сур», «Зажинки», «Бойкая набойка», «Вежалун ыджыт лун» (праздник Пасхи), День смены травы, Троица (Стрэча), Праздник русской печки, фестиваль «На земле Перы» и др. К мерам популяризации можно отнести и КВН на коми-пермяц-

ком языке «Пуксы да ваксы», ставший эффективным инструментом популяризации коми-пермяцкого языка, особенно в молодежной среде.

Важную роль в развитии и популяризации коми-пермяцкой культуры играют проекты и инициативы национально-культурных общественных организаций. Ведущей некоммерческой организацией округа остается Общество родителей коми-пермяцкого языка и культуры «Югör». За три десятилетия существования организация обрела опыт непрерывной общественной и культурно-просветительской работы, внося существенный вклад в сохранение и развитие коми-пермяцкого языка и культуры на территории округа и за его пределами. За последние два года реализованы проекты по изданию книг, музыкальных дисков, обучающих видеоклипов, созданию электронных ресурсов. Общественную деятельность этнокультурной направленности в округе ведут также литературное объединение «Писатели Пармы», некоммерческая организация «АРТкад», частное образовательное учреждение «Учительский дом в д. Кекур», которые реализуют издательские, обучающие и иные этнокультурные проекты. Из наиболее значимых инициатив последних лет можно назвать переиздание первого сборника со стихами на коми-пермяцком языке «Горадзуль» («Купальница»), создание литературной гостиной «Бордтыв» («Перо»), фестиваль «Дни родственных народов: к 100-летию Коми-Пермяцкого округа», серию проектов по созданию интеллектуальных игр по истории, языку и культуре коми-пермяцкого народа «Орс да тöд» («Играй и узнавай») и др. За этномузикальный проект «Виль шы» («Новый звук») руководители АНО «АРТкад» в 2019 г. были удостоены премии Пермского края в области культуры и искусства.

В целом развитие Коми-Пермяцкого округа в конце XX – начале XXI в. проходило в русле общефедеральных тенденций. После реформы органам власти Пермского края удалось сохранить преемственность общественной и культурной традиции округа, создать устойчивые институты функционирования языка и культуры, отвечающие потребностям населения.

В последние 20 лет за счет выравнивания социально-экономических показателей в округе удалось достичь стабильного развития. В рамках краевых целевых программ ведется активная работа по сохранению и развитию традиций коми-пермяцкого народа, предпринимаются усилия по популяризации языка, ведется издательская и просветительская деятельность. Насущной необходимостью является актуализация научных лингвистических исследований и научного сопровождения языковых процессов. Как показывает практика последних лет, наиболее актуальны и эффективны комплексные этнокультурные проекты в разных сферах – этномода, этноспорт, национальная кухня. Через эти востребованные обществом бренды идет формирование не только интереса к культуре, народу, но и к языку.

Через 20 лет после реформы можно отметить, что из всех упраздненных округов наибольшего эффекта с точки зрения целей реформы удалось добиться именно в Коми-Пермяцком округе Пермского края, где именно особый статус территории и выравнивание бюджетной поддержки позволили создать условия для повышения благосостояния граждан параллельно с сохранением этнической культуры и языка.

А Коми-Пермяцкий округ после реформы 2005 года уже во второй раз за время своего существования стал试点ным проектом, создавшим модель развития для других территорий, открыв очередную страницу истории российского федерализма, что подтверждает уникальность этой территории для российского государства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Административное деление СССР по данным на 1 мая 1924 г. М., 1924.

Бачев Г. Т. Коми-Пермяцкий национальный округ: краткий справочник. 2-е издание. Кудымкар, 1975.

Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341.

Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти Пермской области и органами государственной власти Коми-Пермяцкого автономного округа [Электронный ресурс]: Консорциум Кодекс. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/9027434> (дата обращения: 30.08.2024).

Зиновьев А. П. Мы опять вместе: хроника образования Пермского края [Электронный ресурс]: Архив города Перми. – URL: <http://www.permarchive.ru/index.php?page=my-oprav-vmeste-hronika-obrazovaniya-permskogo-kraya> (дата обращения: 22.08.2020).

Каменских М. С. Автономные округа в системе российского федерализма // Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2023 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. СПб.: Маматов, 2024. С. 43–48.

Каменских М. С. Первый национальный: коми-пермяки в национальной политике России в XX – начале XXI века. СПб.: Маматов, 2021.

Каменских М. С., Черных А. В., Вайман Д. И. Верхнекамские коми-пермяки: в поисках идентичности. Этнография. 2024. 4 (26). С. 140–161.

Коми с древнейших времен до современности. М., 2011. С. 281–284.

Коми-пермяки на фотографиях XX в. Этнографический альбом / Под ред. А. В. Черных. СПб.: Маматов, 2023. 504 с.

Коми-Пермяцкий окружной государственный архив (КПОГА). Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 121.

Коньшин А. Е. История коми-пермяцкого народа 1917–1940 гг. Учебное пособие. Кудымкар, 2004.

Лаллукка С. Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы. СПб., 2010.

Объединение КПАО и ПО в Пермский край [Электронный ресурс]: Uralistica // Коми-Пермяки/Коми-Пермяккез/Komi-Permians/die Permjaken/Les Permiaks. – URL: <http://uralistica.com/m/group/discussion?id=2161342%3ATopic%3A55180> (дата обращения: 10.09.2024).

Объединение регионов Российской Федерации: социологические данные, глубинные интервью, сравнительный анализ: Монография / И. Ю. Окунев, П. В. Осколков, М. И. Тисленко и др. М.: Аспект Пресс, 2019.

Олег Чиркунов официально стал губернатором Пермского края [Электронный ресурс]: ИА REGNUM. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/553426.html> (дата обращения: 30.08.2024).

Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 156. Оп. 1. Д. 335; Ф. 820. Оп. 1. Д. 24.

Пономарев С. И. Проблема автономии коми-пермяцкого народа и ее разрешение // Наш край. 1970. Вып. 4. С. 34–46.

Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм: ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим // И. В. Сталин Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 349–355.

Субботина А. А. К 20-летию реализации государственной национальной политики в Пермском крае // Пермский край – территория межнационального согласия. СПб.: Маматов, 2013. С. 18.

Тараканов Ф. Г. Как это было // Наш край. 1986. № 6. С. 17.

Указ Президента РФ от 3 ноября 2003 г. № 1283 «О мерах по социально-экономическому развитию Коми-Пермяцкого автономного округа и Пермской области [Электронный ресурс]: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/424077543> (дата обращения: 20.08.2024).

Устав Пермского края от 27 апреля 2007 г. № 32-ПК (с изменениями и дополнениями)

[Электронный ресурс]: Официальный сайт Конституции Российской Федерации. – URL: http://constitution.garant.ru/region/ustav_perm/ (дата обращения: 29.10.2023).

Федеральный Конституционный Закон от 25.03.2004 № 1-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа [Электронный ресурс]: Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.permarchive.ru/index.php?page=mu-opryat-vmeste-hronika-obrazovaniya-permskogo-kraya> (дата обращения: 22.08.2024).

Чагин Г. Н. Очерки по истории и этнографии коми-пермяков. Кудымкар, 2013.

Чеботарева В. Г. Национальная политика Российской Федерации в 1920–1930-х гг. М., 2013.

Чеботарева В. Г. Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938 гг. М., 2008.

Черных А. В. Коми-пермяки на фотографиях второй половины XIX – начала XX в. Этнографический альбом. СПб.: Маматов, 2021. 372 с.

Чугаев Д. А. К вопросу об образовании Коми-Пермяцкого национального округа // Уч. зап. Пермского ун-та. 1965. № 133. С. 115–125.

С. В. Васильев

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
(г. Москва, Россия)

НАСЕЛЕНИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Введение

Период феодальной раздробленности на территории Руси – достаточно сложное время в историческом аспекте. Не только бесчисленные междуусобные войны, периодические татаро-монгольские походы на земли, но и постоянные дробления княжеских владений особенно характеризуют промежуток с XII по конец XV в. Так, в середине XII в. существовало около 15 княжеств, а уже к началу XIV в. их количество достигало 250 (Рыбаков 1982). Княжества формировались, распадались, а затем снова воссоединялись с уже другими территориями (рисунок 1). Именно поэтому данный период так актуален для историков и антропологов.

Рис. 1. Карта XII–XIII вв.

Вышедший в 2024 г. альбом «Население Древней Руси. Альбом в лицах» (Васильев и др. 2024) содержит в себе уникальную информацию о физических характеристиках населения Древней Руси (XI–XIV вв.). Коллектив ученых осуществил комплексное исследование средневековых городов России и Белоруссии: Курска, Гочево, Плёса, Переяславля-Залесского, Костромы, Унорожа, Твери, Полоцка. Исследование опирается, в первую очередь, на археологические данные: костный материал получен в результате раскопок и позволяет ученым сделать выводы о краниологии, остеологии, одонтологии, палеопатологии жителей древнерусских посадов. Сохранившиеся останки дают возможность говорить о демографических процессах почти тысячелетней давности: как соотносилось количество женщин и мужчин в городах, какой была средняя продолжительность жизни населения и детская смертность. Извлеченные из земли фрагменты скелетов свидетельствуют о том, какими болезнями страдали люди в Древней Руси, а в некоторых случаях удается установить причину смерти индивида. Изотопный состав костей демонстрирует ученым, какой была диета у населения рассматриваемых городов. Вопрос о внешности горожан средневековой Руси освещает антропологическая реконструкция, на страницах альбома представлены портреты нескольких десятков людей, много веков назад населявших указанные города.

Материалы и методы

Были исследованы краниологические материалы из девяти средневековых памятников Восточно-Европейской равнины (территории России и Беларусь). В основном материалы происходят из городских кладбищ.

Для краниологического анализа материалов применялась стандартная методика, принятая в краниологии (Алексеев, Дебец 1964). Анализ методом главных компонент (по 13 признакам: 1, 8, 17, 9, 45, 48, 46, 43, 77, Zm, 54:55, 52:51, SS:SC) и канонический анализ проведены в программе Б. А. Козинцева «Canon».

Результаты исследования

1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК КУРСК.

Исследования на территории г. Курска проводились в 2019 г. в ходе спасательных археологических раскопок исторического культурного слоя. Площадь исследуемого объекта превышает 1300 кв. м. Изученная территория содержит разновременные культурные напластования: XI–XIII вв. (Древняя Русь), XVII – начала XX в. (Новое и Новейшее время). В общей сложности на территории памятника были зафиксированы более 100 объектов поселенческой инфраструктуры, а также 31 захоронение, датируемое периодом Древней Руси, погребения выполнены по христианскому обряду. Раскопки проводил научный коллектив под руководством В. В. Енукова – директора НИИ Археологии юго-востока России Курского госуниверситета (Енуков 2022). Впервые объект культурного наследия был обнаружен экспедицией под руководством С. И. Жаворонкова в 2018 г., затем разведкой территории занималась команда Н. А. Тихомирова (шурфовка и картография). В письменных источниках Курск впервые упоминается уже в первой половине XI в. Из «Слова о Полку Игореве» нам становится известно, что в 1185 г. курский князь Всеволод принимал участие в походе на половцев.

Археологи установили, что центральным элементом поселения, как и положено, являлся Детинец (мысовое городище на берегу реки Тускарь), близ которого располагались Верхний и Нижний посады. Были обнаружены остатки неглубокого рва, который служил оборонительным укреплением. В общей сложности на обследованной территории были выявлены культурные напластования IX–XIII вв., XVII–XIX вв., а также некрополь XVII–XVIII вв. В середине прошлого века археологи у северных границ г. Курска обнаружили находки, датируемые поздним неолитом – ранней бронзой.

Среди обнаруженных артефактов встречаются фрагменты изделий круговой керамики древнерусского времени (XI–XIII вв.), а также посуда с ложбинкой на внутренней стороне, что характерно для монгольской керамики начиная с XII в. Также встречаются фрагменты стенок круговой кухонной посуды, которую относят к домонгольскому периоду. Вывод о столь древней датировке основывается на составе теста, из которого изготовлены сосуды.

Перстнеобразное височное кольцо из бронзы – находка в женском погребении – датируется XI–XIII вв. В отдельных могильных ямах обнаружены золотостеклянные бусины родом из Византии. Такие украшения бытовали на Руси преимущественно в XI в. В этот же период времени появляются и золотостеклянные бусы местного изготовления, однако они внешне сильно отличаются от византийских.

Исследованные мужские черепа из Курска по форме мезокранные, низкие по высотному диаметру, основание черепа среднее (по длиннотным) и малое (по широтным) размерам; основание лица средне-длинное, затылок средне-широкий, лоб по размерам на границе малых и средних значений.

Скуловой диаметр небольшой, верхняя ширина средних размеров, средняя ширина лица на границе малых и средних значений. По верхней высоте лицо низкое. Углы горизонтальной профилировки малых размеров. Лица мезенные, носы короткие и узкие, по указателю мезоринные, нос выступает в средней степени. Переносце высокое и широкое. Орбиты по указателю мезонконхные.

Для всех мужчин группы из некрополя X в. г. Курска было характерно удлиненное плечо согласно плече-бедренному индексу. Относительная длина предплечья, по результатам анализа лучеплечевого индекса, была средней или немного ниже среднего. То же самое можно сказать и об относительной длине голени, согласно берцово-бедренному индексу. Мужчины в группе не отличались широкоплечестью. Абсолютная ширина таза в основном была небольшой, а высота таза – значительной.

Прижизненная длина тела мужчин группы варьировалась от 160 см до почти 177 см. То есть по показателям роста группа была очень дифференциированной. Группу составляли мужчины с ростом ниже среднего, средним, выше среднего и даже большим.

У женщин группы из Курска также было выявлено выраженно удлиненное плечо, согласно плече-бедренному индексу, также среднее или ниже среднего соотношение длины предплечья и плеча, а также среднее или ниже среднего соотношение длины голени и бедра. Женщины характеризовались узкоплечестью и довольно широким тазом по абсолютной величине. При этом высота таза была различной (выраженно низкий таз, средний по высоте таз; встречается один вариант и очень высокого таза). Рассчитанный рост женщин, который был у них при жизни, варьировал в пределах от 153,6 см до 167 см. Согласно рубрикации длины тела по Мартину,

для женщин группы из Курска был характерен рост средний, выше среднего и большой.

При исследовании скелетов были обнаружены некоторые патологии и признаки имевших место травм. Патологии черепов, в первую очередь, были связаны с зубочелюстным аппаратом. У 22,22% людей обнаружена эмалевая гипоплазия, у 29,63% индивидов – пародонтоз, почти у 15% населения имел место кариес, а у 48,15% людей некоторое количество зубов (от нескольких до всех) были утрачены еще при жизни. В редких случаях выявлено наличие зубного камня, а также краудинг резцов и клыков и одонтогенный остеомиелит. У трех индивидов (что составило 11,11% от всей группы) обнаружены лопатообразные верхние резцы – признак восточного антропологического комплекса.

На одном мужском черепе отмечено искривление вправо носовой перегородки и соответствующее разрастание левой средней носовой раковины. Из особенностей черепа отмечается наличие метопического шва у двух индивидов и наличие также на двух других черепах значительной по размеру кости инков.

Патологии посткраниального скелета отмечаются в единичных случаях. Это полирозистый гиперостоз края тел позвонков, деформация тела по типу рыбьего позвонка, признаки остеохондроза, артроза межпозвоночных суставов, лигаментоза, туберкулеза, а также остеопороз, коксартроз (то есть остеоартроз тазобедренного сустава), остеоартроз локтевых суставов. На скелете одной пожилой женщины обнаружены признаки заросшего косого перелома со смещением локтевой кости в нижней части тела. У другой женщины, среднего возраста, обнаружены заросшие переломы второго правого и одного среднего правого ребер с последующим образованием костных мозолей. Подобные травмы носили, скорее всего, бытовой характер.

Для 23 индивидов из раскопок на территории г. Курска (ул. Димитрова – Семеновская) была описана морфология зубов, из них 0 детей. Количество наблюдений по признакам от 2 до 12. Среди «восточных» признаков встретились: лопатообразная форма центральных резцов, у двух индивидов – шестиугольный первый нижний моляр, коленчатые складки метаконида, которые сопровождались впадением второй борозды метаконида в третью межбуторковую борозду. У двух индивидов – форма три первой борозды параконуса, имеющая, по некоторым данным, восточный градиент распределения. Наиболее «восточными» в одонтологическом отношении является индивид из погребения 13, с выраженным бугорком Карабелли (балл 3), чаще всего рассматриваемым как признак с градиентом восток – запад, но имеющим и локальную изменчивость.

В силу возраста погребенных и стертости их зубов количество бугорков первых нижних моляров зачастую определялось как либо большее, либо равное пяти. В то же время количество бугорков у вторых нижних моляров, как правило, – четыре. Бугорок Карабелли в разной степени развития присутствует у двух третей обследованных индивидов, из них большая часть – «западные», чуть меньше трети – с «северным» градиентом.

Черты редукционного комплекса, свойственного грацильным, северному и южному, одонтологическим типам: лишь несколько вторых верхних редуцированных (трехбугорковых и с сильно редуцированным гипоконусом) моляров и четырехбугорковые вторые нижние моляры. Таким образом, редукционные процессы больше прослеживаются в формах вторых нижних зубов.

Все выявленные митохондриальные гаплогруппы имеют преимущественно европейскую или восточно-евразийскую локализацию (рисунок 2).

2. ГОЧЕВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС.

Село Гочево располагается в Беловском районе Курской области и уже давно привлекает внимание ученых сохранившимися курганами. Первые археологи побывали здесь еще в дореволюционный период – это Д. Я. Самоквасов, К. П. Сосновский.

В состав Гочевского археологического комплекса входят два городища («Царский дворец» и «Крутой курган»), селище и два могильника (1-й – курганный (основной и «Загородье») и 2-й – бескурганный), поэтому интерес к этому памятнику не угасает и сегодня: материала очень много, есть простор для исследований. В период с 1994 по 2016 г. Гочевской древнерусской экспедицией Курского государственного областного музея археологии была проведена серия раскопок, в результате которых составлен топографический план основного курганных массива.

В советское время в Курской области активно развивалось сельское хозяйство, распахивалась земля под посевы, частично распашка затронула территорию археологического памятника. Сегодня исследователям удалось обнаружить следы оборонительного рва 12 метров в длину, над которым располагались возделываемые в недалеком прошлом поля. Но полноценную картину, отражающую во всех деталях строение этого оборонительного сооружения, частично снивелированного в советские годы, историки сегодня могут проследить благодаря дореволюционным исследованиям Д. Я. Самоквасова.

Приходится, однако, с грустью признать, что описываемые здесь старинные могильники, датируемые XI–XII вв., часто попадают в поле зрения черных копателей, которые в поисках драгоценностей уничтожают дожившие до наших дней крупицы истории.

Впрочем, жители средневековой Руси страдали не только от происков кладоискателей. Повседневность их была насыщена военными столкновениями, археология этот тезис надежно подтверждает: в гочевских захоронениях ученые обнаруживают скелеты, сохранившие следы боевых травм на костях. В могиле усопшим нередко составляют компанию предметы вооружения, причем встречаются такие артефакты даже при женских и детских скелетах (топоры, кистени). Есть, впрочем, и более миролюбивые сюжеты: бусы или сосуд, погребенные вместе с телом. В некоторых погребениях были обнаружены ножи, эти артефакты встречаются и в мужских, и в женских могилах. Интересно, что археологи начала прошлого века, анализируя инвентарь женских погребений, делают вывод о полиэтничном составе

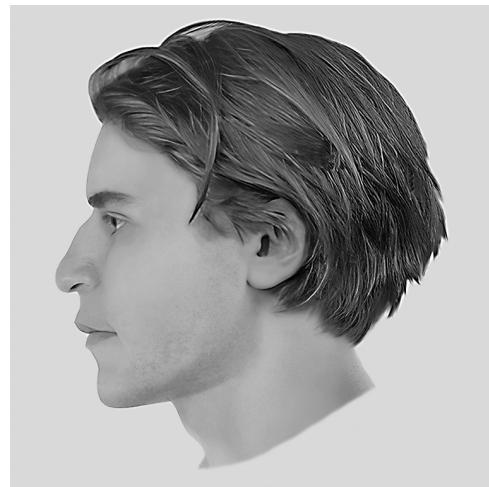

Рис. 2. Курск. X–XII вв.

населения села Гочево, а среди мужских погребений выявляют несколько захоронений дружинного типа.

Исследования Гочевской древнерусской экспедиции (1994–2016) привели к следующим результатам. Практически все скелеты были захоронены лежа на спине, большая часть датируется XI–XII вв., также присутствует ряд погребений более позднего времени (XIII–XIV вв.), обнаруженные в бескурганном могильнике близ городища «Царский дворец».

Иногда конкуренцию археологам составляют не только кладоискатели, но и находчивые грызуны. Именно они вытащили из могил височное кольцо, фрагменты лепного сосуда и золотостеклянную биконическую бусину, но далеко не унесли: эти предметы были обнаружены при выборке насыпи.

Дальнейшие разделы главы содержат результаты антропологических исследований и повествуют о том, какие сведения смогли сохранить для современных учёных костные останки, веками спавшие в земляных курганах.

По черепному указателю мужская выборка из Гочево характеризуется долихокраиной, черепа средневысокие, с небольшой длиной и средней шириной основания, само основание лица – средней длины. Размеры лба средние.

По широтным размерам лица индивиды попадают в средние категории. Верхняя высота лиц малая. Назомалярный угол попадает в категории средних размеров, зигомаксиллярный – малых. Лица по указателю мезенные. Носы короткие и среднеширокие, сильно выступающие, мезоринные, по симотическому указателю средние. Орбиты мезоконхные.

Были измерены скелеты семи мужских и двух женских индивидов. Сохранность скелетов была довольно хорошей, но в ряде случаев отсутствовали (или были сильно разрушены) некоторые кости. На основании результатов измерения костей были рассчитаны индексы массивности, или прочности, некоторые пропорции и прижизненная длина тела.

В ходе исследования индексов выясноено, что для мужчин были характерны плечевые и большеберцовые кости средней степени массивности, высоко массивные лучевые кости и при этом достаточно грацильные локтевые кости; бедренные кости по степени прочности были разнообразны. Лучевые кости почти у всех индивидов были значительно уплощены в сагиттальном направлении, у них сильно выступает межкостный край. У большинства индивидов индекс пилястрии бедра был больше 100%, при этом не обнаружены рельсообразные пилястры на задней поверхности костей, а степень развития мышечного рельефа – умеренная. Только у одного индивида шероховатая линия развита очень сильно. Таким образом, именно сам диафиз бедренных костей был в лучшей мере развит в сагиттальном направлении, обеспечивая прочность кости. Этот признак можно посчитать характерным для группы. Для большеберцовых костей почти всех индивидов характерна мезо- или эурикнемия. То есть диафиз костей был достаточно расширен. Только в одном случае описано саблевидное уплощение тела кости.

Индексы пропорций конечностей удалось посчитать очень в небольшом объеме, что было связано с сохранностью исследованных скелетов. Так, интермембральный индекс определил несколько укороченные верхние конечности у мужских индивидов. Причем это было связано именно с относительной длиной предплечий, согласно луче-большеберцовому индексу. Интересно, что одновременно наблюдается у индивидов и укорочение голеней, согласно берцово-бедренным индексам.

Длину тела, которую могли иметь мужчины группы при жизни, мы рассчитывали по формулам Бунака, Пирсона и Ли, Дюппертии и Хеддена (цит. по Алексееву 1966). Длина тела мужчин группы варьирует в интервале 160,2–172 см. То есть рост мужских индивидов группы был различным, встречались и низкорослые индивиды, и мужчины среднего роста, и роста выше среднего.

Для женщин группы из Гочево были характерны грацильные плечевые и локтевые кости, средне-массивные лучевые кости и разные по массивности бедренные. У мужчин можно отметить сильную уплощенность лучевых костей, высокий индекс пиястрии у бедренных костей. Большеберцовые кости были расширены в диафизе.

Прижизненная длина тел женщин данной группы в среднем составила 154,7 см и 155,0 см соответственно. То есть их рост был ниже среднего.

Патологии скелетов связаны с возрастными изменениями на костях. Кроме того, у одного мужчины обнаружены признаки заросшего перелома на правой локтевой и правой плечевой костях. На локтевой кости отмечен заросший косой перелом со смещением верхней части тела кости. Локтевой отросток с частью диафиза смещен вниз-вперед. У плечевой кости имеются переломы структур на нижнем конце кости, при этом блок плеча сресся с локтевым отростком локтевой кости. В итоге движения в суставе стали невозможными. Данный перелом описан у пожилого мужчины (старше 50 лет) и произошел задолго до его смерти.

В лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН были проведены изотопные анализы (изотопы углерода и азота) на предмет определения рациона питания. Анализ соотношения стабильных изотопов некоторых химических элементов (C , N) в качестве независимого исторического источника прочно вошел в археолого-антропологический исследовательский инструментарий. Базовые палеодиетологические реконструкции, то есть определение основных источников питания, входящих в обыденный рацион человека, основаны на экологических закономерностях фракционирования изотопного состава тканей растений и животных при смене трофического уровня. В качестве основного показателя используются $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$.

Во всех образцах из погребений курганного могильника Гочево выявлен высокий уровень легкого углерода и умеренно изотопно тяжелый азот, что указывает на то, что в рационе этих людей преобладала растительная пища. Доля мясной пищи минимальна. Причем у женщины из кургана 224 и двоих детей растительная пища была практически основной (рисунок 3).

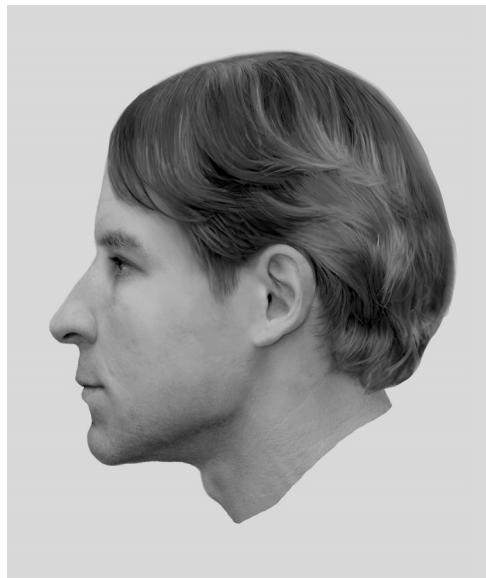

Рис. 3. Гочево. XII–XIII вв.

3. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ПЛЁС.

В Ивановской области расположен город Плёс, на территории которого в средневековье находилась одноименная крепость. Национальный и культурный состав средневекового Плёса складывался из коренного населения тех мест (ко-стромская мера) и из переселявшихся с запада «мигрантов» (кривичи).

В наши дни археологи исследовали два некрополя; датируются захоронения XI–XIII вв. Первый – Варваринский некрополь – использовался как кладбище с XI в. Второй – Соборная гора – появляется на месте разрушенной татаро-монголами крепости Плёс, как кладбище, начинает функционировать со второй половины XIII в.

Первое упоминание о городе Плёсе встречается на шесть лет раньше, чем о Москве, то есть в 1141 г. При впадении в Волгу реки Шохонки в XII в. строится крепость, которая просуществовала вплоть до XVI в.

Но, несмотря на древнюю историю этих мест, археологические исследования Плёса начинаются только во второй половине XX в. В конце 1950-х гг. крепостной вал вокруг городища изучал П. А. Раппопорт. Спустя почти 30 лет научный коллектив музея-заповедника г. Плёса под руководством В. Н. Травкина возобновил исследования, которые продолжались до 2005 г. Эти экспедиции выявили посад, крепостную стену, некрополь, центральное святилище. Все эти объекты были созданы горожанами в период до татаро-монгольского нашествия, которое в XIII в. захлестнуло Древнюю Русь (Травкин 2023).

Варваринский некрополь, которому посвящен первый раздел текущей главы, Ивановская археологическая экспедиция исследовала в 2014 г. Этот участок находится на правом берегу реки Шохонка у «Рыбной слободы». Радиоуглеродный метод определения возраста относит эти находки к периоду XI–XIII вв.

Раскопки второго некрополя, расположенного на Соборной горе, проводились еще в 1990-х гг. научным коллективом П. Н. Травкина. Это кладбище достаточно маленького размера, предполагается, что его начинают использовать незадолго до татаро-монгольского нашествия и продолжают использовать лишь в течение нескольких десятилетий после.

По черепам хорошей сохранности, обнаруженному в плёсских некрополях, исследователи не только воссоздали прижизненную внешность индивидов, которым принадлежали костные останки. По восьми мужским черепам был составлен обобщенный портрет. То есть вначале из восьми черепов был составлен как бы усредненный, обобщенный лицевой скелет, и на базе этого варианта была создана антропологическая реконструкция.

Принимая во внимание, с одной стороны, малочисленность выборки, еще более усугубившуюся с исключением черепа из погребения 13, с другой – повышенную вариабельность ряда размеров мозговой коробки и лицевого скелета, суммарное описание будет адекватным только по признакам, отражающим в целом морфологическую специфику группы. Мужская часть серии характеризуется долихократией, в пяти случаях из шести черепной указатель попадает именно в эту категорию. При этом справедливости ради следует отметить, что у двух индивидов соотношение ширины и длины мозговой коробки вплотную приближается к нижней границе мезокранных пропорций. Лишь в одном случае фиксируется умеренная брахиократия – черепной указатель едва пересек верхний рубеж мезокранных величин. Суммарно мозговая коробка характеризуется большим продоль-

ным диаметром, малой шириной, средней высотой свода от ба при малом диамetre po-br. Горизонтальная окружность черепа через g большая. Поперечная дуга po-br-po и сагиттальная дуга – в пределах категории средних размеров. Лобная кость среднеширокая (по наименьшей ширине), со средней высотой изгиба. Ширина основания черепа средняя. Затылочная кость среднеширокая.

Лицевой скелет средневысокий, среднеширокий по величине скулового диаметра и верхней ширины. В вертикальной плоскости профиль лица мезогнатный при среднем значении общего лицевого угла. Орбиты широкие, средневысокие, мезоконхные по указателю. Нос средней высоты. Горизонтальная профилировка в плоскости zm'-ss-zm' резкая. Специального рассмотрения заслуживает угол выступания носовых костей. Учитывая малую численность серии, едва ли следует давать суммарную характеристику по этому признаку, даже несмотря на нормальное среднее квадратическое отклонение, так как усредненная величина скрадывает явное морфологическое разнообразие: угол варьирует от малых до очень больших значений.

По сравнению с мужскими черепами из Плёса I, черепа из Плёса II характеризуются более высокой мозговой частью, более высоким и широким лбом, большими значениями углов горизонтальной профилировки, более низкими и широкими носами, а также более высокими, то есть мезонконхными, орбитами. По головному указателю черепа – долихокранные, основание черепа и лица длинные, затылок среднеширокий; скуловой диаметр, а также верхняя ширина – небольшие, однако в средней части лица среднеширокое, по верхней высоте лицо среднее. Лица мезенные, нос выступает в средней степени. Переносье высокое и среднеширокое.

Скелеты некрополя из города Плёса имели чаще всего очень плохую сохранность. Скелеты были далеко не полными, иногда это был набор отдельных костных фрагментов. Сами кости, особенно длинные кости конечностей, были сильно разрушены.

В общей сложности были идентифицированы костные останки 39 индивидов. При этом 25 скелетов принадлежали детям разного возраста, но в основном – до одного года.

Прижизненная длина тела, рассчитанная по формулам Пирсона и Ли, Бунака, Дюпертию и Хеддена, варьирует от 160,1 см до 177,1 см. То есть среди мужского населения г. Плёса были люди с ростом ниже среднего, средним ростом, ростом выше среднего и большим.

Значения интермембрального индекса в группе женщин из Плёса – средние и немного ниже среднего. Плече-бедренный индекс имеет большую вариабельность у женщин группы. В целом же можно констатировать, что высокое значение этого индекса имеют большинство индивидов. В некоторых случаях значения индекса намного превышают верхнюю границу вариации индекса у человека вообще (согласно литературным данным, которые будут со временем дополняться). Таким образом, большинство женщин характеризовалось удлиненными плечевыми отделами относительно бедра, согласно плече-бедренному индексу. Луче-большеберцовый индекс в женской части группы из Плёса имеет низкое значение, что указывает на относительно удлинившиеся голени у них (или укороченные предплечья относительно голеней по данному индексу). Ситуация аналогична таковой у мужчин группы. Лучеплечевой индекс варьирует от низких значений до значений выше среднего. Высоких значений индекса получено нами не было, то есть в группе женщин Плёса отсутствовали индивиды, отличающиеся значительно удлиненным предплечьем относительно плеча. Величины

берцово-бедренного индекса, рассчитанные для женской части группы, оказались или низкими, или средними относительно размаха вариаций этого показателя у человека современного типа. Таким образом, женщины группы отличались укороченными голенями относительно бедра или их средними соотношениями. Женщины группы из Плёса в целом характеризовались небольшой шириной плеч, широким и очень низким тазом. Длина тела при жизни, рассчитанная по формулам Пирсона и Ли, Бунака, Дюпертои и Хеддена, оказалась равной 149–160,6 см. Таким образом, женщины группы имели рост ниже среднего, средний и выше среднего.

И у мужчин, и у женщин из Плёса отмечается массивность ключиц, от величин немного ниже среднего до немного выше среднего. Плечевые кости мужчин и женщин группы варьируют от ультра-грацильных до средне-массивных.

На черепах и их фрагментах были обнаружены следующие патологии: эмалевая гипоплазия на резцах и клыках, зубной камень желто-охристого цвета, краудинг резцов и клыков, одонтогенный остеомиелит в области верхних премоляров. На черепах двух женщин и ребенка 2–3 лет обнаружена так называемая *cribra orbitalia* – маркер имевшего место заболевания крови – скорее всего, анемии. На черепе одного ребенка был обнаружен метопический шов. В целом для группы он не характерен, если делать вывод на основании изучения тех черепов и фрагментов, которые были в наличии.

Патологии посткраниальных скелетов были выявлены на возрастных костях. Это, в первую очередь, остеоартрозы разных суставов (плечевых, локтевых, тазобедренных, коленных, голеностопных), а также гиперостоз, развитие которого было связано с возрастом. На скелете молодого мужчины имеются признаки сильного ушиба правой малоберцовой кости в верхней трети. Вероятнее всего, травма носила бытовой характер. Массив данных по гаплогруппам образцов из Плёса выявил три основные гаплогруппы: R1a, E1b и N1a. Для образца PL-8 Y-хромосомная гаплогруппа является дочерней по отношению к R1a (Z280) – восточно-европейской славянской гаплогруппы. Для образца PL-4 удалось выявить (видимо, из-за высокой деградации ДНК) гаплогруппу R1a, близкую к корневой. Гаплогруппы, производные от E1b(V13), имеют североафриканские корни и наибольшую плотность распространения на Балканах. Ее носители во время славянского распространения попадают на территорию Древней Руси. Дочерние подгруппы N1, выявленные у образцов PL-2 и PL-3, с высокой вероятностью относятся финно-угорскому населению.

4. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ.

В 2016 г. в Переславле-Залесском, во время охранных археологических исследований Института Археологии РАН, было обнаружено массовое скопление человеческих останков. Найденное массовое погребение имело много общих черт с коллективными захоронениями в Ярославле, оставленными после нашествия хана Бату в 1238 г. Захоронение было совершено в непредназначенном для этой цели месте: в подполе сгоревшей постройки. Отмечено значительное количество травм черепа без следов некротического процесса. Исследованные травматические повреждения практически полностью совпадают с повреждениями, обнаруженными во время исследования массовых захоронений в Ярославле. Вместе с останками людей были обнаружены практически полные скелеты домашних животных без следов кулинарной обработки: кости лошадей, коров и собак. Расположение и характер изученного массового погребения свидетельствуют о том, что жители города по-

гибли одновременно в результате военного конфликта. Очевидно, подобные захоронения, нарушающие традиции погребения умерших, вызваны необходимостью спешной санитарной очистки территории города (Зейфер и др. 2019). Подтвердить теорию о том, что жители города погибли после нашествия Бату хана в 1238 г., удалось благодаря AMS-датированию образцов костей погребенных. Полученные результаты однозначно указывают, что захоронение не могло быть совершено позднее первой трети – второй половины XIII столетия. Мужские черепа из коллективного захоронения мезокранные на границе с долихокранием, в половине случаев черепной показатель попадает в эту категорию, ни одного случая брахиокрании отмечено не было.

Все основные размеры и диаметры черепной коробки относятся к категории средних величин, кроме поперечного диаметра черепа, попадающего в категорию малых размеров. Верхняя высота лица малая. Скуловой диаметр, верхняя и средняя ширина лица попадают в категорию средних размеров. Лицо среднее по верхнему лицевому указателю, с сильной горизонтальной профилировкой по обоим лицевым углам. Грушевидное отверстие узкое, высота носа малая, нос мезоринный по указателю, выступание носовых костей относительно профиля лица большое. Переносье широкое и высокое, симотический указатель большой. Орбиты низкие, среднеширокие, мезокончные по указателю. Основной массив данных по гаплогруппам исследованных индивидов средневекового Переяславля-Залесского состоит из носителей Y-хромосомных гаплогрупп, являющихся дочерними по отношению к R1a (Z280) – восточно-европейской славянской гаплогруппы (рисунки 4, 5). Один из исследованных образцов (РZ-19) оказался с гаплогруппой, являющейся дочерней по отношению к R1b(U106), которая наиболее распространена в Западной и Центральной Европе.

Рис. 4. Переяславль-Залесский. XII–XIII вв.

Рис. 5. Переяславль-Залесский. XII–XIII вв.

5. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК КОСТРОМА.

На рубеже ХХ–XXI вв. под руководством С. И. Алексеева был осуществлен ряд археологических исследований на территории Костромской области (Алексеев 2001). В результате раскопок были получены новые данные о культурном наследии Костромы, одного из древнейших городов нашей страны. Основанная Юрием Долгоруким, она моложе Москвы всего на пять лет. Чем славится этот регион? Кострома входит в Золотое кольцо России, ведь здесь находится Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь – колыбель династии Романовых. Отсюда родом Иван Сусанин, спасший царя от польских интервентов. На весь мир известен твердый Костромской сыр, одним из создателей которого был Николай Верещагин, родной брат знаменитого художника В. В. Верещагина.

Кисти именно этого живописца принадлежит полотно «Апофеоз войны», на котором запечатлена груда человеческих черепов.

Ученые выделяют три периода историографии региона. В первой половине XVIII в. историк, географ и государственный деятель В. Н. Татищев, основываясь на летописных данных, первым называет год основания города – 1152-й. С этой датой многие исследователи соглашаются и сегодня.

Однако по-настоящему объемный массив информации о жизни города в XII–XVIII вв. летописные своды предоставить не могли, необходимы были археологические исследования. Их ученые начинают проводить лишь в XX в. – второй этап исследований региона. До революции большая работа была проведена при раскопках курганной группы Костромской губернской ученой архивной комиссией. А в советское время к 800-летнему юбилею города (1952) под руководством к. и. н. М. В. Фехнер была осуществлена масштабная археологическая программа, призванная однозначно ответить на вопрос о времени возникновения города и его первоначальном расположении. В ходе работ было выявлено, что территория города была заселена еще в XII в. и первые поселения располагались на левом берегу Волги. Город находился на берегу водного торгового пути и был существенным для Древней Руси ремесленно-торговым центром. Третий период исследований начинается в 1989 г. С этого времени городское пространство активно застраивается новостройками, а значит, активно ведутся и археологические раскопки. Название город получает по имени реки Костромы, впадающей в Волгу. В этом регионе издревле были наложены торговые связи с древнерусскими землями Северо-Запада и финским Прикамьем. А притоки реки Костромы были богаты болотной рудой, которую использовали для производства железа.

Курганы в Костромской области в основном сгруппированы близ трех городских центров – Кострома, Плёс, Кинешма – и датируются XII–XIII вв. А самые первые находки ученые относят к эпохе мезолита: пластины, скребки, нуклеусы, а также сетчатая и фатьяновская керамика. Зафиксированы находки, контрастирующие с культурным слоем: например, керамика раннего железного века при условии, что соответствующий ей слой вовсе отсутствует на данной территории. Однако таким необычным находкам есть объяснение. В ходе крупных строительных работ в город завозили большие объемы песка «со стороны», в нем-то и переехали в Кострому эти артефакты.

Самые новейшие исследования уточняют время возникновения города: перво-поселенцы начинают осваивать эти места в XI–XII вв., расположившись на левом берегу Волги. Ученые убеждены, что уже с середины XII в. здесь был высокий про-

цент грамотного населения, было развито ремесло, торговля, военное дело, строятся усадьбы. Вместе с тем в этот период времени не создается еще фортификационное укрепление (крепость) для защиты местных жителей. Не обнаружили археологи в соответствующем слое печати и пломбы, которые могли бы свидетельствовать о развитом административном управлении. Эти факты могут говорить нам о том, что Кострома на тот момент представляла собой ремесленно-торговое поселение по типу посада. К категории посада ученые относят средневековую Нерехту и Плес.

В 1237 г. Кострома была разрушена татаро-монголами, но возродилась. И уже во второй половине XIII в. в городе появляется первый кремль. С этого момента город активно развивается, что постепенно приводит к необходимости перенести крепость на новое место. Второй кремль строится в первой половине XV в. Совершив небольшое путешествие в историю региона, самое время углубиться в подробности антропологического исследования костяков, обнаруженных на территории Костромской области в ходе раскопок 1989–2000 гг. под руководством С. И. Алексеева. Мужские черепа с кладбища территории г. Костромы по форме мезокранные, средневысокие, длина и ширина основания черепа средние, длина основания лица также средняя, затылок широкий, лоб широкий. Лицо среднеширокое в скулах и в средней части, в верхней части широкое, верхняя высота лица малая. По углам горизонтальной профиляции черепа малые. Лица мезенные, носы средневысокие и узкие, по указателю мезоринные. Переносье высокое и среднеширокое. Орбиты по указателю мезокончные.

Лопатообразная форма верхних резцов чаще всего оценивается баллом 1, практически не достигает балла 2. Бугорок Карабелли в основном отсутствует, у детей встречаются высокие баллы развития признака – 3. Первые моляры в основном пятибугорковые, вторые, за редким исключением, имеют четыре бугорка. Однозначно фиксирована коленчатая складка метаконида, при этом форма второй борозды метаконида в основном – III. Редуцированные формы второго верхнего моляра (3 и 3+) встречаются у половины индивидов. Есть и двухкорневые первые верхние моляры.

6. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК УНОРОЖ.

В 2013–2018 гг. проводились раскопки археологического памятника в Галичском районе Костромской области. В фокусе внимания масштабных археологических исследований находилось Городище Унорож, культурные слои которого сохранили немало информации о периоде раннего железного века. В рамках комплексной межрегиональной археологической экспедиции «Унорож: путешествие сквозь века», проводимой в тесном сотрудничестве с Костромским областным отделением «Русского географического общества» и при поддержке администрации Галичского муниципального района, была обследована территория площадью почти 250 кв. м. Очень интересен опыт проведения этого не только сугубо академичного, но и научно-познавательного проекта, ведь в раскопках наряду с учеными принимали участие волонтеры, студенты, школьники. Руководил Костромской археологической экспедицией к. и. н. А. В. Новиков (Археологическое... 2017).

Исследователи склонны относить Унорож к финским древностям, также учёные сходятся в том, что население этой территории участвовало в международной пушной торговле в IX–XI вв., бобровый промысел играл важную роль в его экономической жизни. Наряду с мехами основу обмена в плоскости средневековой торговой системы составляли серебро и стеклянные бусы. Интересен и тот факт, что вокруг города было не так много искусственных оборонительных сооружений, вместе которых использовали в качестве укреплений естественные детали ландшафта.

При этом на южном склоне городища были обнаружены фортификационные укрепления разного времени, которые впервые были обследованы в ходе экспедиции «Унорож: путешествие сквозь века». Была обнаружена двойная изгородь, проходящая по краю террасы южной оконечности городища. Она состояла из двух рядов деревянного частокола, пространство между которыми было заполнено бревнами.

В ходе раскопок удалось обнаружить более 12 тысяч находок, в числе которых 8 деревянных построек, 21 погребение. Изделия из кремня наводят на мысль, что первые поселения появляются здесь еще в эпоху мезолита. В 2018 г. археологами были найдены более 2000 предметов «индивидуального облика». Речь идет об изделиях из глины, камня, стекла (в том числе бисера), металлов, которые датируются временем мезолита, раннего железного века и средневековья. Большой пласт среди обнаруженных артефактов занимают изделия из рога и кости. Эти материалы древнее население использовало для изготовления гребней, амулетов-подвесок и украшений, наконечников стрел, хозяйственного инвентаря. В основном найденные объекты датируются IX–XI вв., часть из них интерпретируются как предметы импорта, которые встречаются практически по всей территории Восточно-Европейской равнины и даже западнее. Другая часть костяных изделий, возможно, была изготовлена непосредственно в Унороже. По крайней мере, д. и. н. Е. А. Рябинин предполагает наличие косторезного производства на территории городища. В первой четверти XV в. на территории Унорожа, тогда еще не являвшегося даже селом, находился монастырь (Благовещенская обитель). Об этом периоде времени сохранились уже письменные источники.

Археологические исследования Городища начинаются более 100 лет назад, и достаточно давно специалисты пришли к выводу, что памятник содержит культурные слои от раннего железного века до позднего средневековья. И этот широкий временной разброс ставит Унорож особняком среди других костромских памятников. «Городище Унорож» без преувеличения имеет общероссийское значение, ведь в этом сравнительно небольшом кусочке земли, как в капле воды, отражались многие культурно-исторические процессы, характерные для всего Верхневолжского региона на протяжении веков. Территория сохраняет потенциал для будущих исследований: разведочные шурфы демонстрируют возможность обнаружения артефактов эпохи поздней бронзы. Мужские черепа из городища Унорож характеризуются мезо-брахицранней, черепа средневысокие, с небольшой длиной основания. Наибольшая ширина лба попадает в категории больших размеров. Скуловой диаметр, длина основания лица, верхняя и средняя высоты, а также средняя ширина лица малые. Верхняя ширина лица средняя. Углы горизонтальной профилировки входят в градации малых размеров. Лица по указателю мезенные. Носы короткие и среднеширокие, средневыступающие, мезоринные, по симотическому указателю средние. Орбиты мезоконхные.

Скелеты населения из Унорожского могильника имели разную степень сохранности, но чаще всего очень плохую. Лучше и полноценнее сохранились женские скелеты. Для мужчин из Унорожи были характерны следующие значения показателей пропорций конечностей: по плече-бедренному индексу – удлиненное плечо, по луче-плечевому индексу – укороченное предплечье, согласно берцово-бедренному указателю – укороченная голень относительно бедра. У мужчин можно отметить небольшие по длине ключицы и, соответственно, очень узкую ширину плеч (31,5–33 см). Ширина таза – различна. Расчет прижизненной длины тела мужчин выявил следующий размах вариаций: от почти 157 см до 162 см. Таким образом, мужчины группы характери-

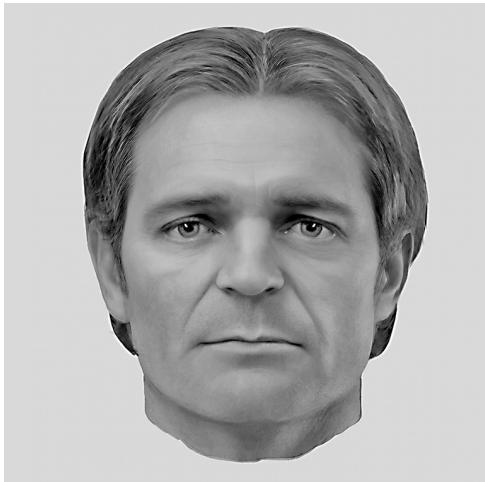

Рис. 6. Унорож. XI–XIV вв.

Рис. 7. Унорож. XI–XIV вв.

зывались ростом малым и ниже среднего. Все женщины характеризовались узкими плечами и чаще всего довольно узким тазом. При этом таз, согласно расчетам тазовых индексов, у женщин был, как и положено, довольно низким. Длина тела, которую имели женщины при жизни, варьировала в группе от почти 147 см до 160,5 см. То есть женщины группы обладали малым ростом, средним и даже больше среднего.

Для мужчин, женщин и детей группы из Унорожа были характерны различные патологии зубочелюстного аппарата: пародонтоз, эмалевая гипоплазия, кариес, прижизненная потеря зубов и другое. Кроме того, в группе довольно часто встречается так называемая *cribra orbitalia* – маркер заболеваний крови, в первую очередь, анемии.

Исследование Y-хромосомной ДНК позволило получить по четырем образцам следующие терминальные гаплогруппы:

Номер п/п	ID образца	Терминальная гаплогруппа	Полиморфизм (согласно ISOGG, синонимы)
1	Un-15	R1a1a1b1a1a1c1g~	BY30715
2	Un-5	N1a1a1a1a2a1c2a~	Y19108
3	Un-8	N1a1a1a1a2a1a1a	CTS1737, Z1927
4	Un-11	N1a1a1a2	SK1504, Y10759

У одного образца средневекового Унорожа (Un-15) выявлена гаплогруппа, являющаяся дочерней к R1a (Z280) – восточно-европейской славянской гаплогруппы (рисунок 6).

Образцы Un-5 и Un-8 являются, вероятнее всего, представителями местного населения меря. Гаплогруппа образца Un-11 в основном характерна для Уральского и Западно-Сибирского региона (рисунок 7).

7. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ТВЕРЬ.

В 2018 г. под руководством И. А. Сафаровой были проведены спасательные археологические раскопки на территории бывшего Тверского кремля, не сохранившегося на сегодняшний день (Сафарова 2018). В городе проходила реконструкция стадиона «Химик», и именно там, под спортивной ареной, были обнаружены артефакты и находки, которые смело можно отнести к кремлевской тематике.

В ходе исследований было обнаружено большое количество погребений. Скелеты в них ориентированы преимущественно головой на запад, встречаются детские скелеты. Нередки на территории некрополя и перезахоронения. Их можно выявить по неанатомическому расположению костей в могильной яме, а иногда костный материал в перезахоронении принадлежит разным индивидам (несколько черепов в одной могиле и т. д.). Если же кости разных индивидов располагаются в анатомическом порядке, то можно говорить о парных или коллективных захоронениях, которые на территории кремля тоже встречались. Захоронения находились в дощатых гробах – ящиках, большая часть погребенных располагались на спине, руки сложены на груди. Из 106 захоронений 96 – безинвентарные. В 10 были обнаружены фрагменты кожаной обуви в восточной части могильных ям. Учитывая данные радиоуглеродного датирования, стратиграфическую и планиграфическую ситуацию, хронологию археологических находок, в том числе и керамики, ранний (начальный) этап функционирования кладбища в западной части Тверского кремля может быть отнесен к периоду не позднее середины – второй половины XII – первой трети XIII в.

Первоначально на склоне с небольшим перепадом высот происходила некоторая хозяйственная деятельность, возможно, связанная с застройкой, оставшейся за пределами раскопа. Для внешнего кольца бревна из хозяйственной ямы, связанной с этим этапом, получена радиоуглеродная дата BP 939+/-24 (1035–1160). Через некоторое время этот участок был отведен под кладбище, для наиболее раннегопогребения которого получена радиоуглеродная дата BP 962+/-25 (1035–1160). Вероятно, именно в этот временной промежуток и возникает кладбище. Радиоуглеродные даты трех других погребений: 1151–1228 гг., 1155–1228 гг., 1175–1270 гг. Кладбище функционировало на протяжении длительного времени, без перерывов, вплоть до рубежа XVI–XVII вв., связано с храмом неизвестного посвящения, который, вероятнее всего, располагался в непосредственной близости, за пределами раскопа.

Для исследования были отобраны 20 мужских и 6 женских черепов. Наблюдается небольшая вариабельность большинства основных признаков как для мужчин, так и для женщин, при этом изменчивость некоторых признаков лица в обеих группах несколько повышена. Мозговая часть черепа у мужчин средняя по длине и ширине, головной указатель попадает в градации мезокрании. По высоте мозговая часть черепа на границе средних и больших размеров, это повлияло на значение высотно-поперечного указателя, по которому черепа характеризуются акрокраинией. По высотно-продольному указателю черепа средних размеров, то есть ортокранные, среднедлинные и среднеширокие. Затылочная область по ширине средняя, среднедлинная по значениям хорды и дуги. Теменные дуга и хорда – средние. Лоб среднеширокий как по

наименьшей, так и по наибольшей ширине, хорда и дуга имеют также средние значения.

Скуловой диаметр средний, длина основания лица средних показателей, лицо в верхней части низкое, среднеширокое, в средней части несколько узкое. Назомаярный и зигомаксиллярный углы принимают малые значения. Лица по верхнелицевому указателю мезенные, вертикальный фацио-церебральный указатель в градациях малых значений. Параметры носовой области очень вариабельны – высота, ширина, а также угол выступания носа варьируются от малых до больших значений, но в целом по носовому указателю нос мезоринный. Переносье принимает значения от малых до больших по ширине, и от средних до высоких по высоте. Орбиты короткие и низкие, мезоконхные по указателю.

В исследовании изучался посткраниальный скелет 76 индивидов из могильника на территории Тверского кремля. Из них 54 индивида принадлежат мужскому полу и 22 – женскому. Степень сохранности скелетов удовлетворительная, в некоторых случаях фиксировались неполные кости.

Как для мужчин, так и для женщин исследованной группы отмечается относительное удлинение костей нижних конечностей относительно верхних. Луче-плечевой индекс попадает в градации больших значений, а берцово-бедренный указатель находится на границе средних и больших величин. Ширина плеч у мужчин попадает в категории средних значений. Прижизненная длина тела мужчин, высчитанная по среднему значению формул Бунака, Пирсона и Ли, Дюппертои и Хеддена (Алексеев 1966), варьирует от средней до большой по рубрикациям Р. Мартина. В целом длина тела равна 167,9 см, что попадает в градации выше средних.

Основной массив данных по гаплогруппам исследованных индивидов средневековой Твери состоит из носителей Y-хромосомных гаплогрупп, являющихся дочерними по отношению к R1a (Z280) – восточно-европейской славянской гаплогруппы.

Высокая доля в генофонде средневековой Твери также у гаплогрупп, производных от I2a1(S238), имеющих балканское происхождение. Ее носители во время славянского распространения попадают на территорию Древней Руси через Карпаты. Вместе с ними на территорию Руси проникают носители гаплогруппы E1b(V13), у которых североафриканские корни и наибольшая плотность распространения на Балканах. Гаплогруппа, являющаяся дочерней по отношению к R1b(U106), наиболее распространена в Западной и Центральной Европе. Наконец, у одного индивида из Твери была определена дочерняя гаплогруппа N1. Носители этой гаплогруппы на территории Древней Руси относятся преимущественно к финно-угорскому населению.

8. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ПОЛОЦК.

Раскопки проводились на территории двух некрополей: Верхний Замок и Нижний Замок в 2014-м и в 2019–2021 гг., основной объем находок датируется периодом XI–XIV вв. (Емельянчик и др. 2018).

Полоцк, как центр полоцких кривичей, располагается на берегу Западной Двины, что с незапамятных времен связывало его с Прибалтикой и Скандинавией.

вией. По реке проходили торговые пути, в XII в. именно полочане контролируют участок пути до Балтийского моря. В этот период времени Полоцк становится крупнейшим городом в Древней Руси, население переваливает за 10 тысяч человек.

В отличие от других древнерусских городов, Полоцк не испытал татаро-монгольского нашествия. А в начале XIV в. и вовсе вошел в состав Великого Княжества Литовского. То есть судьба этого региона на протяжении веков складывалась несколько нетипично по сравнению с другими рассматриваемыми в «Альбоме» городами. Интерес археологов к Полоцку не угасает на протяжении уже 100 лет, и это вполне оправдано: первое упоминание о городе встречается уже в 862 г. Свидетельства столь почтенному возрасту прослеживаются теперь не только в летописях, в 2010 г. были обнаружены и однозначные археологические данные, подтверждающие факт существования поселения в IX в. Если первые исследователи Полоцких древностей делали акцент на архитектуре городской застройки, экономике и топографии, то в последние десятилетия ученые переключают внимание на сохранившиеся некрополи. Полоцкий государственный университет организует систематические раскопки под руководством Д. В. Дука и А. Л. Коца, в результате которых были обнаружены остеологические материалы XIII–XIV и XVII–XVIII вв. А в 2019 г. в ходе раскопок Верхнего замка научным коллективом И. В. Магалинского были найдены многочисленные костные останки, датируемые XI–XIII вв.

Погребения на территории города встречаются как в виде грунтовых некрополей, так и в храмовых саркофагах, а вот курганов в Полоцке нет, что достаточно необычно: в других населенных пунктах, история которых насчитывает более 1000 лет, курганы распространены. Археологи склонны объяснять их отсутствие разрушением в начале XX в., когда город активно разрастался. В полоцком Софийском соборе были захоронения представителей знати, но останки из саркофагов исследованы антропологами не были. Зато подробно изучены грунтовые некрополи средневекового периода, обнаруженные при храмах. Один из самых примечательных – «Стрелка Нижнего замка»: вдающийся мысом в реку Полоту берег, где в начале второго тысячелетия нашей эры появляется Детинец, а вскоре и Храм на Стрелке. Сам Нижний замок появляется значительно позже, в период Ливонской войны, и во время строительства часть некрополя была повреждена. Захоронения из некрополя «Нижний замок» ориентированы головой на запад или на юго-запад. Обнаружена лишь одна коллективная могила, все остальные – индивидуальные. Захоронения преимущественно безинвентарные, что характерно для христианской традиции.

Некрополь «Верхний замок» располагается на месте впадении р. Полоты в Западную Двину. Эта территория находится в охранной зоне заповедника, раскопки проводились в 2019–2022 гг. Были обнаружены артефакты XI–XVIII вв., а также захоронения преимущественно XII–XIII вв., ориентированные на запад. В погребениях встречается атрибутика, в том числе украшения и гвозди. Сам некрополь, вероятно, находился близ небольшого храма, от которого не сохранилось следов.

Третий исследованный некрополь находится на территории монастыря Евфросинии Полоцкой близ Спасо-Преображенского храма, раскопки ведутся с 2005 г. Храм был построен в XII в. А в конце XVIII в. монастырь находился во владении ор-

дена иезуитов, которые создают в подклете храма крипты для погребения высших иерархов ордена.

При исследовании крипты было обнаружено, что большая часть костных останков находились не в анатомическом порядке, то есть были перезахоронены, и первоначальное место захоронения их неизвестно. Обнаруженный католический крест подтверждает предположение о том, что часть останков в крипте принадлежит иезуитам. Другая часть разрозненных останков, обнаруженных в крипте, происходят из прилегающего к храму кладбища. Выводы об этом ученые делают, сопоставив выборку черепов из некрополя близ храма с бессистемно разбросанными в крипте черепами. Дальнейшие разделы этой главы повествуют об антропологическом исследовании костных останков, обнаруженных на некрополях г. Полоцка. Согласно исследованию, мужские черепа из некрополя с территории Верхнего замка характеризуются долихокранностью, высоким сводом, основание черепа и лица длинные, затылок среднеширокий, лоб по размерам средний. Лицо среднеширокое в скулах, ширина в верхней, средней его частях, а также верхняя высота лица средние. Углы горизонтальной профилировки принимают малые значения. Лица мезенные, носы короткие и среднеширокие, по указателю мезоринные. Переносье высокое и среднеширокое. Орбиты по указателю низкие (хамеконхные). В исследованной группе населения, оставившего погребения XI–XIII вв. на территории Верхнего замка, длина тела у мужчин варьировала в пределах 165–177 см и составляла в среднем 171,6 см. Таким образом, мужчины группы обладали средним ростом, выше среднего и большим, согласно рубрикации Р. Мартина. У женщин длина тела варьировала в пределах 150–169 см и составляла в среднем 159,1 см. То есть женщины группы характеризовались различным ростом: ниже среднего, средним, выше среднего, большим и очень большим. Согласно результатам палеопатологической экспертизы, были зафиксированы следы следующих заболеваний и патологических состояний: заболевания и патологические состояния зубочелюстной системы (кариес, абсцессы челюсти, пародонтопатии, микротравмы эмали, зубной камень, стертость эмали), маркеры неспецифического физиологического стресса (поротический гиперостоз, эмалевая гипоплазия). Полученные результаты позволяют говорить об особенностях повседневной жизни средневекового населения Полоцка, в числе прочего выражавшихся в недостатке стоматологической гигиены.

Отмечаются также заболевания позвоночника (спондилез, узлы (грыжи) Шморля, спондилоартроз), остеоартрозные поражения суставных поверхностей костей плечевого пояса, верхних и нижних конечностей, переломы костей плечевого пояса и грудной клетки, верхних и нижних конечностей, травмы черепа, следы воспалительных процессов (периостальная реакция на диафизах длинных трубчатых костей).

При сравнении встречаемости патологий с учетом пола было установлено, что как мужское, так и женское население в одинаково высокой степени было подвержено развитию заболеваний зубочелюстной системы и дегенерации позвоночника. Высокий процент случаев заболеваний позвоночника, скорее всего, является закономерным показателем возрастного износа организма индивидов в ходе воздействия систематических биомеханических нагрузок.

Небольшой процент травматических повреждений черепа и костей посткраниального скелета индивидов характеризует средневековое население Полоцка,

погребенное на территории Верхнего замка, как относительно мирное. На это также указывает отсутствие следов применения холодного или метательного оружия. Образцы Pol-5 и Pol-12 принадлежат к Y-хромосомным гаплогруппам, являющимся дочерними по отношению к R1a (Z280) – восточно-европейской славянской гаплогруппы. Гаплогруппа, выявленная у исследованного образца Pol-11, является производной от I2a1(S238) и имеет балканское происхождение. Ее носители во время славянского распространения попадают на территорию Древней Руси через Карпаты. У образца Pol-3 (вероятно, из-за высокой деградации ДНК) была выявлена только корневая гаплогруппа, имеющая североафриканские корни. Ее дочерняя гаплогруппа E1b(V13) имеет наибольшую плотность распространения на Балканах. Ее носители во время славянского распространения попадают на территорию Древней Руси (рисунок 8).

Рис. 8. Полоцк. XII–XIII вв.

Обсуждение и выводы

По результатам межгруппового канонического анализа исследуемых серий можно утверждать, что мужские серии из Унорожи, Твери, Костромы, Курска, Плёса II и Переславля сближаются по KBII. Женская часть выборки из Твери, Полоцка и Переславля показывает такие характеристики: относительно высокое лицо, широкие орбиты и слабо выступающий нос. Обращает на себя внимание разница между сериями (как мужскими, так и женскими) из Плёса I и Плёса II, которые, судя по анализу, имеют противоположные значения исследуемых характеристик. Согласно межгрупповому анализу, проведенному с привлечением данных из литературных источников, мужчины серии словене сближаются с мужской серией из Гочево, серии из Плёса объединяются с сериями вятичей и кривичей, мужчины Полоцка, Курска и Переславля – с кривичами и северянами, Унорожи, Костромы и Твери – с полянами. Женские серии образуют более обособленные скопления: северяне, вятичи и кривичи близки к женщинам из Гочево, словене и поляне близки к женщинам Полоцка и Переславля.

Объединяя серии по княжествам, существовавшим в XII–XIV вв., видим следующую картину. Мужские серии из Ростово-Сузdalского княжества объединяются с сериями черниговских полян, радимичей, Новинки и киевских полян, из Полоцкого княжества – с серией из Смоленска, а из Северского княжества – с сериями из Новогрудка и Галича. Женские серии имеют большую обособленность. Средневековое население Курска, Гочево, Переславля-Залесского, Полоцка, Плёса состоит из носителей Y-хромосомных гаплогрупп, являющихся дочерними по отноше-

нию к R1a (Z280) – восточно-европейской славянской гаплогруппы. Гаплогруппа в Твери, являющаяся дочерней по отношению к R1b(U106), наиболее распространена в Западной и Центральной Европе. Наконец, у одного индивида из Твери была определена дочерняя гаплогруппа N1. Носители этой гаплогруппы на территории Древней Руси относятся преимущественно к финно-угорскому населению.

У одного образца из средневекового Унорожа (Un-15) выявлена гаплогруппа, являющаяся дочерней к R1a (Z280) – восточно-европейской славянской гаплогруппы. Образцы Un-5 и Un-8 являются, вероятнее всего, представителями местного населения мерея. Гаплогруппа образца Un-11 в основном характерна для Уральского и Западно-Сибирского регионов.

Представленные одонтологические выборки, за исключением полоцкой, – небольшие по численности. На данном этапе исследования можно говорить о том, что от средневековья к современности у населения Полоцка меняется «одонтологический портрет»: североевропейский реликтовый тип сменяется северным грацильным, северный грацильный – среднеевропейским: происходит элиминация восточных одонтологических черт. Тем не менее практически все изученные новые материалы демонстрируют низкие частоты восточных признаков или их отсутствие, высокий процент вторых четырехбуторковых моляров (за исключением выборок из Плёса I и Гочево). Локальные отличия определяются степенью выраженности бугорка Карабелли, частотой редуцированных форм вторых верхних моляров, наличием или отсутствием восточных признаков, что, несомненно, отражает специфику формирования антропологического состава изученных территорий.

Представленные одонтологические выборки, за исключением полоцкой, небольшие по численности наблюдений. На данном этапе исследования можно говорить о том, что от средневековья к современности у населения Полоцка меняется «одонтологический портрет»: североевропейский реликтовый тип сменяется северным грацильным, северный грацильный – среднеевропейским: происходит элиминация восточных одонтологических черт. Тем не менее практически все изученные новые материалы демонстрируют низкие частоты восточных признаков или их отсутствие, высокий процент вторых четырехбуторковых моляров (за исключением выборок из Плёса I и Гочево). Локальные отличия определяются степенью выраженности бугорка Карабелли, частотой редуцированных форм вторых верхних моляров, наличием или отсутствием восточных признаков, что, несомненно, отражает специфику формирования антропологического состава изученных территорий.

На основании полученных нами и опубликованных ранее данных можно заключить, что средневековая аристократия и городское население центральных регионов России в XI–XVI вв. питались в основном продуктами животного происхождения, меньшую долю занимала растительной пища. Питание сельского населения состояло в основном из растительных продуктов (растительные культуры: рожь, пшеница, овес и др.). Для людей, оставивших южные могильники (г. Курск и с. Гочево), впервые установлено употребление в пищу злаков типа проса. Таким образом, сделанный ранее вывод о том, что питание средневекового населения центра Русской равнины определялось социальным фактором, в целом подтверждается нашими новыми данными.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеев С. И. Итоги археологических исследований в г. Костроме и Костромской области (1989–2000 гг.) // Вестник Костромской археологической экспедиции. 2001. № 1. С. 29–36.

Археологическое изучение городища Унорож: итоги и перспективы / Отв. ред. А. В. Новиков. Кострома: Линия График Кострома, 2017.

Васильев С. В., Рассказова А. В., Присикова Е. А., Веселовская Е. В., Рацковская Ю. В., Харламова Н. В., Боруцкая С. Б., Алексина О. И., Фризен С. Ю., Емельянчик О. А., Мустафин Х. Х., Альбирова И. Э. Население Древней Руси (альбом в лицах). М.: Типография АМА-ПРЕСС, 2024.

Енуков В. В. Отчет об археологических раскопках объекта археологического наследия «Исторический культурный слой г. Курска» в границах проектируемого строительства по адресу: г. Курск, ул. Димитрова, д. 14, ул. Семе-

новская, д. 15, д. 17 в 2019 г. / Архив Курского государственного университета, 2022.

Емельянчик О. А., Веселовская Е. В., Васильев С. В., Рацковская Ю. В., Каминская Д. С., Магалинский И. В., Коц А. Л. Новые данные по антропологии средневекового населения города Полоцка // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 220–255.

Зейфер В. А., Мазурок О. И., Леонтьев А. А., Столярова Е. К., Сапрыкина И. А. К вопросу об усадебной застройке Переяславля-Залесского (Переяславля) в XIII–XV веках (по материалам исследований 2016 года) // Археология Подмосковья. 2019. № 15. С. 132–149.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982.

Сафарова И. А. Научный отчет о спасательных археологических работах на территории Кремля г. Твери в 2018 г. / Архив омега-мастер, 2018.

Травкин П. Н. Плёсская крепость в XII–XVI веках. Иваново: Издатель Ольга Епишева, 2023.

Сведения об авторах

Алымов Сергей Сергеевич,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
(г. Москва, Россия)

Анинхалли Васави (Aninhalli R. Vasavi),

секретарь исследовательской группы Punarchit
(г. Бангалур, Индия)

Асанканов Абылабек Асанканович,

доктор исторических наук, профессор,
директор Института истории, археологии и этнологии
имени Б. Джамгерчинова Национальной академии наук
Кыргызской Республики
(г. Бишкек, Кыргызстан)

Васильев Сергей Владимирович,

доктор исторических наук, зав. Центром физической
антропологии Института этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
(г. Москва, Россия)

Гуань Кай (Guan Kai),

директор Института этнологии и социологии
Центрального университета национальностей
Китайской Народной Республики
(г. Пекин, КНР)

Загребин Алексей Егорович,

доктор исторических наук, профессор РАН,
директор Института этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
(г. Москва, Россия)

Казьмина Ольга Евгеньевна,

доктор исторических наук, заведующая кафедрой этнологии
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова
(г. Москва, Россия)

Каменских Михаил Сергеевич,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института гуманитарных исследований УрО РАН
(г. Пермь, Россия)

Керимова Мариям Мустафаевна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
(г. Москва, Россия)

Марушиакова Елена Андреевна
(Marushiaakova Elena Andreevna),
профессор, ведущий исследователь,
старший научный сотрудник Института этнологии
и социальной антропологии Словацкой академии наук
(г. Братислава, Словакия)

Плотников Алексей Васильевич,
глава Коми-Пермяцкого округа, министр Пермского края
(г. Кудымкар, Пермский край, Россия)

Попов Веселин
(Popov Vesselin),
ведущий исследователь, старший научный сотрудник
Института этнологии и социальной антропологии
Словацкой академии наук
(г. Братислава, Словакия)

Тишков Валерий Александрович,
академик РАН, доктор исторических наук,
научный руководитель Института этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
(г. Москва, Россия)

Черных Александр Васильевич,
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,
директор Института гуманитарных исследований УрО РАН
(филиал Пермского федерального
исследовательского центра УрО РАН)
(г. Пермь, Россия)

XVI КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ РОССИИ

Материалы пленарного заседания

12+

Под редакцией А. В. Черных, М. С. Каменских

Перевод на русский язык: Е. И. Соболева, М. С. Каменских

Дизайн и верстка – Л. Г. Пенягина
Корректор – И. И. Плотникова
Координатор – Г. Ю. Цыганкова

ISBN 978-5-91076-298-9

Издательство «Маматов»
191024, г. Санкт-Петербург, ул. 4-я Советская, 46/8, литер A
www.mamatov.ru

Подписано в печать 30.05.2025. Формат 70x100/16. Бумага ВХИ.
Тираж 500 экз. Заказ № 325618

Отпечатано с готовых файлов ИП Дудкин В. А.
614064, г. Пермь, ул. Усольская, 15, корпус 3